

СЕРАФИМ
ЗНАЧИТ
ПЛАМЕННЫЙ

*Митрополит Серафим в своем кабинете
в Воскресенском Новодевичьем монастыре.
Ленинград, 1928 г.*

В.А. ЮЛИН

СЕРАФИМ ЗНАЧИТ ПЛАМЕННЫЙ

*Очерк земной жизни
священномученика
митрополита Серафима
(Чичагова)*

Москва
Сибирская Благовонница
2010

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

Ю 10 Юлин, В. А.

Серафим значит пламенный: очерк земной жизни священномученика митрополита Серафима (Чичагова). — М.: Сибирская Благовонница, 2010. — 396, [4] с. (цв. вкладка).

Эта книга посвящается митрополиту Серафиму (в миру Леонид Михайлович Чичагов), явившемуся инициатором канонизации преподобного Серафима Саровского и главным организатором торжеств в Сарове по его прославлению в 1903 г. Родовитый русский аристократ, человек незаурядных дарований Л. М. Чичагов оставил блистательную военную карьеру и избрал главным делом своей жизни служение Русской Православной Церкви. Ей он отдал всего себя без остатка, взойдя на высокую ступень в церковной иерархии и приняв за веру мученическую кончину в 1937 г.

УДК 242

ББК 86.37-4

© Юлин В. А., текст, фото из
семейного архива, 2010

© Издательство
Сибирская Благовонница,
оформление, 2010

ISBN 978-5-91362-281-5

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всего текста книги или его части, а также фото из семейного архива Чичаговых воспрещается без письменного разрешения автора.

«Среди ярких имен российского общества мы видим представителей духовного сословия, как пришедших от многовековой традиции священнослужителей, так и вновь вошедших в церковную среду. Приходили они отовсюду... “Ина слава солнцу, и ина слава луне, и... звезда от звезды разнится во славе”, — говорит апостол Павел. И едва ли доступно земному мудрованию давать оценку тем лицам, которые уже вне суда земного. Но без внимания к их жизненному пути, к тому, что проделано ими в жизни, понять и усвоить их духовное творчество едва ли возможно»^{1*}.

Митрополит Волоколамский и Юрьевский
ПИТИРИМ†

* Ссылки на источники см. на стр. 352.

Конец XIX века и весь XX век особенно знаменательны для Русской Православной Церкви. Этот исторический период дает повод углубиться в то пространство, что называлось Православной Русью, почерпнуть в нем особые силы, столь необходимые нам для духовного возрождения нашей страны и нашего народа. В эти годы бед и мучений в Русской Православной Церкви воссияли выдающиеся иерархи, в числе которых митрополит Серафим (Леонид Михайлович Чичагов). Его жизненный путь был необычайным и чрезвычайно интересным. «Родовитый русский аристократ и блестящий гвардейский офицер, благочестивый православный мирянин и вдохновенный приходской батюшка, самоотверженный монастырский игумен и строгий епархиальный архиерей, мужественный исповедник и величественный священномученик,

сочетавший эти два подвижнических служения в своей долгой и праведной жизни»², — таков яркий образ, запечатлевший в русской церковной и гражданской истории эту замечательная личность.

* * *

Появление книги стало возможным благодаря творческому содружеству автора и его супруги, Марианны Анатольевны Юлиной, унаследовавшей лучшие черты характера своих предков из рода Чичаговых. У истоков работы над рукописью книги стоял Высокопреосвященный Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, которому автор искренне благодарен за ценные рекомендации и пожелания.

Автор выражает глубокую благодарность Вячеславу Петровичу Овсянникову, Людмиле Алексеевне и Владимиру Георгиевичу Чутковым, Виктору Федоровичу Бандурко, Нине Леонтьевне Семеновой, Наталье Георгиевне Семеновой, Елене Евгеньевне Шевцовой, Вадиму Александровичу Зайцеву, Анзору Семеновичу Азумаа, Ольге Ивановне Павловой, Александре Юрьевне Никифоровой и Владимиру Анатольевичу Лёвушкину за разнообразную помощь при работе над книгой.

Семья

Семья святителя Серафима принадлежала к одному из древних дворянских родов. Дворяне Чичаговы происходили из Костромского удельного княжества, фамилия их впервые упоминается в XV в*. Таланты были дарованы

* Чичаговы не принадлежали к высшему сословию богатейших и влиятельных феодалов-бояр, выступавших соперниками княжеской власти. Русские князья того времени, заботясь о своей безопасности и опасаясь интриг боярской верхушки, приближали к себе молодых людей из числа небогатых, «худородных», определяя их к себе на службу. Сильные духом, наделенные природным умом, закаленные в борьбе с невзгодами, готовые к самопожертвованию ради защиты своего очага и родной земли от иноземных захватчиков – такими нам видятся пращуры Чичаговского рода. Видимо, благодаря перечисленным свойствам души и характера и оказались на «государевой службе» костромичи Чичаговы.

Богом всему старинному роду Чичаговых. Митрополит Серафим происходил из аристократической семьи, где каждое звено было отмечено особыми дарами.

В числе знаменитых предков Леонида Михайловича по мужской линии — Яков Матвеевич Чичагов, один из «птенцов гнезда Петрова», «прорубавший окно в Европу», командовавший военным кораблем на Балтике во время великой Северной войны (1700–1721 гг.), и два адмирала Российского флота. Один из них — Василий Яковлевич Чичагов (1726–1809 гг.), отважный первопроходец Северного морского пути и знаменитый флотоводец времен императрицы Екатерины II, научивший Запад ценой своих побед в морских сражениях считаться с авторитетом России как морской державы. Василий Яковлевич Чичагов — единственный из моряков, который был удостоен высшего командного ордена Святого Георгия I степени.

Другой знаменитый предок — сын В.Я. Чичагова, адмирал Павел Васильевич Чичагов — первый по времени морской министр России, видный

государственный деятель и талантливый военачальник, прославивший Отечество блестящими победами на море и на суше, активный участник Отечественной войны 1812 года.

Дед святителя Серафима по отцовской линии — Никифор Петрович Чичагов — не был военным. Он занимался изучением истории России и оставил потомкам многочисленные рукописи, часть из которых была опубликована. Принадлежавшие перу Н. П. Чичагова монографии «Жизнь князя Пожарского, келаря Палицына и гражданина Минина» (Санкт-Петербург, 1848 г.) и «Жизнь генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского» (Санкт-Петербург, 1849 г.) были с интересом встречены не только специалистами, но и широкими читательскими кругами того времени. Он был действительным статским советником, долгое время находился на службе в министерстве внутренних дел и тесно сотрудничал с реформатором начала XIX в. М. М. Сперанским.

У Никифора Петровича было пятеро детей, а старший из них, Михаил, стал

*Михаил Никифорович Чичагов,
отец будущего святителя*

отцом святителя Серафима. Михаил Никифорович Чичагов родился 4 мая 1819 г. в Петербурге, воспитывался в Пажеском корпусе и затем избрал для себя военную карьеру. Службу в армии начал в 1837 г. в чине прапорщика в 3-й Гвардейской гренадерской бригаде. Прошел все ступени офицерской службы. В 1854 г. в чине полковника командовал 1-й батареей Учебной Артиллерийской бригады. Дослужился до звания генерал-майора. Был отмечен различными наградами, в том числе орденом Святой Анны III степени, дважды орденами Святой Анны II степени, дважды орденами Святого Станислава. Последние годы своей жизни он провел в Калуге, где занимал должность воинского начальника Калужской губернии, на попечении которого (вернее сказать, под контролем которого) находился плененный на Кавказе и сосланный вместе с семьей в Калугу имам Шамиль. Есть свидетельства того, что, в отличие от своего предшественника полковника Пржецлавского, Михаил Никифорович сумел установить уважительные и даже доверительные отношения с Шамилем,

который считал генерала Чичагова своим другом.*

Родительская любовь в семье Чичаговых сочеталась с должной требовательностью и уважительным отношением ее членов друг ко другу, с воспитанием у детей обязательности, верности традициям чести и долга перед Отечеством, чувства сохранения в чистоте нравственных ценностей Православной веры. Доброты в семье немало способствовала сама Мария Николаевна, образцовая мать семейства. Она была наделена писательским талантом, великолепно играла на фортепьяно. Будучи любимейшей

* Когда М.Н. Чичагов умер, Шамиль был первым, кто приехал разделить постигшее семью Чичаговых горе. Вот что вспоминала в этой связи Мария Николаевна Чичагова: «Некогда жестокий, неулыбчивый властелин Дагестана и Чечни, а теперь добрый, верный друг наш Шамиль! Он плакал, говоря: "Я, я все с ним потерял! Никогда уже более не будет у меня такого друга, который бы так меня понял и так заботился обо мне!" [(Из книги М.Н. Чичаговой «Шамиль на Кавказе и в России» (биографический очерк), переизданной в наши дни (1994 г.)].

ученицей известного в то время музыканта Гинзельта, Мария Николаевна (урожденная Зварковская) основала в Санкт-Петербурге «Кружок гинзелисток». Она была знакома с композитором А. Г. Рубинштейном, которого глубоко почитала. Любовь к музыке она привила и своим сыновьям.

Леонид был четвертым ребенком в семье *. Он родился 9 января 1856 г. в Санкт-Петербурге. Родители крестили своего младенца в храме Святого князя Александра Невского при Михайловском артиллерийском училище 29 января 1856 г. «При крещении восприемниками были Лейб-гвардии 1-й Артиллерийской бригады поручик Леонид Павлович Шипилов и умершего Действительного Статского советника Никифора Чичагова вдова Анна Васильевна Чичагова»³.

И это оказалось весьма символичным: воинское служение для него, как и для его

* Первой в семье Михаила Никифоровича и Марии Николаевны Чичаговых родилась девочка, которая умерла в трехлетнем возрасте. После нее появились на свет четыре мальчика – Николай, Михаил, Леонид и Александр.

*Братья Чичаговы: Леонид (сидит) и Николай.
Конец 1850-х гг.*

предков, было важнейшей формой исполнения христианского долга, характерного для всего семейства Чичаговых. Зная Леонида в детстве отмечали его мечтательный, мягкий характер. Смерть отца в 1866 г. потрясла всю семью. Потеря отца побудила десятилетнего Леонида, отличавшегося необыкновенной религиозностью, еще больше искать утешения в вере и стремиться в меру своих сил помогать матери, на плечи которой легла нелегкая задача — вырастить четырех сыновей. Трое из них — Николай, Михаил и Леонид, зачисленные в Императорский Пажеский корпус, твердо решили избрать военную карьеру, а младший — Александр — «пошел по юридической части».

После окончания учебы сыновья по-прежнему нуждались в материальной поддержке. По воспоминаниям Александры Николаевны Энден (Чичаговой), внучки Марии Николаевны, избравшие военную карьеру сыновья были зачислены в Гвардейскую конную артиллерию: «В гвардии, особенно в кавалерии, служить было очень дорого. Туда шли сыновья богатых аристократических семей. В Гвардейской

*Леонид Чичагов – выпускник Пажеского
корпуса, 1874 г.*

конной артиллерии служить было не так дорого. Однако бабушке пришлось нелегко: то одному сыну надо покупать лошадь, то другой наделал долгов. Приходилось расплачиваться. Был у бабушки доходный дом в Петербурге на Колокольной улице и небольшое имение где-то в Костромской, не то в Ярославской губернии*. Но всего этого было мало для широкой петербургской светской жизни, и я помню разговоры о закладах и перезакладах, связанных с бабушкиными делами»⁴. Когда ее сыновья «встали на ноги» и обзавелись собственными семьями, Мария Николаевна до конца дней своих не сторонилась светской жизни. Временами она посещала семьи сыновей и обучала игре на фортепьяно своих внуков. Она скончалась 17 ноября 1894 г. и была похоронена на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге в семейной усыпальнице, рядом со своим

* Поместье дворян Чичаговых находилось в Мологском уезде Ярославской губернии, в нескольких верстах от Лаушинского монастыря. Ныне усадьба Чичаговых вместе с обителью покоится на дне Рыбинского водохранилища.

*Семейная усыпальница Чичаговых
в Санкт-Петербурге*

мужем Михаилом Никифоровичем. «Смерть разлучила. Смерть соединит. Господи, внемли слезному молению моему!», — написано на их надгробье.

Обратимся к главному герою нашего повествования — Леониду Михайловичу Чичагову.

После учебы в Первой классической Санкт-Петербургской гимназии он поступил в 1870 г. в Пажеский Его Императорского Величества корпус, готовивший элитные военные кадры для Российской империи. 28 июля 1870 года его зачислили на придворную службу в пажы к Высочайшему двору.

«Годы пребывания в Пажеском корпусе позволили Леониду Чичагову получить фундаментальное военное и общее образование, но и узнать придворный высший свет со всеми его нередко призрачными добродетелями и часто прикрытыми светским блеском пороками»⁵.

Леонид Михайлович с большой теплотой отзывался о годах учебы в Пажеском корпусе: *«Да, дорог и памятен нам возлюбленный Пажеский храм... Воспоминания о наших начальниках, наставниках и руководителях вызывают особенно глубокие и искренние чувства.*

Многие из нас росли полусиротами и даже круглыми сиротами, и не только по рассказам, но и по личному опыту знаю, сколько эти замечательные педагоги, эти добрые воспитатели, эти сердечные люди выказали нам участия, сочувствия, христианской любви, поддержки и братских чувств. Взаимная дружба была всегда отличительной чертою всех служивших в Пажеском корпусе. Черпая из этого христианского единения необходимые силы и крепость для столь трудного и святого служения юношеству, они умели увлекających вразумлять, исправлять и направлять, но никогда не прибегали к мерам, которые могли бы погубить будущность их питомцев... Пажеский корпус обязан своим наставникам его традициями, утвердившимися в нем. Мы были воспитаны в вере и Православии, но если выходили из корпуса недостаточно проникнутыми церковностью, однако хорошо понимали, что Православие есть сила, крепость и драгоценность нашей возлюбленной Родины»⁶.

25 декабря 1874 г. Леонид Чичагов был произведен в камер-пажи, что открывало перед ним блестящую перспективу придворной службы. Однако 18-летний камер-паж отдал предпочтение воинской службе со всеми ее испытаниями и тяготами.

Военная служба

Окончив по первому разряду, т.е. с отличием, старший специальный класс Пажеского корпуса, 4 августа 1875 г. он был произведен по экзамену в подпоручики и направлен для прохождения службы в 7-ю Конно-Артиллерийскую бригаду, которая вскоре была упразднена. В связи с этим 14 сентября того же года он был прикомандирован, а 13 августа 1876 г. переведен в штат Первой Его Величества батареи Гвардейской Конно-Артиллерийской бригады Лейб-гвардейского Преображенского полка⁷. Находясь в полку, офицер Чичагов уже тогда удивлял своих сослуживцев тем, что соблюдал все посты, и этим давал повод для насмешек в офицерском клубе. В армии, согласно указу царя Петра I, соблюдение постов не было обязательным.

Начавшаяся в 1877 г. русско-турецкая война привела Леонида Чичагова в составе

Подпоручик Леонид Чичагов, 1875 г.

действующей армии на Балканы, сделала его участником основных кровопролитных сражений, где он проявил личное мужество, храбрость и распорядительность. Эта война была вызвана подъемом борьбы балканских славян за освобождение от 500-летнего османского ига. Леонид Михайлович ясно видел освободительный характер этой войны, по его собственному определению, «войны за славян».

Он начал воевать в составе 5-й батареи Гвардейской Конно-Артиллерийской бригады, входившей во 2-ю гвардейскую дивизию, которой командовал генерал-адъютант И. В. Гурко. После переправы через Дунай под командованием Гурко был сформирован Передовой отряд, в составе которого сражался подпоручик Чичагов. Ценой больших усилий в невероятно трудных условиях горной местности, усугубленных суровым климатом, Передовой отряд Гурко пересек Балканы, пройдя через труднопроходимый Хаинкиойский перевал, выбил турок с Шипкинском перевала и закрепился на нем. Следует подчеркнуть, что ведение военных операций в условиях горной местности сильно

*Гвардейский офицер-артиллерист,
поручик Леонид Чичагов, 1878 г.*

ограничивало возможности кавалерии (а порой и пехоты) и вынуждало артиллеристов изменять тактику боя.

Наиболее эффективным условием подавления сил противника стал правильный выбор огневых позиций, позволяющий сочетать стрельбу прямой наводкой по видимым целям со стрельбой «навесом» по невидимым, закрытым целям. В артиллерийских сражениях русские офицеры показывали чудеса военного искусства, изобретательности и храбрости. Одним из таких героев-артиллеристов был и офицер Чичагов. Перелом в войне наступил в боях под Филиппополем и со взятием русскими войсками Телиша, где вновь отличились артиллеристы, обеспечившие массированную артподготовку. Падение Телиша позволило завершить блокаду Плевны, а падение Плевны и полная капитуляция турецких войск означали для России победоносное завершение самой войны.

Оказавшись участником почти всех основных событий этой кровопролитной войны, Леонид Чичагов проявил незаурядную личную храбрость. За проявленные им лично отвагу и героизм он был

произведен на поле брани в гвардии поручики и награжден рядом боевых наград: орденом Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость» (т. е. «за оказанные отличное мужество и храбрость в делах с турками» под Горным Дубняком 12 октября и Телищем 16 октября 1877 г.), орденом Святого Станислава III степени с мечами и бантами (за переход через Балканы 13–19 декабря 1877 г.), орденом Святой Анны III степени с мечами и бантами («за дела с турками» 3–5 января 1878 г. под Филиппополем). За отличие в боях при осаде и взятии Плевны сам Главнокомандующий армией генерал-лейтенант Михаил Дмитриевич Скобелев отметил его имя в приказе по армии и лично вручил поручику Леониду Чичагову именную саблю с дарственной надписью от Императора — «За храбрость». Великий князь Николай Николаевич Старший возложил на поручика Чичагова Георгиевский крест — знак военной храбрости и самоотвержения. Позже Леонид Михайлович поведал о событиях, связанных с освобождением Болгарии, в книгах «Примеры из прошлой войны», «Описание отдельных солдатских подвигов»,

«Рассказы о подвигах офицеров»⁸. В этих произведениях раскрывается его талант писателя-документалиста. Перед глазами офицера Чичагова прошло множество эпизодов подлинного героизма православных русских воинов. Особенно запомнились те случаи, в которых проявились не только их храбрость и находчивость, но и глубокая вера в справедливость дела, во имя которого они шли на подвиг, жертвуя подчас своей жизнью ради братьев-славян. У читателя этих книг постепенно вырисовывается и портрет самого автора, непосредственного участника описываемых им событий, человека с глубокой верой в Бога и в Его попечение о жизни и смерти русских воинов. Однако в этих книгах читатель не найдет описаний личного героизма самого автора. А героические подвиги у 21-летнего поручика Чичагова были. Об одном таком эпизоде он расскажет позднее, уже будучи священником. Так, в момент ожесточенного сражения под Плевной он, потрясенный нерасторопностью командования, повлекшей за собой гибель множества русских воинов, решил лично поднять солдат в атаку.

От неожиданности противник на мгновение прекратил огонь: этого было достаточно, чтобы в сражении наступил перелом. Впоследствии Владыка Серафим, вспоминая этот случай, писал, что неминуемо должен был погибнуть, но жизнь ему спасли не ненависть к врагам и не желание получить боевую награду, а любовь и сострадание к подчиненным ему воинам. По его глубокому убеждению, офицер не только должен уметь командовать в бою, но и знать, как облегчать мучения раненых. Идея неожиданная и, видимо, не раз вызывавшая насмешки в офицерских клубах, как и упомянутое ранее соблюдение постов. Тем не менее, еще находясь на фронте, он начал изучать медицину.

Военную службу Леонид Михайлович сочетал с историко-литературной деятельностью. Перу Л. М. Чичагова принадлежал и такой капитальный труд, как «Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 году». «Дневник» был очень популярен, выдержал три издания (первое издание 1887 г. — *Прим. ред.*) и был отмечен благодарственными письмами членов Царской семьи. В благодарность

за этот труд портрет Л. М. Чичагова был пожизненно помещен в Национальный музей в Софии.

По мнению автора предисловия к изданному в 1995 г. «Дневнику», «как наблюдательный и способный человек, Чичагов обладал талантом вживания в среду и эпоху... На языке XX в. его работу можно было бы назвать документально-художественной съемкой восьмимесячного пребывания Александра II за Дунаем.

Но его «Дневник» — не официальный панегирик. По остроте и насыщенности он сравним с верещагинскими картинами. Так же, как наш знаменитый художник-баталист, Чичагов не скрыл ужасов войны («остров мертвых» Вардин на Дунае, рассеченные крестом черепа болгар и т. п.). На профессиональном уровне произведен обзор театра военных действий.

Автор прекрасно показал, как «славянское вдохновение продолжало гореть в армии, когда офицеры по жребию определяли, кому посчастливится идти в дело, и первыми гибли в атаке впереди рот за общеславянское дело, когда солдаты бегом бросались со штыками на кавалерию

противника и с громким пением гимна „Боже, Царя храни!“ вступали в болгарские города, когда разбуженный ночью конвой радостным „ура!“ приветствовал очередную победную телеграмму»⁹.

Работа над «Дневником» побудила автора обратиться к Императору Александру III с письмом, в котором он доказывал необходимость иметь при дворе историографа для составления прижизненных дневников царствующего Императора, что, по мнению Л. М. Чичагова, обеспечивало бы написание правдивой русской истории, так как тогда можно будет говорить о преемственности и связи времен и оценить деятельность как самого Императора, так и его сподвижников. Письмо было прочитано Александром III и одобрено. Заметим, что о Л. М. Чичагове «как историографе Царя-Освободителя и участнике войны», в частности, вспоминают в 1893 г., когда он будет приглашен на торжества по случаю закладки в Московском Кремле памятника Императору Александру II.

«Однако не героика войны и даже не миссия русской армии, освободившей

православные славянские народы от турецкого владычества.., стали главными темами размышлений молодого офицера в этот период. Тема духовного смысла жизни и смерти, впервые глубоко прочувствованная еще отроком Леонидом после безвременной кончины его отца и со всей остротой поставленная перед ним войной, тема нравственного смысла страданий и самоотвержения, раскрывшаяся перед ним в подвигах русских воинов, полагавших души свои за славянских братьев, наконец, тема деятельной любви к своим братьям во Христе, которых он научился различать и под офицерскими мундирами, и под солдатскими шинелями, после войны стали важнейшими побудительными началами для глубоких религиозных размышлений будущего святителя»¹⁰.

В 1878 г. Л. М. Чичагов был назначен и. д. (исполняющий делами. — *Прим. ред.*) старшего адъютанта начальника Управления артиллерии гвардейского корпуса и откомандирован в распоряжение Управления в Сан-Стефано, откуда в августе 1878 г. он возвращается пароходом в Севастополь. Из Севастополя он отбывает

в Санкт-Петербург. Здесь 25 сентября 1880 г. его назначают адъютантом помощника генерал-фельдцейхмейстера* — генерала графа Александра Алексеевича Баранцова. Казалось бы, что все у Леонида Чичагова складывалось хорошо: умен, талантлив, продвигается по службе. Но что-то мучит его, подобная жизнь кажется ему не соответствующей истинному призванию человека.

Промысл Божий, который уберег поручика Л. Чичагова от смерти и ранений на поле брани, привел его в 1878 г. к встрече в Петербурге с кронштадтским соборным протоиереем Иоанном Ильичом Сергиевым, вошедшим в историю под именем отца Иоанна Кронштадтского. Отец Иоанн разрешил многие духовные вопросы молодого офицера и стал для него непререкаемым авторитетом, его духовником, с благословения которого он

* Генерал-фельдцейхмейстер являлся начальником Главного Управления артиллерии и инженерных войск русской армии. Эту должность занимал младший сын Царя Николая I — Великий князь Михаил Николаевич.

принимал многие жизненные решения во все последующие годы. В дальнейшем мы узнаем, что он выполнит указание отца Иоанна Кронштадтского и станет священнослужителем.

Важным событием, ознаменовавшим дальнейшее духовное становление 23-летнего Л. М. Чичагова, явился заключенный им 8 апреля 1879 г. брак с Наталией Николаевной Дохтуровой, дочерью камергера Двора Его Императорского Величества, действительного статского советника Николая Ивановича Дохтурова¹¹.

Таинство венчания было совершено в Спасо-Преображенском соборе в Петербурге.

С самого начала этот брак, породнивший представителей двух знаменитых аристократических фамилий (Наталия Николаевна была внучатой племянницей генерала Д. С. Дохтурова — героя Отечественной войны 1812 года), весьма отличался от многих других великосветских браков.

«Памятуя о том, что христианский брак есть прежде всего малая Церковь, в которой не угождение друг другу, а тем более

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

предрассудкам большого света, но уложение Богу является основой семейного счастья, Леонид Михайлович Чичагов сумел привнести в уклад своей молодой семьи начала традиционного православного благочестия»¹². Именно эти начала были положены в основу воспитания четырех дочерей — Веры, Наталии, Леониды и Екатерины, которые родились в первые шесть лет супружества молодой четы Чичаговых и которым было суждено стать продолжательницами фамилий Чичаговых и Дохтуровых*.

Военная карьера Л. М. Чичагова продолжала успешно развиваться. Получив в 1881 г. звание гвардии штабс-капитана, он, как признанный знаток артиллерийского дела, был командирован на маневры французской армии в Париж, где его удостоивают чести стать Кавалером Офицерского Креста Ордена Почетного Легиона. Он обстоятельно изучает организацию французской артиллерии.

* Вера родилась 12 января 1880 г., Наталия — 21 июня 1881 г., Леонида — 14 января 1883 г., Екатерина — 2 сентября 1886 г.

*Л.М. Чичагов с женой Н.Н. Чичаговой
(урожденной Дохтуровой)*

В Париже он встречается со своей родственницей, Екатериной Павловной Чичаговой, дочерью адмирала Павла Васильевича Чичагова, которая обращается к нему с просьбой помочь ей издать «Дневники» ее отца и тем самым восстановить историческую правду о его истинной роли в событиях, связанных с завершением Отечественной войны 1812 года. Леонид Михайлович лично отредактировал переданную ему рукопись.

Работа, проделанная им по подготовке «Дневников» адмирала к изданию, поистине огромна. Он внимательно изучил материалы семейного архива, досконально ознакомился с документами Архива Морского министерства и Архива Министерства иностранных дел. Имевшиеся в его распоряжении документы и различные данные Леонид Михайлович использовал в подстрочных замечаниях к тексту. Некоторые комментарии столь органично входят в текст, что порой трудно отличить, где мысли адмирала, а где — его. Леонид Михайлович становится фактически соавтором «Дневников» П. В. Чичагова еще и потому, что понимает и разделяет

взгляды своего предка. Они оба предстают перед нами великими патриотами России, глубоко убежденными в том, что только россияне могут быть ее истинными защитниками: «Можно купить за деньги верноподданного, который соразмеряет личный интерес с трудолюбием, энергией и чувством самосохранения, но купить верноподданного патриота, одушевленного идеей и воодушевляющего своих соотечественников, жертвуя собой из любви к родине, невозможно; первых найдешь у соседа сколько угодно, а вторых — только у себя дома. Наконец, француз может быть англичанином, американцем, а англичанин — итальянцем, испанцем, даже русский способен превратиться в человека любой национальности, но русским никогда не сделается ни француз, ни англичанин, ни немец»¹³. Это мнение адмирала П. В. Чичагова Леонид Михайлович разделял полностью. Он отредактировал рукопись «Дневников» адмирала и организовал ее публикацию в России в 1885, 1886 и 1888 гг. в журнале «Русская старина»¹⁴. «Записки адмирала Чичагова, заключающие то, что он видел и что, по его

мнению, знал» опубликованы, к сожалению, не полностью, а частично. Это объясняется, во-первых, тем, что, опубликовав 14 глав «Записок», редакция «Русской старины» прекратила их публикацию. Во-вторых (и это, по-видимому, главное), в жизни самого Леонида Михайловича Чичагова произошел крутой поворот. Главным делом его жизни явилась не блистательная военная карьера, а служение Русской Православной Церкви, которой он посвятил всего себя без остатка, взойдя на высокую степень церковной иерархии и приняв за веру мученическую кончину*.

* По мере возможности о. Леонид, а в монашестве Серафим, продолжал работать над архивом П. В. Чичагова. 25 января 1913 г. архиепископ Серафим в конце XIV главы «Записок» сделал запись: *«Вот что я успел издать: I. Мое вступление для ознакомления общества с адмиралами Чичаговыми; II. 14 глав “Записок адмирала П.В. Чичагова”. Следующие главы – до царствования Императора Павла I составлены, но не приведены в окончательный вид и не печатались за моим выездом из Петербурга и ввиду смерти редактора “Русской старины” М. Семевского»*. Главы «Записок» (после XIV главы) не найдены и считаются утраченными.

Вернувшись в Россию, он опубликовал важную для перевооружения русской армии военно-теоретическую работу «Французская артиллерия в 1882 году». Л. М. Чичагов принимал участие в решении вопросов о вооружении крепостей на западной границе России и оснащении военной техникой болгарской армии.

Он мог рассчитывать на дальнейшее продвижение по ступеням военной карьеры, уже будучи отмечен к началу 1890-х гг. 14 орденами, медалями и знаками отличия России и ряда иностранных государств.

Ниже следует перечень орденов, медалей и знаков отличия, которыми был награжден Л. М. Чичагов до 1890-х гг.:

1. Румынский железный крест и темно-бронзовая медаль на Александровской ленте в память Священного Коронования Их Императорских Величеств в Успенском соборе 15 мая 1883 г.

2. Орден Святой Анны III степени с мечами и бантами за дела с турками 3, 4 и 5 января 1877 г. под Филиппополем.

3. Орден Святого Станислава III степени с мечами и бантами за переход через Балканы 12 декабря 1877 г.

4. Орден Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость» за оказанные отличное мужество и храбрость в делах с турками под горным Дубняком и Телишем 12 и 16 октября 1877 г.

5. За отличие при осаде и взятии Плевны Главнокомандующий армией генерал-лейтенант М. Д. Скобелев вручил поручику Чичагову именную саблю с дарственной надписью от Императора «За храбрость».

6. Великий князь Николай Николаевич Старший возложил на поручика Л. Чичагова Георгиевский крест – знак военной храбрости и самоотвержения.

7. Орден Святого Станислава II степени (1881 г.) за отлично-усердную и ревностную службу.

8. Французский офицерский крест Ордена Почетного Легиона (1882 г.).

9. Светло-бронзовая медаль в память войны 1877–1878 гг.

10. Черногорский орден князя Даниила I, IV степени (1882 г.).

11. Болгарский орден Святого Александра III степени (1883 г.).

12. Орден Святой Анны II степени за отлично-усердную службу (1884 г.).

13. Греческий орден Христа Спасителя II степени.

14. Серебряная медаль на Андреевской ленте в память Священного Коронования Их Императорских Величеств 14 мая 1896 г.

15. Народный болгарский орден за гражданские заслуги II степени с наперсным крестом.

На принятие и ношение орденов 8, 10, 14 последовало Высочайшее разрешение. Судя по «орденской планке», мы можем себе представить, какой незаурядной личностью был Л. М. Чичагов — воин. Однако военная карьера не удовлетворяла его. В 1891 г. неожиданно для родных и близких Л. М. Чичагов, состоя адъютантом при великом князе Михаиле Николаевиче, выходит в отставку в чине гвардии штабс-капитана.

Менее чем через год, уже находясь в отставке, за годы прошлой безупречной службы и «для сравнения со сверстниками» он был произведен в полковники лейб-гвардии Преображенского полка. Чин полковника в гвардии соответствовал чину генерала в общевойсковых частях. Будучи еще военным, Леонид Михайлович

стремился претворять в своей жизни идеалы служения Богу и людям. С 1881 г. Леонид Михайлович — староста Преображенского собора в Петербурге. 31 октября того же года штабс-капитан Чичагов принял на себя обязанности ктитора (т. е. старосты церковного) Сергиевского всей артиллерии собора в селе Клеменьево при Троице-Сергиевой Лавре и приложил немало усилий не только для материального обустройства этого храма, но и для развития активной духовно-просветительской деятельности в этом большом военном приходе, на попечении которого находились тысячи российских воинов.

Желание максимально помогать страждущим привело Леонида Михайловича к занятиям медициной, которую он досконально и глубоко изучил (прежде всего, народную медицину). Он сам помогал больным. Число своих пациентов он определял цифрой 20000. Эта обширная практика и эффективность предложенного им метода лечения вызывали со стороны завистников нападки, которые он мужественно терпел.

Леонид Михайлович составил лечебник с теоретическим обоснованием

и практическими рекомендациями лечения болезней на основе применения лекарств растительного происхождения. *«Я, как вышедший не из медицинской среды, обучавшийся всему сам, самостоятельно, независимо, имел всегда свое мнение, и плодом явилась моя система лечения»*¹⁵, — писал он в первом томе «Медицинских бесед». — *«Я не автор новой медицины, а лишь составитель новой фармакологии, новой дозировки лекарств, нового способа их употребления»*¹⁶. «Система лечения по Чичагову» была разработана им на основе всестороннего изучения медицины и существовавших в его время методов лечения. Эта система лечения была подробно изложена в фундаментальном труде — двухтомнике «Медицинские беседы», а также в книге «Краткое изложение медицинских бесед» с практическими рекомендациями, которые не потеряли своего значения и в наши дни*. Основным

* Многие московские врачи-гомеопаты проявляют большой интерес к применению системы лечения Л.М. Чичагова в своей практике. Его система лечения явилась темой специального доклада на Московской международной гомеопатической

принципом системы Чичагова является взгляд на причины и сущность человеческих болезней. *«Болезнь есть нарушение обмена веществ или равновесия в организме, т. е. нарушение правильности кровообращения, вследствие болезненного состояния крови. Здоровье наше зависит от 1) количества и качества крови, 2) правильного обращения крови в теле, 3) от силы и доброкачественности нервов и 4) отсутствия в нас органических недостатков, могущих перейти к нам по наследству от родителей»*¹⁷.

Леонид Михайлович рассматривает медицину как искусство предупреждения и излечения болезней.

Незадолго до издания своих «Медицинских бесед» Л. М. Чичагов опубликовал брошюру «Что служит основанием каждой науки?» В предисловии к этой брошюре он писал, что на «этот вопрос не все ученые

конференции в январе 2003 г. На конференции было предложено присвоить Московскому отделению Российского Гомеопатического Центра имя Святого Митрополита Серафима – в знак признания его вклада в развитие гомеопатической медицины.

*Леонид Михайлович Чичагов.
Начало 1890-х гг.*

ответят тотчас же и одинаково... Между тем ответ должен бы быть у всех один и тот же, неопровержимый уже по своей простоте: основой служит религия... Разбирая, в чем заключается истина, приводя библейские изречения и евангельские факты, – я хочу этим объяснить всем только путь, которым и должна бы идти медицина для достижения совершенства, и указать на этот путь как на приведший меня к познанию медицинских истин.

Создав особую систему лечения и прилагая ее уже много лет с успехом в своей практике, я желал бы доказать, что медицина как наука, более других необходима для людей, как помощь и облегчение в их страданиях, должна и более всякой другой науки опираться на религию и изыскивать средства в природе, созданной Самим Творцом на пользу человечества, – не забывая, однако, что врачу необходимо иметь в виду не только одну больную плоть, но стараться искать корень болезни и в духе или в душе человека... чувствую себя сильным и правым, служа науке, в основе которой лежит религия, и взяв в помощницы природу, а также поставив себе целью общую пользу страждущего человечества, которой я всецело себя посвятил»¹⁸.

В брошюре «Что служит основанием каждой науки?» автор выразил свое стремление к богословскому осмыслению действительности, утвердил свою твердую веру и непреклонное желание последовательно осуществлять в жизни учение Христа. Характерно, что при этом он подчеркивает, что каждый больной неповторим, как неповторима и его болезнь. Помогая больному, надо соединить данные природы, опыта, субъективных ощущений. Это незыблемый *базис клинического мышления* на все времена. Глубоко сопереживая всем, кто нуждался в помощи и поддержке, Леонид Михайлович всю жизнь занимался благотворительностью. *«Большое добро делает человек, подающий милостыню, жертвующий своими излишками, но это еще не милосердие. Так ли поступает брат с братом? Мы должны делиться с ближним не только излишками, но и последним куском хлеба, больше того, на нас лежит долг подчас лишать себя любимого, привычного и отдавать это в пользу брата или сестры»*¹⁹.

Эти слова Владыки Серафима можно отнести к нему самому и к его дочерям, которые воспитывались на примере отца.

Еще находясь на военной службе, он учредил благотворительное общество помощи военным, которые по болезни были вынуждены выйти в отставку до приобретения права на пенсию. Он также заботился о детях-сиротах, родители которых погибли на войне. Во время русско-японской и Первой мировой войн он организовывал сборы пожертвований для лечения раненых воинов и инвалидов, участвовал в мероприятиях по формированию санитарных поездов, оснащению госпиталей всем необходимым, оказанию помощи беженцам. Широкое поле для благотворительной деятельности Владыка Серафим видел не только во время войн. Занимаясь вопросами оживления приходской деятельности в епархиях, где ему довелось служить, он использовал каждый удобный случай, чтобы обратиться к народу с просьбой о помощи страждущим, пробудить у пасомых дар милосердия и любви к ближнему.

Священник

Леонид Михайлович был человеком разносторонних дарований и удивительной судьбы, воплотившим в себе лучшие черты Чичаговского рода.

Он хорошо рисовал. Иконы его работы сохранились в Москве в храмах во имя Святителя Николая Чудотворца в Старом Ваганькове и во имя Святого пророка Илии во 2-м Обыденском переулке, а также в Санкт-Петербурге в Троицком соборе Александро-Невской Лавры.

Они поражают высоким профессиональным мастерством. Для храма во имя святителя Николая в Старом Ваганькове в Москве Леонид Михайлович написал две иконы: «Спаситель в белом хитоне» (размером 210 см х 120 см) и «Преподобный Серафим Саровский, молящийся на камне» (размером 180 см х 120 см). Обе этих иконы — образ «Спасителя в белом

хитоне»* (на терракотовом фоне) и образ преподобного Серафима, находятся в московском храме во имя Святого пророка Илии, что во 2-м Обыденском переулке.

В Александро-Невской Лавре в Санкт-Петербурге имеется второй вариант образа «Спасителя в белом хитоне», написанный святителем Серафимом в бытность его митрополитом Ленинградским в 1928–1933 гг. В отличие от московского варианта эта икона меньшего размера и написана на ультрамариновом фоне.

Когда подходишь к этому большому, в человеческий рост, образу, — будто предстаешь перед реальным видением, которое, вероятнее всего, и послужило причиной написания этой иконы.

Сюжет иконы преподобного Серафима Саровского был разработан святителем Серафимом в то время, когда он приступал к написанию «Летописи Серафимодивеевского монастыря». В сонном

* С образом «Спасителя в белом хитоне» святитель Серафим не расставался вплоть до дня своего ареста в 1937 г. Он возил икону во все епархии, в которых служил правящим архиереем.

видении ему явился преподобный Серафим молящийся, и, проснувшись, он быстро набросал то, что видел, затем перенес этот эскиз с бумаги на доску. Оригинал иконы он всегда возил с собой. Известно, что автором было сделано несколько копий. Одна из копий иконы была преподнесена как подарок Императору Николаю II. Остальные копии он щедро раздавал. Что касается храма Святителя Николая в Старом Ваганькове, то паруса этого храма он расписал ликами евангелистов. В наше время в отреставрированном Никольском храме стоят копии обеих икон — «Спасителя в белом хитоне» и преподобного Серафима Саровского* — в натуральную величину и на тех местах, которые им предназначил в свое время иконописец. По духовному завещанию внучки Л. М. Чичагова игумении Серафимы (Черной), настоятельницы Новодевичьего монастыря, — копии с написанных им икон должны находиться в местах его пастырского служения: в Сухуме, Орле, Кишиневе, Твери и Санкт-Петербурге.

* Обе иконы помещены на цветной вкладке книги.

Как образы письма архимандрита Серафима (Чичагова) могли в то время попасть в храм Илии Обыденного?

В Москве сохранилось немного храмов, которые в годы разгула безбожия не закрывали, не перестраивали до неузнаваемости и не сносили. Таким оказался храм во имя пророка Илии в тихом 2-м Обыденском переулке. Во время наиболее жестоких гонений на Православную Церковь, когда закрывались и разрушались храмы, а имущество арестованных священнослужителей подлежало конфискации, храм Илии Обыденного стал своего рода прибежищем для многих икон, которые, в отличие от их владельцев, избежали участи быть уничтоженными. Вот так чудесным образом в этом храме оказались и сохранились иконы святителя Серафима.

Леонид Михайлович был музыкален: хорошо пел и играл, сочинял церковную музыку. Он обладал прекрасным композиторским почерком. По словам известного пианиста, профессора Московской консерватории Михаила Воскресенского, «его сочинения — это очень профессиональная музыка... Красивый мелодический язык,

«СИЛА ВЪРЫ»

Исполн. в сопл.
Артистическая ГИРАФИНА.

Large. (Tempo moderato)

Ноты из альбома «Листки из музыкального дневника» (слова и музыка Л.М. Чичагова)

The musical score is presented on a page with decorative corner ornaments. It includes a piano introduction, a vocal melody with lyrics in Russian, and a piano accompaniment. The tempo is marked 'Large. (Tempo moderato)'. The score is framed by decorative corner ornaments.

довольно сложные гармонии, развернутая фортепианная партия, хорошее чувство формы, умело подготовленные кульминации, — все это свидетельствует не только о природном таланте, но и о композиторской школе автора»²⁰.

Александра Николаевна Энден, дочь старшего брата Леонида Михайловича — Николая Михайловича Чичагова, вспоминала: «С тех пор, как дядя Леонид бывал у нас, прошло не менее шестидесяти лет, однако я так ясно вижу его дородную фигуру в черной рясе, его красивые чичаговские синие глаза, ясно слышу голос — какой-то особый, мягкий, как бы приглушенный, его ироническую манеру говорить, слегка насмешливую, но не резкую. Я тогда училась в консерватории. Дядя часто садился к роялю и играл что-нибудь задумчиво-лирическое. Музыку он любил, всю жизнь сочинял романсы, а потом религиозные вещи. Не знаю, сохранились ли его сочинения. Когда он стал монахом, рояль заменила фисгармония, с которой он не расставался до конца жизни»²¹.

В 1999 г. в архиве были найдены его инструментальные произведения для органа,

фисгармонии и фортепиано. Они были написаны в 1905–1912 гг. и представляли собой два альбома — «Листки из музыкального дневника». Первый состоит из пяти произведений, второй — из тридцати трех. Эти произведения содержат духовные размышления о подвигах самопожертвования, красоте, любви к людям. Вторым альбом «Духовно-музыкальные сочинения» (музыка и слова на него принадлежат самому автору) включает в себя 15 вокальных произведений, которые были написаны автором после 1912 года. Они поражают мелодическим даром и гармоническим мастерством автора. Чувствуется, что он глубоко воспринял опыт русской духовной музыки и использовал его для воплощения своей мечты о нравственном совершенстве человека.

Музыку Владыки Серафима называют проповедью на музыкальном языке — так глубок ее духовный смысл. Он старался передать в звуках смысл богослужебных текстов, смотрел на серьезную музыку словно на высшую поэзию, словно на молитву, а искусство служило ему для прославления Бога. Владыка Серафим заботился о постоянной живой связи слова и музыки

ради внимательного восприятия молящихся слов Божественной Литургии и более полного проникновения в их смысл.

Большое внимание он уделял церковному пению: где бы он ни служил, всегда подбирал певчих для хора, разучивал с ними песнопения и проводил спевки.

При всем разнообразии талантов и занятий Леонида Михайловича главным делом своей жизни он считал служение Русской Православной Церкви, которой он посвятил себя целиком, взойдя к самым высоким должностям в церковной иерархии и отдав за веру свою жизнь. Но накануне принятия решения стать священником Л. М. Чичагову пришлось испытать одно из серьезнейших искушений в его жизни. Следует вспомнить, что в послепетровские времена русская аристократия, зараженная духом масонства и нигилизма, считала для себя зазорным путь священства. В монахи, правда, шли те немногие, кто со временем рассчитывал стать архиереем и сделать себе карьеру по церковной линии. Но стать священником, вступить в эту замкнутую и не слишком (с точки зрения той же аристократии) образованную

среду в девятнадцатом веке отваживались немногие. В священники тогда шли в основном разночинцы. Поэтому нетрудно представить себе, какой шок у близких Чичагова и какие пересуды в аристократических кругах Санкт-Петербурга вызвало это его решение. В 1909 г. в одном из своих писем он напишет: *«...что только я не перенес в свое время, поставив и бедную жену в положение субъекта, который только ленивый не атаковал за мое увлечение о. Иоанном (Кронштадтским – прим. авт.), за порчу карьеры, потерю пенсии, прав для детей и т. п.»*²². Многие из петербургских аристократов и придворных недоумевали, как могло случиться, что блестящий офицер — герой Телеша и Плевны, душа аристократических салонов и нередкий гость в Царском Селе — вдруг решил круто изменить привычный ему образ жизни. *«Мог ли себе представить, — признавался позднее сам Леонид Михайлович, — что мой первоначально светский путь, казавшийся естественным и вполне соответственным моему рождению и воспитанию, и продолжавшийся так долго и с таким успехом, — не тот, который мне предназначен Богом?»*²³. Его решение стать священником

вызвало настоящий шок у его близких и особенно у жены-аристократки. Наталия Николаевна настойчиво возражала против решения мужа. Причины, побудившие ее противиться воле своего мужа, коренились в ее нежелании порывать со всем внутренним и внешним укладом окружавшего ее высшего петербургского общества и в довольно непростой житейской ситуации, в которой в то время находилась семья Чичаговых.

Сознавая всю сложность предстоящей жизненной перемены в семье Чичаговых и хорошо понимая всю тяжесть бремени матушки — супруги любого священника, протоиерей Иоанн Кронштадтский счел необходимым в личной беседе с Н. Н. Чичаговой убедить ее дать согласие на принятие Леонидом Михайловичем священного сана и благословил ее стать матушкой²⁴. *«Вы думаете, легко было моей жене, когда отец Иоанн Кронштадтский ей сказал: “Ваш муж должен быть священником”», — вспоминал через много лет Леонид Михайлович.*

Слова мудрого кронштадтского пастыря и данное ей благословение стать матушкой, а также верность грядущему

*Тургеневский особняк на Остоженке.
Фото автора*

священническому призванию и глубокая любовь к ней мужа помогли Н. Н. Чичаговой преодолеть свои сомнения, и она согласилась разделить с супругом бремя его нового служения.

В 1891 г. Л. М. Чичагов переезжает с семьей в Москву.

В Москве Леонид Михайлович поселился на Остоженке в доме № 37. Этот особняк с белыми колоннами сохранился и до наших дней. В нем жил И. С. Тургенев, написавший здесь повести «Первая любовь» и «Муму». С фасада дом одноэтажный, а с тыльной стороны — двухэтажный. На этих двух этажах в комнатах с более низкими потолками поселились барышни Чичаговы.

Целых три года он готовится к принятию священства. Этот период его жизни характеризуется внешне незримым, но глубочайшим процессом формирования в душе офицера непоколебимого мировоззрения православного христианина. В его жизнь вошли систематические богословские занятия, в результате которых Леонид Михайлович, не получивший семинарского образования, превратится

Священник Леонид Чичагов, 1894 г.

в энциклопедически образованного богослова, авторитет которого со временем будет признан всей Русской Православной Церковью.

Интересна его богословская концепция: *«Мир был сотворен Богом, чтобы человек служил Ему, но человек восстал против Бога и борется с Ним. Бог все дал людям, но человек отверг Его дары».*

Вспоминая росписи во Владимирском соборе в Киеве, он говорил: *«Распятие, а сверху Бог Отец показывает на него руками: “Я все вам дал, больше ничего не могу дать”. Когда окончательно выяснится, что мир не может служить Богу, мир погибнет – и будет новое небо и новая земля»*²⁵.

Леонид Михайлович Чичагов не только усердно изучает богословские науки, но и стремится активно творить добро, памятуя о том, «что вера без дел мертва». И вот с 1893 г. он – приходской московский священник. «Насколько трудным в психологическом и нравственном отношениях был для семьи Л. М. Чичагова разрыв с родной для нее военно-аристократической средой, настолько же тяжелым оказалось вхождение новопоставленного

Матушка Наталия, 1895 г.

священника Леонида Чичагова в незнакомые для него жизнь и нравы русского духовного сословия»²⁶.

26 февраля 1893 г. он был рукоположен во диакона, а 28 февраля во пресвитора с назначением в церковь Двенадцати Апостолов в Московском Кремле. Пресвитерская хиротония (посвящение) совершена в той же церкви при значительном стечении молящихся. Ему пришлось принять на себя обязанности ктитора и благотворителя храма Святого апостола Филиппа, в котором ему предстояло служить приходским священником, но которого там тогда не было, так как в нем многие годы размещалась Синодальная ризница.

Отец Леонид Чичагов добился перенесения ризницы в помещение Мироварной палаты и осуществил в храме капитальный ремонт и его обустройство за счет личных, к тому времени хотя и ограниченных средств, отрывая их от «бюджета» своей семьи.

«За усердную заботу об украшении придельной церкви во имя апостола Филиппа, что при Синодальной церкви Двенадцати Апостолов в Кремле» он был удостоен

*Дочери о. Леонида с боннами и подругой девочек
(с куклой справа). Середина 1890-х гг.*

первого награждения на поприще священнического служения — набедренником и бархатной фиолетовой скуфьей. Свое служение уже как приходского пастыря он начал в ноябре 1893 г.

Испытания первых лет священнического служения о. Леонида были усугублены тяжелой болезнью его супруги, матушки Наталии, которая умерла в 1895 г. в возрасте тридцати шести лет от дифтерии, оставив после себя четырех малолетних дочерей. Из них младшей было 9 лет, а старшей — 15.

Когда умерла его жена, о. Леонид перевез ее тело в Дивеево в Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь и похоронил в северо-западном углу монастырского кладбища, поставил часовню и в ней устроил склеп. В склепе висели два изображения преподобного Серафима. У надгробия жены находилась икона с изображением кончины преподобного, а над местом, приготовленным для о. Леонида, — икона с изображением преподобного, идущего с посохом. От Государя о. Леонид получил письменное распоряжение, в котором было указано: Леонида

Михайловича Чичагова, где бы он ни умер, привезти и похоронить в Дивееве рядом с могилой его супруги. С горечью приходится признать, что в настоящее время часовни и склепа нет. Они были разрушены, а прах Наталии Николаевны был перезахоронен там же на кладбище. Но теперь нет и кладбища. На его месте была построена школа со спортивной площадкой.

При всей своей занятости церковными делами о. Леонид не упускал из вида своих дочерей, следил за их духовным воспитанием, заботился об их благополучии и безопасности. На первых порах он оставляет своих дочерей на попечение доверенных лиц — их воспитанием занимались две бонны (воспитательницы). Позднее, когда дочери подросли, о. Леонид поручил двум интеллигентным дамам следить за их воспитанием и дальнейшим образованием. Этими дамами были Софья Рудольфовна Герман и Екатерина Константиновна Иванова. Они являлись одновременно воспитательницами, гувернантками и экономками. Софья Рудольфовна жила на Остоженке в собственном доме по соседству с «тургеневским особняком», где снимал квартиру Леонид

Михайлович вместе со своей семьей. На фотографии Софья Рудольфовна и Екатерина Константиновна сняты вместе с Наталией, Леонидой и Екатериной (Вера к этому времени ушла в монастырь).

14 февраля 1896 г. по распоряжению протопресвитера военного и морского духовенства о. Леониду поручается окормление военнослужащих — артиллеристов Московского военного округа. Это назначение предполагало не только направление бывшего артиллерийского офицера как военного священника в знакомую ему среду воинов-артиллеристов, но и возложение на овдовевшего о. Леонида, имевшего на своем попечении четырех дочерей, бремени материальных затрат по восстановлению храма во имя Святителя Николая в Старом Ваганькове, где ему предстояло служить по благословению праведного о. Иоанна Кронштадтского.

Отцу Леониду предстояло окунуться в море хозяйственных забот, неизбежных при восстановлении храма. На свою военную пенсию, ограничивая себя во всем, он восстанавливает храм. Со смирением исполнял он возлагавшиеся на него

*Дочери митрополита Серафима вместе
с воспитателями. На снимке слева направо:
Софья Рудольфовна Герман, Екатерина
Константиновна Иванова, Леонида,
Наталия и Екатерина, 1896 г.*

приходские послушания, позволившие ему во всей полноте узнать тяжкую долю русского приходского духовенства, которое нередко совершало свое служение при равнодушном отношении не только паствы, но и священноначалия. На всю оставшуюся жизнь о. Леонид приобрел столь важную для его будущего архипастырского служения способность жить проблемами духовенства и сочетать строгую архиерейскую требовательность к нему с чутким отношением к нуждам своих приходских священников и их семей. Весьма показательно, что впоследствии, уже в своем слове при наречении во епископа, святитель Серафим, говоря о предстоящем ему архиерейском служении, счел необходимым подчеркнуть, что сердцу епископа должны быть близки *«нужды, семейная обремененность... сельского духовенства... и бесчисленные скорби младших членов клира, которые епископы обязаны облегчать»*²⁷.

Благодаря усердию и пастырским заботам священника, забытый и брошенный храм, принадлежавший ранее Румянцевскому музею и в течение 30 лет стоявший закрытым, превратился в один

из привлекательных московских храмов. Как уже говорилось выше, до наших дней в храме сохранились настенные изображения четырех евангелистов, сделанные о. Леонидом Чичаговым.

Весна 1898 г. стала временем принятия о. Леонидом окончательного решения о своей будущей судьбе. 30 апреля 1898 г. он освобождается от приходского служения.

В период настоятельства он был награжден Народным болгарским орденом «За гражданские заслуги» с наперсным крестом, болгарским орденом Святого Александра со звездой и греческим орденом Христа Спасителя II степени*.

Что же полагал в основу своей духовной жизни о. Леонид в эти первые пять лет священнического служения, исполненные дотоле неизвестными ему пастырскими трудностями? Очень выразительно о преобладавшем тогда в его душе умонастроении он высказался в одной из проповедей, произнесенных им в это время

* Есть сведения, что этих наград Л.М. Чичагов был удостоен за мемуары о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

в приходском храме. «В древности люди всему предпочитали молитву, и святые отцы при свидании всегда спрашивали друг друга о том, как идет или действует молитва? Действие молитвы было у них признаком духовной жизни... Действительно, молитва есть мать и глава всех добродетелей, ибо заимствует их из источника всех благ – Бога, с Которым молящийся пребывает в общении... Только молитвой можно дойти до Всемогущего Бога, ибо она есть путь к Нему»²⁸.

Эта нарочитая обращенность к молитвенной жизни неотвратимо влекла о. Леониду в стены монастыря.

Монашество и участие в прославлении преподобного Серафима Саровского

После смерти жены Леонид Михайлович принял монашество. Прошение о пострижении в монашество он подал по благословению митрополита Московского. Ему пообещали архимандритство и назначение настоятелем Новопасского монастыря, но вместо этого направили смиряться в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру в Сергиевом Посаде, где он провел девять месяцев. Особое значение для новопосвященного иеромонаха имело наречение ему при пострижении в мантию 14 августа 1898 г. имени Серафим*.

* Имя «Серафим» означает «пламенный». Так объясняет значение этого священного имени «Православно-церковный календарь» (Издательство Московской Патриархии). Другие церковные издания дают более расширенные толкования этого имени: «быть высоким, знатным, благородным» («Церковнославянский славарь» протоиерея

Он доказал, что способен на многолетний подвиг. Но у каждого есть свой предел сил, соответствующий воспитанию и привычному образу жизни. Об этом говорили и святые отцы, многие из которых также принадлежали к знати. Некоторые из близких родственников отмечали, что с принятием монашества произошли перемены во внешности Леонида Михайловича.

Его племянница Александра писала в своих воспоминаниях: «В молодости он не отличался особой красотой, был значительно хуже своих братьев. Но с годами ли, или благодаря монашеской рясе и черному клобуку, вся его высокая фигура приобрела внушительный вид и несомненную красоту. Конечно, среди черного духовенства он сильно выделялся и не только красивой внешностью, но и образованием»²⁹.

Уход из мира за монастырскую ограду не стал для иеромонаха Серафима уходом от мирских испытаний. Принятие

Григория Дьяченко, М., 1999). Значение этого слова по одним: «пламень», «горение», а по другим – «возвышенный», «благородный» («Библейская энциклопедия» архимандрита Никифора». М., 1891).

Снимок начала XX в.

*Справа налево: Владимир Андреевич
Симанский (отец будущего Патриарха
Алексия I), архимандрит Серафим (Чичагов),
игумения Серпуховского Владычного
монастыря, Александра Степановна
Чихачёва – тётка В.А. Симанского.*

*За А.С. Чихачёвой стоит юноша,
имя которого установить не удалось*

монашеского чина было омрачено завистью и клеветой со стороны тех, кто должен был бы стать его сомолитвенниками.

Как ни удивительно, но одной из причин его переживаний явилась встреча с императором Николаем II в 1893 г.

Вот что написал он сам по этому поводу в письме архиепископу Харьковскому Флавиану (Городецкому) 15 декабря 1901 г.: *«На беду еще случилось, что я был приглашен на открытие памятника Императору Александру II (так как... я состоял при Царе-Освободителе и писал его Дневник пребывания в Болгарии) и Государь меня принял отдельно в своем кабинете. Это весьма не понравилось синодальным прокурорам, хотя я ни на кого не жаловался и только ответил Царю на Его вопрос: где и в каком положении нахожусь. Государь обещал меня поддержать в память Отца и Деда, но опять, по несчастью, переслал мое письмо, данное для памяти, прямо в Синод... Тогда поднялась такая буря... Его Величеству доложили небывалое и неправдоподобное, что я, как дослужившийся до Протоиерея, не желаю Архимандритского назначения, а только Епископского и в Москве, где живут мои незамужние еще дочери.*

Многие, кажется, этому поверили и стали моими порицателями»³⁰.

Его нещадно ругали за разговор с Государем. Иеромонах Серафим оказался как бы «под перекрестным огнем»: с одной стороны, его прошлая военно-аристократическая среда осуждала его за уход из мирской жизни, а с другой стороны, кое-кто из его нового окружения с известной долей недоверия (если не сказать — неприязни) отнесся к нему, распуская о нем некие домыслы, лишённые какого-либо основания. И если к этому добавить, что ко всем этим скорбям добавлялась незажившая боль недавней потери любимой жены, то приходится только поражаться, какую силу воли и характера должен был иметь иеромонах Серафим, чтобы выдержать все эти испытания и тяготы.

В это трудное время он не раз обращал свои молитвы к преподобному Серафиму Саровскому, находя в них столь необходимую духовную поддержку. Стойкость иеромонаха Серафима не могла оставить равнодушными тех, кто знал его лично и сопереживал ему. Например, в этот тяжёлый период своей жизни он получил поддержку от одной из духовных дочерей

преподобного Серафима Саровского — Наталии Петровны Киреевской. В своем письме к архиепископу Харьковскому Флавиану (Городецкому) от 29 ноября 1898 г. Н. П. Киреевская давала самую высокую оценку личности отца Серафима и просила Владыку оказать ему необходимую поддержку. «Молю Вас, Владыко, — писала она, — взять под Ваше покровительство и Ваше отеческое попечение моего возлюбленного о Господе отца Серафима (в миру Леонида Михайловича Чичагова), много пострадавшего от людской злобы; все клеветы, на него возводимые, он переносит с истинно христианским смирением, я его знаю много лет и свидетельствую Вам моей совестью, что он истинный христианин и человек вполне достойный, и Вам, Владыко, будет весьма полезен, это человек, на которого Вы смело можете положиться. Умирая, Владыко, я поручаю о. Серафима Вашей отеческой любви и защите. Твердо верю, Владыко, что Вы исполните просьбу умирающей и будете ему Отцом и Покровителем»³¹.

В это нелегкое время о. Серафим сумел обогатить церковную литературу летописными произведениями: очерком «Засимова

пустынь во имя Смоленской Божией Матери Владимирской губернии Александровского уезда», которая была приписана к Лавре. Книга выдержала несколько изданий. Иеромонах Серафим (Чичагов) сообщает предание о том, что старец Зосима — основатель Зосимовой пустыни, — сначала был иноком Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. В это же время он составляет летописный очерк «Жизнь преподобного Евфимия, Суздальского чудотворца».

К этому следует добавить, что он приложил немалые усилия, чтобы обустроить Зосимову пустынь, которая в конце XIX в. стала одним из центров духовной жизни России. После смерти настоятеля Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря архимандрита Досифея обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев в 1899 г. назначает на эту должность иеромонаха Серафима (Чичагова), и 14 августа 1899 г. он указом Святейшего Синода был возведен в сан архимандрита и стал благочинным монастырей Владимирской епархии.

«Монашеская жизнь — многотрудная, скорбная, подвижническая», — говорил он при вступлении в управление обителью. —

«Поэтому светские люди редко понимают ее. Мирянам представляется, что мы живем праздно, в довольстве, небрежно, не приносим никакой пользы людям; весьма немногие из них постигают истинное значение молитвенного труда. Но великие вселенские учителя Церкви доказывают, что этот мир держится молитвами иноков. Действительно, молитва есть главное дело монаха, самая важная его забота, но и самая нужная и полезная его работа для мира. Любовь к ближним доказывается монахами прежде всего их молитвами, но под словом „молитва“ должно подразумевать всю монашескую жизнь по Богу, ибо молитва тогда полезна и могущественна, когда исходит из чистого сердца, свободного от страстей. Монахи достигают высоты молитвы ежедневным строгим исполнением молитвенного правила и хождением на все церковные службы.

По благоговейному совершению служб судят миряне о монашествующих и располагаются к обителям»³².

Новый настоятель нашел древнюю обитель в упадке. Вот что писал об этом сам подвижник в письме архиепископу Владимирскому и Суздальскому Сергию: «Вашему Высокопреосвященству, конечно, было

известно, что Спасо-Евфимиев монастырь был запущен, но до какой степени дошло разрушение монастыря, это Вы не могли знать достаточно... Пришлось заново устроить двухэтажный братский корпус, начиная с рам, полов, дверей, балок за невозможностью в нем жить, даже пришлось все это громоздкое здание с четырех сторон вырыть из земли вследствие того, что оно веками засыпалось мусором и отдушины нижнего этажа оказались под землей. Необходимо было вновь устроить весь монастырь, а именно: новую ризницу, новую трапезу, новую кухню, хлебопекарню, даже колодезь. Пришлось перерыть всю поверхность столь обширного монастыря, чтобы сделать дороги и поставить балясики и заборы. Необходимо было приобрести новое имущество для братских келий, как то: кровати, матрацы, столы, стулья, и вообще облагородить обитель и затем уже звать жить в нее новых людей. Пришлось устроить для слепых стариков богадельню, для страждущих – больницу, для певчих детей – приют, для окрестных жителей – школу, для рабочих и скотниц – новое жилище, для странников и приезжающих – странноприимный дом, для братии и арестантского отделения – две библиотеки, для обширного монастырского

архива и громадного архива прежней Суздальской епархии – новое помещение со всеми приспособлениями...» В письме архиепископу Харьковскому Флавиану архимандрит Серафим сообщал: «обитель, древняя лавра, лишенная миллионного состояния, без всяких средств, забытая и заброшенная... представляла из себя громадное разрушенное пространство с оградой в 1,5 версты и 13-ю падающими башнями. Знаменитая и страшная крепость, называемая ныне духовной тюрьмой, оказалось, капитально не была отремонтирована около 100 лет и вмещала в себя несчастных, расстроенных психически священнослужителей, голодных и холодных, частью невинно заключенных и ожидающих такого настоятеля, который мог бы вызвать рассмотрение их дел»³³. Ценой огромных усилий и преимущественно на собственные средства (из-за недостаточности собранных пожертвований) архимандрит Серафим сумел преобразовать как хозяйственную, так и духовную жизнь обители. Проявив твердость церковного администратора, практичность рачительного хозяина и отеческую любовь истинного пастыря, он за пять лет своего настоятельства обновил эту обитель. При этом он

уделил особое внимание благоустройству арестантского отделения Суздальской тюрьмы-крепости. Некоторые историки и публицисты вспоминали, что архимандрит Серафим «был строгим и вместе с тем добрым начальником»³⁴.

За суровой внешностью, военной выправкой и командирскими манерами в действительности скрывалось очень доброе, истинно христианское сердце архимандрита Серафима (Чичагова). Не было ни одного заключенного, участь которого он бы не облегчил, за которого он не ходатайствовал бы. Его пастырскими стараниями было достигнуто смягчение нравов и возвращение арестантов-сектантов в Православие. По ходатайству о. Серафима Святейший Синод освободил узников, томившихся в крепости за свои религиозные убеждения. Тюрьма перестала существовать и была обращена в скит. *«Я изнемог в скорбях и трудах в продолжение моей многострадалной и удивительной жизни, полной чудес и горестей»*, — писал он в 1901 г.

Архимандрит Серафим находил время не только для того, чтобы успешно нести

настоятельское служение, но и продолжать ставшую одним из главных дел его жизни подготовку прославления в лике святых великого подвижника Русской Земли — преподобного Серафима Саровского. Уже несколько лет одним из важнейших послушаний в своей жизни он считал составление «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», открывшее не только историю одной из замечательнейших женских обителей Русской Православной Церкви, но и монашеские подвиги преподобного Серафима Саровского.

В эти годы архимандрит Серафим завершает работу над «Летописью Серафимо-Дивеевского монастыря», послужившей делу канонизации преподобного старца.

Варвара Васильевна Черная, внучка святителя Серафима (Чичагова), опубликовала в 1993 г. статью, в которой рассказала о замысле и значении «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», а также о подготовке торжеств в честь прославления преподобного Серафима Саровского³⁵. В основу «Летописи» положены архивные материалы Саровской

пустыни и Дивеевского монастыря, документы и сообщенные очевидцами фактические данные, воссоздававшие картину жизни и подвигов старца Серафима и значение его для духовно-нравственной жизни народа.

Вот что сам Леонид Михайлович рассказывал о том, как у него зародилась мысль написать «Летопись»: *«Когда после довольно долгой государственной службы я сделался священником, мне захотелось съездить в Саровскую пустынь, место подвигов преподобного Серафима, тогда еще не прославленного, и когда наступило лето, поехал туда. Саровская пустынь произвела на меня сильное впечатление. Я провел там несколько дней в молитве и посещал все места, где подвизался преподобный. Оттуда я перебрался в Дивеевский монастырь, где мне очень понравилось и многое напоминало о преподобном Серафиме, так заботившемся о дивеевских сестрах»*³⁶.

В Дивееве архимандриту Серафиму (Чичагову) довелось встретиться и беседовать с тремя старицами, помнившими преподобного. Особенно сильное впечатление на него произвела встреча

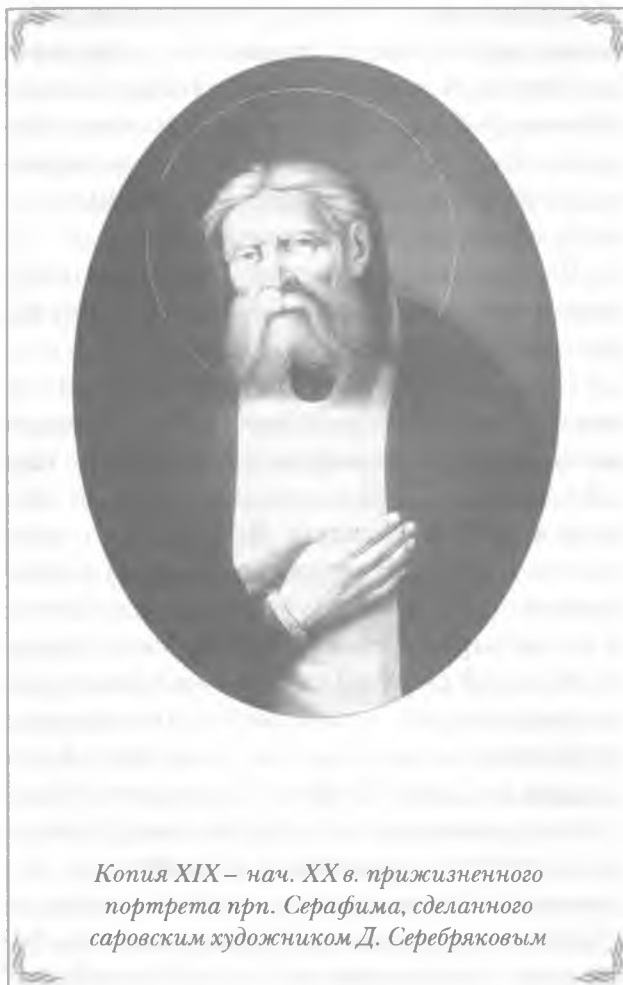
с блаженной Прасковьей (Пашей)*: «Едва я вошел к ней, как Паша, лежавшая в постели (она была очень старая и больная), воскликнула: “Вот хорошо, что ты пришел, я давно тебя поджидаю; преподобный велел тебе передать, чтобы ты доложил Государю, что наступило время открытия его мощей и прославления”.

Я ответил Паше, что я по своему общественному положению не могу быть принятым Государем и передать ему из уст в уста то, что она мне поручает. Меня сочтут за сумасшедшего, если я начну домогаться быть принятым Императором. На это Паша сказала: “Я ничего не знаю, передала только то, что мне поведал преподобный”. В смущении я покидал келлию старицы. После нее пошел к двум монахиням, помнившим преподобного. Они жили вместе и друг за другом ухаживали. Одна была слепая, а другая вся скрученная и с трудом передвигалась по комнате... слепая монахиня постоянно

* Блаженная Прасковья Ивановна (Паша Саровская) подвизалась в Серафимо-Дивеевской обители 31 год (с 1884 по 1915 г.). Считают, что заменившая преподобного Серафима в Дивееве блаженная Пелагея Ивановна Серебренникова (1809–1884 гг.), умирая, поставила Пашу на свое место.

молилась за усопших, при этом души их являлись к ней, и она видела их духовными очами. Кое-что она могла сообщить и о преподобном. Перед отъездом в Саров я был у о. Иоанна Кронштадтского, который, передавая мне пять рублей, сказал: "Вот прислали мне пять рублей и просят келейно молиться за самоубийцу: может быть, вы встретите какого-нибудь нуждающегося священника, который бы согласился молиться за несчастного". Придя к монахиням, я прочитал перед слепой записочку, в которую вложил пять рублей, данных мне о. Иоанном. Помимо этого я называл имя своей покойной матери и просил молиться за нее. В ответ услышал: "Придите за ответом через три дня". Когда я пришел в назначенное время, то получил ответ: "Была у меня матушка ваша, она такая маленькая, маленькая, а с ней ангелочек приходил". Я вспомнил, что моя младшая сестра скончалась трех лет. "А вот другой человек, за которого я молилась, тот такой громадный, но он меня боится, всеубегает. Ой, смотрите, не самоубийца ли он?" Мне пришлось сознаться, что он действительно самоубийца, и рассказать про беседу с о. Иоанном. Вскоре я уехал из Дивеевского монастыря и, возвращаясь в Москву, невольно обдумывал слова Паши... и вдруг однажды

меня пронзила мысль, что ведь можно записать все, что рассказывали о преподобном Серафиме помнившие его монахи, разыскать других лиц из современников преподобного и расспросить их о нем, ознакомиться с архивами Саровской пустыни и Дивеевского монастыря и заимствовать оттуда всё, что относится к жизни преподобного и последующего после кончины периода, привести весь этот материал в систему и хронологический порядок. Затем этот труд, основанный не только на воспоминаниях, но и на фактических данных и документах, дающих полную картину жизни и подвигов преподобного Серафима и значения его для религиозной жизни народа, напечатать и поднести Императору, чем и будет исполнена воля преподобного, переданная мне в категоричной форме Пашей. Такое решение еще подкреплялось тем соображением, что царская семья, собираясь за вечерним чаем, читала вслух книги богословского содержания, и я надеялся, что и моя книга будет прочитана. Таким образом зародилась мысль о "Летописи". Для приведения ее в исполнение я вскоре взял отпуск и снова отправился в Дивеево. Там мне был предоставлен архив монастыря, так же как и в Саровской пустыни. Но прежде всего я отправился к Паше и стал

расспрашивать ее обо всех известных эпизодах жизни преподобного, тщательно записывал все, что она передавала мне, а потом ей записи прочитывал. Она находила все записанное правильным... Возвратившись в Москву с собранным материалом о преподобном Серафиме, я немедленно приступил к своему труду»³⁷.

Вернувшись в Москву, Леонид Михайлович неоднократно обращался к своему разговору с блаженной Прасковьей.

Ознакомившись с обширными архивами Саровской пустыни и Дивеевского монастыря, о. Серафим начал работу над «Летописью»³⁸. Она увидела свет в Москве в 1896 г. В статье В. В. Черной отмечалось, что «Летопись» не только увековечила все духовно значимые события в монастырях Сарова и Дивеева в период с 1705 по 1895 г. В «Летописи» впервые приводился рассказ о первой настоятельнице Дивеевского монастыря, матушке Александре (в миру Агафья Семеновна Мельгунова), давалось жизнеописание блаженного старца иеромонаха Серафима с его тихими обращенными к каждому словами «Христос воскрес» и «Радость моя». В «Летописи» рассказывалось и о ближайших

сподвижниках великого старца — М. В. Мантурове, протоиерее Василии Садовском, блаженной Пелагее Ивановне Серебренниковой, Николае Александровиче Мотовилове, записавшем беседу со старцем Серафимом о стяжании Святого Духа как главной цели христианской жизни. Летопись содержала подробные сведения о создании монастыря в Дивееве — четвертого земного Удела Божией Матери.

Ничего не делалось в этой обители без благословения о. Серафима. Он сам разработал план Серафимо-Дивеевского монастыря, поручил приобретать землю для его расширения, руководил строительством церкви Рождества Христова.

В 1829 г. монастырю было пожертвовано три десятины земли, и тогда о. Серафим велел вспахать эту землю, по меже положить камешки и поставить колышки. Когда же земля после таяния снега высохла, он приказал по меже обрыть канавку в три аршина глубины и вынимаемую землю бросать внутрь обители, чтобы образовался вал также в три аршина. «Много чудного говорил батюшка Серафим об этой канавке. Что канавка эта — стопочки

Божией Матери. Тут ее обошла Сама Царица Небесная! Эта канавка до небес высока». И лишь окончили сестры рыть канавку, о. Серафим скончался, поручив их заступлению Царицы Небесной и оставив им трогательный завет: «Когда меня не станет, ходите ко мне на гробик; ходите, как вам время есть, и чем чаще, тем лучше... И услышу вас, и скорбь ваша пройдет! Как с живым со мной говорите. И всегда я для вас жив буду!»

Издание «Летописи» способствовало тому, что православный мир более глубоко узнал преподобного Серафима и Дивеевский монастырь. Образ иеромонаха Серафима был представлен автором «Летописи» с большой любовью, с благоговением перед его подвигами, чудесами и напутствиями к благочестивой жизни.

В «Летописи» приводятся его письменные наставления о Боге, о безмолвии, о внимании к самому себе, о мире душевном, о покаянии, о прощении обид и о других сторонах жизни людей верующих.

Множество людей шло к преподобному с тем, чтобы он утешил или исцелил их, ибо его подвижническая жизнь, высоко

нравственная по духу, его смирение, прозорливость — привлекали к нему русского верующего человека.

Издание «Летописи» способствовало тому, что православный мир еще более глубоко осмыслил подвижническую роль саровского старца и понял неотложную необходимость его прославления.

На рубеже XIX и XX столетий стало все более заметно, что стояние в вере начало ослабевать в русском народе, а в образованной его части наметились «разброд и шатания». Не будет преувеличением сказать, что архимандрит Серафим, как никто другой, понял, что обращение к Саровскому чудотворцу, его прославление позволяло обрести в этом святом акте столь нужные нам духовные силы. Эта мысль, по существу, подтверждается и автором статьи в «Православном церковном календаре» за 2003 г.: «Тогда и было дано России дивное знамение: на святорусском небосклоне воссиял угодник Божий Серафим, смиренный инок Саровской обители... В его великом духовном подвиге, в глубокой любви к ближним во имя Христово вновь явила свой лик Святая Русь»³⁹.

В 1902 г. стараниями архимандрита Серафима «Летопись» была переиздана*. Это второе издание «Летописи» также имело особое значение для совершения канонизации преподобного Серафима Саровского.

Архимандрит Серафим, особенно не увлекавшийся чудесами, рассказал своему духовному чаду — протоиерею Стефану Ляшевскому — о том, что по окончании работы над «Летописью» ему явился сам преподобный:

«По окончании “Летописи” я сидел в своей комнатке в одном из дивеевских корпусов и радовался, что закончил, наконец, труднейший период собирания и написания материала о преподобном Серафиме. В этот момент в келью вошел преподобный Серафим, и я увидел его как живого. У меня ни на минуту не мелькнуло мысли, что это — видение: так все было просто и реально. Но каково же было мое удивление, когда батюшка Серафим поклонился мне в пояс

* В 1905 г. епископ Серафим получил назначение в Кишиневскую епархию. Примерно тогда же он начал писать продолжение «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря». Им была подготовлена рукопись второго тома «Летописи».

и сказал: «Спасибо тебе за “Летопись”. Проси у меня все, что хочешь за нее». С этими словами он подошел ко мне вплотную и положил свою руку мне на плечо. Я прижался к нему и говорю: “Батюшка, дорогой, мне так радостно сейчас, что я ничего другого не хочу, как только всегда быть около вас”. Батюшка Серафим улыбнулся в знак согласия и стал невидим. Только тогда я сообразил, что это было видение. Радости моей не было конца»⁴⁰.

Ободренный духовной поддержкой преподобного, архимандрит Серафим решил предпринять казавшийся некоторым его собратиям по духовному сословию дерзостный шаг — поставить вопрос о канонизации преподобного Серафима Саровского в Святейшем Синоде. Смущало то, что мощи преподобного не сохранились нетленными, остались только косточки. Не только всемогущий оберпрокурор Синода К. П. Победоносцев, но и чиновники-полупротестанты и некоторые архиереи из Синода категорически выступали против канонизации преподобного. В кругах, близких к Святейшему Синоду, говорили, что архимандрит Серафим обладает какой-то удивительной

способностью притягивать на себя молнии чиновничьего гнева. Сознывая всю сложность решения вопроса о канонизации, архимандрит Серафим решил обратиться к Императору Николаю II, являвшемуся в соответствии с Основными Законами Российской Империи «верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры», и просить его поставить этот вопрос в Святейшем Синоде.

Проведав о намерении архимандрита Серафима обратиться к Императору, Победоносцев написал письмо дворцовому коменданту генералу П. П. Гессе, в котором имеется одно из немногих свидетельств о полемике в Святейшем Синоде по вопросу канонизации преподобного, а также прослеживается довольно неоднозначное отношение Победоносцева как к делу прославления, так и лично к архимандриту Серафиму.

Вот текст этого письма:

«Многоуважаемый Петр Павлович.

По извечному делу о прославлении старца Серафима, особливо интересующему Государя Императора, Его Величеству угодно иметь объяснение

с Архимандритом Суздальского монастыря Серафимом (Чичаговым), подавшим Государю несколько лет назад первую мысль о сем предмете. Для сего о. Серафим имеет отказ в Крым и в последних числах сентября имеет объявиться в Ливадии у Вашего Превосходительства. Вы его знаете: он человек хитрого ума и, увлекаясь, может наговорить много лишнего. Сегодня, видев его, я предупредил его быть осторожным, не выставлять себя во вред и не наговаривать на разные лица духовного чина, коих он расположен довольно резко осуждать по этому делу...».⁴¹

Этот нелицеприятный отзыв об архимандрите Серафиме объясняется если не прямым препятствием, то, во всяком случае, не очень большим желанием Победоносцева способствовать делу канонизации, а также оправданием той оценки, которую дали «лица духовного чина» (вполне возможно, что это были члены Синода) всем попыткам инициаторов причислить к лику святых столь явного чудотворца, каким был старец Серафим.

Однако обер-прокурор К. П. Победоносцев вскоре был вызван на прием

к Государю, где ему было объявлено о необходимости незамедлительно поставить на заседании Святейшего Синода вопрос об открытии мощей преподобного Серафима Саровского. Витте С. Ю. в своих воспоминаниях рассказал о том, что обер-прокурор Святейшего Синода был приглашен на завтрак к императорской чете, где ему было предложено представить указ о провозглашении Серафима Саровского святым. На замечание Победоносцева о том, что святыми провозглашает Святейший Синод после ряда исследований, императрица сказала, что «Государь всё может»⁴².

Используя свои связи в придворных кругах, в частности, благодаря знакомству с великой княгиней Милицей Николаевной, дочерью черноморского князя Николая, архимандрит Серафим сумел встретиться с Императором Николаем II, поднес ему книгу и нашел в нем своего единомышленника по поводу открытия мощей преподобного.

При обсуждении вопроса о канонизации в Святейшем Синоде оказалось, что практически почти весь Синод был

Государь Император Николай II

против. На открытии мощей настаивали лишь Государь, товарищ (т. е. заместитель) обер-прокурора В. К. Саблер и митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский).

Николай II своим указом распорядился провести освидетельствование останков старца Серафима Саровского. Основным оставался вопрос: существуют ли нетленные мощи старца? По решению Императора в августе 1902 г. митрополиту Московскому и Коломенскому Владимиру, епископам Тамбовскому и Шацкому Димитрию, Нижегородскому и Арзамасскому Назарию, присоединив к себе суздальского архимандрита Серафима и прокурора Московской Синодальной конторы князя А. А. Ширинского-Шихматова, было поручено провести предварительное освидетельствование останков преподобного Серафима. Освидетельствование показало, что нетленных мощей не существует. Это еще более смутило Святейший Синод. Митрополит Антоний (Вадковский), выступавший за канонизацию преподобного Серафима, сделал специальное заявление в печати, где он констатировал факт

*Перенесение святых мощей преподобного
Серафима Саровского из церкви святых
Зосимы и Савватия Соловецких
в Успенский собор Саровской пустыни
членами Царской семьи*

сохранности «остова» Саровского старца и выразил мнение, что наличие нетленных мощей не обязательно для прославления.

Император не оставил своего намерения прославить преподобного. В подтверждение своей благоговейной памяти о старце Серафиме Саровском, Император прислал в октябре 1902 г. в дар Серафимодивеевскому женскому монастырю лампаду для неугасимого горения у иконы Божией Матери «Умиление», перед которой молился и скончался преподобный Серафим. По личному повелению Императора лампаду доставил архимандрит Серафим. В воскресенье 20 октября 1902 г. после совершения Божественной Литургии в соборном храме он торжественно установил на уготованном месте перед иконой Божией Матери эту лампаду (серебряную, вызолоченную, тонкой работы, украшенную двуглавым орлом и разноцветной эмалью) и возжег ее на вечные времена — к великой радости сестер обители.

Император Николай II настоял на продолжении дела. И вот 11 января 1903 г. назначенная Святейшим Синодом представительная комиссия в составе 10 человек

*Во время торжеств, посвященных прославлению
Серафима Саровского и перенесению его святых
мощей. В центре – Император Николай II.
Слева от Государя Императора –
архимандрит Серафим*

под руководством митрополита Московского и Коломенского Владимира вновь приступает к подробному освидетельствованию останков старца Серафима. Членом комиссии был также и архимандрит Серафим.

В докладе, составленном комиссией после освидетельствования мощей и подписания акта, приведены были результаты расследования о чудесных знамениях и исцелениях, явленных от мощей и по молитвам о. Серафима. На этом докладе Государь Император написал: «Прочел с чувством истинной радости и глубокого умиления»⁴³.

Все это побудило Святейший Синод принять решение о причислении Саровского старца Серафима к лику святых Русской Православной Церкви и совершить торжественное открытие мощей преподобного 19 июля 1903 г. Одновременно Святейшим Синодом было признано необходимым, наряду с общими мероприятиями по линии местного управления, «принять меры к надлежащему устройству путей сообщения и потребных помещений» ввиду ожидаемого стечения большого количества богомольцев.

Государь Николай II поручил архимандриту Суздальского монастыря Серафиму и прокурору Московской Синодальной конторы князю А. А. Ширинскому-Шихматову «принять заведывание всеми подготовительными мерами для устройства и приведения к благополучному окончанию» многосложных дел, связанных с предстоящими торжествами. Обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев направил архимандриту Серафиму письмо с подробным перечнем мер по подготовке и проведению торжеств прославления Саровского чудотворца с участием Императора Николая II и членов Царской семьи. Имеется документ, составленный самим архимандритом Серафимом, в котором было расписано в деталях, каким должно быть торжественное открытие святых мощей преподобного, также были указаны богослужения с 15 до 21 июля 1903 г. и торжественное перенесение мощей из могилы в уготованную гробницу. Составлено «Слово в день памяти Серафима Саровского», которое произносилось в храмах на службах. Специально предусмотрены меры по организации перевозки богомольцев

из Арзамаса в Саров через Дивеево и по обеспечению их жильем и питанием. Этот документ отличается продуманностью и четкостью, свойственным характеру Леонида Михайловича Чичагова.

Торжества состоялись в июле 1903 г. в присутствии и при личном участии Императора, императриц — супруги и матери — и других лиц царствующего дома, министров Плеве, Хилкова, Саблера, Воронцова-Дашкова, а также многочисленного собора иерархов и духовенства во главе с митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Антонием при огромном стечении народа, о чем была полная информация с большим количеством фотографий в журналах и газетах. На торжества в Саров собралось не менее трехсот тысяч человек.

Торжеств, подобных Серафимовым, Россия не помнит. Люди плакали от радости, видя, как Государь, великие князья несут на своих плечах мощи дивного угодника Божия. Тема совершенного в Сарове великого молитвенного единения царя и народа займет в последующие годы видное место в правительственной и церковной публицистике. В память об этом событии

по эскизам К. Фаберже были изготовлены нагрудные жетоны трех степеней — из золота, серебра и бронзы — с вензелями Императора Николая II и митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского) на одной стороне и указанием места и времени празднования — на другой.

Отныне как для Императора, так и для многих преданных ему людей все царствование будет проходить под покровительством преподобного Серафима. Рассказывали, что батюшка Серафим не забыл прославивших его в земной Церкви. Еще будучи на торжествах в Дивееве, Государь получил письмо от преподобного, которое было надписано: «Царю, который приедет в Дивеево». Это письмо в конверте, запечатанном мягким хлебом, Государю передала Елена Ивановна Мотовилова, жена умершего в 1879 г. Николая Александровича Мотовилова, «служки» преподобного Серафима.

Как считают, в этом письме была описана вся дальнейшая жизнь Царской семьи. Это откровение было тяжелым, т. к., прочитав письмо, Государь горько заплакал.

Прославил преподобный Серафим в лике священномучеников и о. Серафима (Чичагова). Как предполагают, он предсказал архимандриту Серафиму мученическую кончину. Приняв священномученический венец, он сподобился быть в Царствии Небесном рядом с преподобным Серафимом.

Саровские торжества — незабываемые дни для всех их участников, дни, оставившие неизгладимый след в душе народной. Многие обрели веру, утешение в скорбях, разрешение тяжелых недоумений и сомнений духа, указание доброго, истинного пути, нашли в преподобном Серафиме теплое молитвенника и дивного чудотворца, не оставляющего всех просящих у него помощи.

В слове к читателям книги «Да будет воля Твоя» Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II отметил, что «прославление преподобного накануне надвигающейся революционной смуты, грозившей России катастрофой, явилось не только церковным, но и историческим событием, имевшим огромное духовное значение»⁴⁴.

Труды архимандрита Серафима получили высокую оценку как самого Государя, который подарил ему митру, так и многих священнослужителей, принявших участие в торжествах.

Архимандрит Серафим был избран Почетным членом Московского, Рязанского и Владимирского обществ хоругвеносцев. Но на этом не оканчиваются его труды во славу одного из величайших подвижников Святой Руси. Им написано «Житие преподобного старца Серафима Саровского». Есть указания на то, что перу архимандрита Серафима принадлежит также хвала угоднику Божию — «Акафист Преподобному и Богоносному отцу нашему Серафиму, Саровскому чудотворцу». В русской гимнографии акафист преподобному Серафиму Саровскому считается одной из вершин духовной поэзии. Следует отметить, что манера чтения акафиста, установившаяся в Саровской обители, была перенята и в Москве. Акафист совершается и поныне перед иконой преподобного Серафима каждый понедельник вечером в храме Святого пророка Божия Илии в Обыденском переулке в Москве.

Говоря о торжествах в Сарове, справедливости ради отметим, что первым, выступившим с предложением о канонизации преподобного Серафима, был начальник московских гимназий Викторов, который в письме от 27 января 1883 г. на имя К. П. Победоносцева предложил «ознаменовать начало царствования (Императора Александра III), перед священным коронованием, открытием мощей благочестивого, всей Россией чтимого угодника»⁴⁵. Но одно дело выступить с инициативой, какой бы благородной она ни была, но совсем другое — обосновать, добиться признания необходимости этого священного деяния и, наконец, организовать торжества по его прославлению с участием царя Николая II и его семьи, иерархов Русской Православной Церкви при стечении трехсот тысяч верующих... Это фактически оказалось под силу одному человеку. Им был архимандрит Серафим, безоговорочно поддержанный лишь митрополитом Антонием (Вадковским).

Вся жизнь митрополита Серафима была направлена на исполнение послушаний, возлагаемых на монаха, восходящего

по ступеням иерархической лестницы: иеромонах, архимандрит, епископ, архиепископ, митрополит. Он трудился во многих местах, и везде его деятельность оставляла свой след.

Вернувшись из Сарова в Суздаль, архимандрит Серафим занялся подготовкой предстоявшего 500-летия со дня блаженной кончины преподобного Евфимия, Суздальского чудотворца, и составил его жизнеописание. Однако быть на торжествах в Суздале ему не довелось. 14 февраля 1904 г. о. Серафим был назначен настоятелем одного из семи ставропигиальных монастырей Русской Церкви — Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. 3 марта того же года он прибыл в Новый Иерусалим и 6 марта принял от наместника-иеромонаха Анастасия по акту «все, до должности настоятеля относящееся»⁴⁶. В акте было отмечено, что «церковное и другое разное имущество монастырское, по описям, — в целости, но в значительном повреждении и ветхости», что помещения библиотеки, состоящей из рукописных и старопечатных книг на разных языках, и музея требуют

капитального ремонта, а музей — переустройства.

Одной из главных забот о. Серафима на новом месте служения явилось соби-
рание братии. Вслед за своим духовным
отцом из Спасо-Евфимиевого монастыря
в Воскресенский монастырь перешли его
келейник иеромонах Иона и его секретарь
иеродиакон Филарет. Много беспокойства
доставил о. Серафиму «своим неблагопо-
ведением» иеромонах Иларион, находив-
шийся на должности благочинного. По
просьбе архимандрита Серафима он был
смещен с этой должности и возвращен
в Санаксарский монастырь, так как его
дальнейшее пребывание в Воскресенском
монастыре было нетерпимо. Вся жизнь
о. Серафима свидетельствовала о том, что
он не только умел находить нужных людей,
но и благодаря незаурядности своей лич-
ности притягивал к себе людей достойных.
Были приняты послушниками: Владимир
Максимов Кисил, ставший келейником на-
стоятеля, и Исаакий Подлущкий, который
был пострижен в Ново-Иерусалимском мо-
настыре в монашество с именем Исихий,
а в дальнейшем стал архимандритом этого

монастыря. Отец Серафим на всех местах своего служения стремился к тому, чтобы в монастыре на послушаниях трудились монахи, а не мирские люди. Со вступлением в управление Новым Иерусалимом о. Серафим увеличил число послушников в три раза.

Приняв в управление Ново-Иерусалимский монастырь, архимандрит Серафим должен был отметить, что эта единственная в своем роде обитель, начиная от храмов и кончая оградой, находилась в совершенно запущенном состоянии. В серьезном ремонте нуждались 40 престолов, 40 иконостасов, 40 паникадил и так далее. В срочном порядке, буквально в течение одного месяца, были составлены сметы на ремонт монастырских строений, включавшие в себя каменные работы, устройство лестниц и полов, кузнечно-слесарные, водопроводные, стекольные, малярные и серебряные работы, ремонт церковной ризницы⁴⁷.

Обеспечив через Московскую Синодальную контору финансирование ремонта, архимандрит Серафим сумел так организовать проведение

ремонтно-восстановительных работ в монастыре, что эта величественная обитель была отреставрирована практически за один год. Налаживая хозяйственную жизнь монастыря, архимандрит Серафим приложил немало усилий к тому, чтобы устроить правильную монашескую жизнь, в центре которой — совершение уставных богослужений. Энергичная и плодотворная деятельность архимандрита Серафима по управлению Воскресенским монастырем совпала по времени с Русско-японской войной (1904–1905), обернувшейся для России многочисленными жертвами и потерями.

Архимандрит Серафим обратился в Святейший Синод с призывом принять участие в призрении — т.е. в оказании помощи больным и раненым воинам, прибывавшим с театра военных действий на Дальнем Востоке. 7 сентября 1904 г. Синодальная контора благословила настоятеля Воскресенского монастыря на то, чтобы «приспособить состоящий при монастыре странноприимный дом под помещение для больных и раненых воинов»⁴⁸. Раненые доставлялись в лазарет

Вера Чичагова

в сопровождении санитаров; монастырь оплачивал также труды требовавшейся иногда при этом прислуги. В лазарете больные и раненые находились на полном содержании монастыря. Каждый выпи-сываемый из лазарета получал пособие, нижние чины направлялись в Москву или в другие места в сопровождении надежного проводника. Этот лазарет успешно дей-ствовал до 20 апреля 1906 г.

Архимандрит Серафим был настояте-лем Ново-Иерусалимского монастыря не-многим более года. 30 марта 1905 г. состоя-лось решение Святейшего Синода и издан соответствующий Указ о назначении архи-мандрита Серафима (Чичагова) епископом Сухумским. В г. Сухум после рукоположе-ния его во епископа Владыка Серафим взял с собой двух своих постриженников — иеро-диакона Филарета и иеромонаха Иону.

А жизнь шла своим чередом. Взрослели дочери, требовавшие к себе все большего отцовского внимания и заботы.

Старшая Вера поступила в Дивеев-ский монастырь еще в год кончины сво-ей матери. Вера была пострижена в рясо-фор, но она оставалась в душе светской

Наталья Чичагова

барышней и к монастырской жизни не была подготовлена. Внешне она была хороша собой, высокая, стройная, с хорошим голосом. Будучи на монастырском подворье в Петергофе, она училась в консерватории и по окончании учебы управляла правым хором монастыря — была его регентом. Но жизнь в монастыре тяготила ее. Сославшись на ухудшение здоровья, она уехала на лечение в санаторий. Там Вера встретилась со своим будущим мужем — офицером по имени Григорий Коврига, вышла за него замуж. В монастырь она не вернулась, чем нанесла большую обиду своему отцу.

Вторая дочь, Наталия, после переезда семьи в Москву училась в 4-й женской гимназии и помогала воспитывать младших сестер. Ее отличали ум, спокойствие, выдержка. Высокого роста, стройная и изящная, она обладала не только красивой внешностью, но и душой. Она с молодых лет мечтала посвятить жизнь служению Богу и людям. Наталия очень хотела поступить в Дивеевский монастырь, но обстоятельства сложились так, что в 1912 г. она стала послушницей, а затем и монахиней Рижского Свято-Троице Сергиева монастыря. Еще

Леонида Чичагова

до того, как уйти в монастырь, Наталия окончила курсы сестер милосердия в Риге. Работа медсестрой стала ее профессией.

Третья дочь митрополита Серафима — Леонида — училась в Москве в 4-й женской гимназии, то есть там же, где училась и ее сестра Наталия. Она окончила гимназию в 1901 г. и очень хотела получить медицинское образование. С этой целью Леонида поступила на двухгодичные курсы сестер милосердия, которые организовал Комитет Красного Креста под покровительством принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской в Санкт-Петербурге. Эти курсы она окончила в 1908 г.

В том же или в следующем году Леонида встретила с Василием Августовичем фон Резоном, выходцем из аристократической семьи обрусевших немцев. Василий служил в Финляндском Статс-Секретариате в чине надворного советника. Трудно сказать, насколько это достоверно, но говорили, что одно время он был одним из помощников Председателя Совета Министров Петра Андреевича Столыпина. О чистоте и серьезности чувств

*Василий Августович фон-Резон
с женой, Леонидой Леонидовной*

Василия по отношению к Леониде красноречиво говорит надпись, сделанная им на «Молитвослове», который он подарил ей: «Милой и дорогой Леониде Леонидовне в залог того, что в моей будущей жизни всеми силами буду стараться следовать заветам этой святой книги. В. Резон. 23 декабря 1909 г.»⁴⁹. В 1910 г. Леонида вышла замуж за Василия Августовича. Добавим, что он выполнил данное им обещание.

Младшая дочь Л. М. Чичагова — Екатерина — после смерти матери была отдана в Екатерининский институт. У нее был хороший голос, и она брала уроки вокала у педагога-итальянца. В 1909 г. она вышла замуж за приват-доцента Московского университета Юрия Владимировича Сергиевского.

Следует подчеркнуть, что в чичаговских семьях дочери всегда были предметом их особой гордости. Они почитали родителей, а своих мужей окружали нежной любовью и теплом, были настоящими хранительницами семейного очага. И если мужья были их опорой, то и чичаговские жены неизменно оставались для супругов прочной поддержкой. Те из них, кому суждено было

Екатерина Чичагова

испытать радость материнства, были образцовыми, заботливыми и любящими матерями, готовыми к самопожертвованию ради благополучия своих детей. Те, кому не довелось быть продолжательницами рода, отдавали тепло сердец своим родным, близким, а порой совсем незнакомым, но нуждающимся в помощи людям, щедро делясь с ними всем, что у них было.

В годину испытаний женщин чичаговского рода никогда не покидали стойкость, готовность отстоять честь семьи, рода и своей Родины, способность с достоинством и честью переносить выпавшие на их долю страдания и невзгоды.

Мы еще не раз будем возвращаться к судьбам дочерей Владыки Серафима. А сейчас продолжим наш рассказ о земном пути святителя.

В 1905 г. в речи при наречении во епископа Сухумского святитель Серафим дал глубокую характеристику своего предшествующего жизненного пути и пророческое прозрение будущего служения и мученического венца:

«Многообразно совершается призыв Божий! Неисследимы пути Провидения Божия

*Екатерина Леонидовна Чичагова с мужем,
Юрием Владимировичем Сергиевским*

(Рим. 11, 33), предопределяющие пути человеку. Со мной, вот уже в третий раз в продолжение последних двенадцати лет, происходят перевороты, которые меняют весь строй моей жизни. Хотя я никогда не забывал молитвенно простирать руки к Богу в надежде на Его милосердие и всепрощение, но мог ли себе представить, что мой первоначальный светский путь, казавшийся естественным и вполне соответственным моему рождению и воспитанию, продолжавшийся так долго и с таким успехом, не тот – который мне предназначен Богом? И как я должен был убедиться в этом? Несомненно, путем испытаний и скорбей, ибо известно, что скорби – это лучшие провозвестники воли Божией, и от начала века они служили людям знаменем избрания Божия. Испытав с восьмилетнего возраста сиротство, равнодушие людей, беспомощность и убедившись в необходимости проложить себе жизненный путь собственным трудом и многолетним учением, я, по окончании образования, еще в молодости прошел все ужасы военного времени, подвиги*

* Точнее – «с десятилетнего возраста»: маленькому Леониду исполнилось 10 лет, когда в 1866 г. умер его отец. — *Прим. ред.*

*Дочери митрополита Серафима.
Слева направо: Вефа, Леонида, Екатерина,
Наталия. Начало 1900-х гг.*

самоотвержения, но сохраненный в живых дивным Промыслом Божиим, продолжал свой первоначальный путь, претерпевая многочисленные и разнообразные испытания, скорби и потрясения, которые окончились семейным несчастьем – вдовством. Переноса столько скорбей, я вполне убедился, что этот мир, который так трудно перестать любить, делается через них нашим врагом и что мне предопределен в моей жизни особенный, тернистый путь.

Тяжело испытывать пути Божии! Не потому, что требуется безусловная покорность, совершенное послушание и всецелая преданность в волю Божию, даруемые Самим Господом; тяжело потому, что, как говорит святитель Филарет, митрополит Московский, мир, побежденный верою, плененный в ее послушание, допущенный посему в область ее, неprimетно внес в нее свой собственный дух; таким образом, сей враг Христа и христианства очутился в пределах самого христианства, прикрывшись именем христианского мира, он действует свободно и учреждает себе мирское христианство, старается обратно переродить сынов веры в сынов мира, сынов мира не допустить до возрождения в истинную жизнь христианскую, а на непокорных ему

вооружается ненавистью, лукавством, злословием, клеветами, презрением и всяким орудием неправды. Поэтому жизнь людей, взятых из мира и поставленных на духовный путь, особенно многотрудная и многоскорбная. Подобное произошло и со мной. Иные опоясывали меня и вели туда, куда я не ожидал и не мечтал идти, и эти люди были, конечно, высокой духовной жизни. Когда по их святым молитвам во мне открылось сознание, что Сам Господь требует от меня такой перемены в пути ради Его Божественных целей, что это необходимо для всей моей будущей жизни, для предназначенных мне еще испытаний и скорбей, для моего сораспятия Христу, – то несмотря ни на какие препятствия, поставленные мне миром, я исполнил святое послушание и сначала принял священство, а по вдовстве – монашество. Долго я переносил осуждения за эти важные шаги в жизни и хранил в глубине своего скорбного сердца истинную причину их. Но, наконец, Сам Господь оправдал мое монашество в ближайшем моем участии в прославлении великого чудотворца преподобного Серафима. Ныне, по всеблагой воле Господа, я призываюсь на высокое служение Церкви Христовой в сане епископа»⁵⁰.

Епископ Сухумский

Должность правящего архиерея в епархии святитель Серафим (Чичагов) принял в 1905 г. 28 апреля 1905 г. в Успенском соборе Московского Кремля архимандрит Серафим был хиротонисан во епископа Сухумского. Чин хиротонии совершали митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский), епископы Трифон (Туркестанов) и Серафим (Голубятников).

Следует отметить, что начало назначений архиереев на Сухумскую кафедру из числа русских было положено в 1887 г. Русские архиереи не знали ни местных языков, ни местных нравов и обычаев. Они не умели ездить верхом, а иногда и ходить пешком в горной местности или болотистых местах Сухумского округа и поэтому обыкновенно сидели в Сухуме, а миссионерское дело вели с помощью полиции, которая силой загоняла абхазов в реки для принятия

обряда крещения от православных священников. С приходом на Сухумскую кафедру епископа Серафима времена изменились. И дело не в том, что он как бывший кавалерист отлично владел конем. Кстати, во время служения на Сухумской кафедре епископу Серафимугодились навыки, полученные им на армейской службе. Так, например, знакомство с положением дел в церковной жизни в Абхазии он начал с «рекогносцировки местности», составив маршруты своих поездок «для обозрения церквей Сухумской епархии». В ходе этих поездок он получил возможность подробно ознакомиться с положением дел в епархии.

Епископ Серафим стал первоначинателем православного окормления Абхазии и живым символом духовного единения Абхазии с Россией. Но это далось ему нелегко. Пребывание епископа Серафима на Сухумской кафедре совпало по времени с весьма трудным периодом как в жизни Абхазии, так и России в целом.

Уже первая кафедра святителя Серафима — на древней православной Иверской земле — оказалась для него местом испытаний. Приехав в Сухум в мае 1905 г., Владыка

Серафим столкнулся с грозной ситуацией: революция 1905 года всколыхнула грузинский национализм. В Закавказье действовали «революционные группы» (банды так называемых экспроприаторов), которые нападали на монастыри, грабили их ради «революционных» нужд. Случались кровавые столкновения между отдельными группами, грабежи, которые обостряли обстановку в Абхазии, частыми были разбойничьи нападения на священников и даже их убийства. Кроме того, на всю эту сложную обстановку накладывались проблемы межнациональных отношений. Грузинская Православная Церковь пыталась распространить свое влияние на абхазское население. Абхазские приходы и школы сплошь и рядом состояли из священников и учителей — грузин, которые совершали богослужения и вели преподавание на чуждом для абхазов грузинском языке. Еще в 1892 г. решением Святейшего Синода была основана Комиссия по переводу богослужебных книг на абхазский язык, куда вошли представители абхазских духовенства и интеллигенции. В работе переводческой комиссии активно

участвовали протоиерей Дмитрий Маан, священник Николай Ладариа, священник Иосиф Лакербая, священник Иларион Кучуберия, священник Александр Ажиба, священник Николай Патеипа, священник Георгий Туманов и другие лица. Но только при епископе Серафиме этот перевод начал осуществляться практически. Благодаря плодотворной работе этой комиссии на абхазском языке были изданы: Богослужбное Евангелие, Литургия святого Иоанна Златоуста, Богослужбный сборник, Требник, Нотный обиход абхазских литургических песнопений, жития святых и нравственно-назидательные творения. Это было начало новой, интенсивной волны духовного просвещения Абхазии.

Для восполнения недостатка в церковных кадрах при епископе Серафиме было основано богословское училище, которое имело своей задачей «подготовку кандидатов на священнические места в абхазские приходы». Каждый шаг нового епископа требовал от него большой выдержки и такта. Ему приходилось решать непростые вопросы как национального, так и политического характера.

Сухумская кафедра входила в состав Грузинского Экзархата. Еще в 1901 г. епископ Сухумский Арсений (Изотов) представил в Святейший Синод проект выделения его кафедры в самостоятельную епархию. Этот проект активно поддержал и епископ Серафим, который считал, что выделение кафедры должно произойти законодательным путем.

Владыка Серафим решительно выступал за чистоту православной веры и за единство Русской Церкви. Будучи преемником воинской славы своих доблестных предков, он осуществлял это ратоборство уже как воин Христов на поле духовной брани.

Осуществляя свое епископское послушание, он прежде всего занялся активным устройением приходской жизни. Разнообразны формы и масштабы этой работы. При епископе Серафиме были вновь построены церковь в селе Мухур, церковь и причтовый дом в селе Ачандары, церковь в селе Члоу, здание молитвенного дома с подвижным престолом в деревне Хоста Сочинского округа, молитвенный дом для совершения богослужения священником

села Высокое накануне праздников в деревне Вардане Сочинского округа, отведены земли для церковных причтов в селениях бывшего Шапсугского батальона, разрешено поселянам деревни Верхне-Николаевки обратить здание их молитвенного дома в церковь, учрежден самостоятельный приход в новой церкви в селе Георгиевском и назначен туда самостоятельный причт, при церквях в деревнях Пиленково и Первинке были учреждены самостоятельные приходы и назначены особые причты, удовлетворено ходатайство Туапсинского городского общества об учреждении постоянного праздника в память основания Туапсе; отремонтированы: причтовый дом в селе Бармыш, причтовый дом в селе Илор, Пахуланская церковь, удовлетворено ходатайство причта Новороссийского собора о разрешении израсходовать из церковных сумм до пяти тысяч рублей на сооружение нового иконостаса, удовлетворено прошение уполномоченных Аибгского сельского общества о назначении в село Аибгу особого причта, удовлетворено прошение Лазаревского сельского правления о назначении причта к Лазаревской Рождества-Богородичной

церкви, открыто приходское попечительство при Гудаутской церкви, удовлетворено прошение о разрешении открытия греческих школ в селах Абхазии, где преимущественно проживают греки, удовлетворено прошение грузин — жителей посада Сочи — о назначении священника из грузин для совершения богослужения на грузинском языке, удовлетворен рапорт благочинного 3-го Сухумского благочиния священника Очамчирской церкви Димитрия Маргания о разрешении ему «временно совершать богослужение в оной церкви на абхазском языке». Епископ Серафим был инициатором преобразования в Черноморском благочинном округе из двух округов — в четыре и новом распределении приходов по этим благочиниям.

Кроме того, епископ Серафим оказывал материальную помощь нуждающимся. Например, такая помощь была предоставлена учительнице Архипо-Осиповской женской церковно-приходской школы Светловой, вдове псаломщика станицы Кабардинской Случовской.

Епископ Серафим не забывал поощрять наградами священников Сухумской

епархии, отлично исполнявших свои обязанности, ходатайствуя перед высшим начальством об их награждении и поощрении. Так, священник церкви Святого Георгия города Сухума Авраамий Иванов был награжден орденом Святой Анны III степени, Епархиальный наблюдатель протоиерей Василий Ястребов был награжден орденом Святого Владимира IV степени.

Трудно представить, как всего за несколько месяцев служения на Сухумской кафедре епископу Серафиму удалось выполнить столь обширный и разнообразный объем работы.

Однако деятельность этого умелого и обладающего организаторским талантом священноначальника не всем в Грузии приходилась по вкусу. Как это неоднократно будет случаться в дальнейшей жизни Владыки Серафима: успешно начав очередное церковное деяние, он не получит возможности непосредственно участвовать в его завершении. На Сухумской кафедре Владыка Серафим прослужил недолго и в феврале 1906 г. был переведен в Орел. На его место был назначен грузинский епископ.

Епископ Орловский и Севский

6 февраля 1906 года Владыка Серафим был назначен на Орловскую кафедру. В Орловской епархии в сане епископа Орловского и Севского он провел 1906–1908 г.

В период революционной смуты 1905 г. Орловская губерния подверглась сильнейшему разгрому: «множество помещичьих усадеб было сожжено, разграблено, и сельская молодежь... пьянствуя по ночам, обкрадывала амбары, кидала в окна священнических домов камни и кирпичи, и разрушала даже самые дома. Родители из-за боязни скрывались и молчали»⁵¹. Обстановка усугублялась тем, что местные власти пребывали в растерянности, часть духовенства увлеклась новыми политическими идеями, в семинариях творились беспорядки, даже церковные старосты бастовали.

В одном из своих писем В. Т. Георгиевскому, историку древнерусского искусства,

*Епископ Орловский и Севский,
архимандрит Серафим (Чичагов)*

епископ Серафим писал: «Слышал я, что Орловская епархия одна из самых трудных и неустроенных, но не воображал, что центральная русская епархия может быть в таком запущении и неустройстве во всех отношениях... Но я хотел бы очень остаться здесь надолго и добиться переустройства епархии. Надо же русскую губернию привести в порядок. Больно видеть это... С 1 февраля, дня моего приезда в Орел, я еще не спал ни одной ночи как следует. Бью набат, стремясь к скорейшему возрождению приходской жизни. Веду беседы с миром и клиром по городам и в залах Думы. Последствия прекрасные»⁵².

В этом же письме у него есть слова: «В первый раз я соприкасаюсь с семинарией... Никакого понятия не имеют о воспитании, педагогике и влиянии на юношество. Нет ни власти, ни прямоты, ни самостоятельности в начальстве. Юношество никогда не может уважать слабость, лицемерие, скрытность и бесхарактерность».

Важным стимулом к действию послужило письмо, с которым святой праведный Иоанн Кронштадтский обратился к своему духовному сыну — епископу Серафиму: «...Господь Вас возвышает, а не унижает

Сын
 Его Превосвщенства
 Серафиму Епископу
 Орловскому.
 Благословлю тебе сердцем
 дорогую твою с. Иоанне
 Кронштадтскую, возлюбленную
 и текущую в добродетели,
 якоже и сам. Твоею
 волею воздвигну, а не
 унывающим и введи во
 славу славы; она не расстроит
 величайшие концы твои
 души, Григория Потоцкого
 Великого Великого. Как
 поразити и раздуться,
 Григорий Потоцкий
 Сын

Факсимиле письма святого праведного
 Иоанна Кронштадтского духовному
 сыну – епископу Серафиму

и ведет к доброй славе; она не угаснет. Поминайте конец Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого».

Владыка решил сам открыто начать в городах и селах словесную и духовную борьбу со смутой, претворяя в жизнь Постановление Святейшего Синода от 18 ноября 1905 г. об устройении и возрождении приходской жизни.

В своем первом обращении к духовенству и пастве 6 февраля 1906 г. епископ Серафим произнес знаменитые слова: *«Держа в одной руке крест, другою я бью в набат, возлюбленные!»*⁵³. Он призывал священнослужителей *«брать кресты и идти в толпу, поспешать на площади, где волнуется народ... сильным благодатным словом вразумлять и озлобленных, и совращенных, проповедующих насилия и смуты... Созывайте всех в храмы для покояния и... возрождения в приходах христианских общин, которые только и могут направить свободный русский народ на истинный путь! Призывайте русских людей к любви, единению и единому сердцу! Непослушных и упорных приводите к покаянию мольбой и слезами!»* Этот свой набат он повторил во всех городах и многих селах двенадцати уездов

Орловщины, всюду собирая съезды духовенства, раньше занимавшиеся исключительно нуждами епархии, и соединяя их с мирянами.

Исполняя свой замысел, уже 21 февраля 1906 г. Владыка Серафим созвал в Орле съезд духовенства, представителей администрации, земства и учителей. На этом съезде все откровенно высказывались и выслушивали наставления архипастыря о возрождении приходской жизни в епархии.

С 1 марта 1906 г. Владыка Серафим начал объезжать уездные города, села и везде вел беседы, распространял среди духовенства литературу, проводил собрания, на которые приглашались и местные жители. С большой энергией он заботился об укреплении строгого порядка, существующего на незыблемых основах Православия. Живое мощное слово его звучало за каждым богослужением. Он отличался кипучей, идейной деятельностью и горячим стремлением вознести духовенство на подобающую высоту.

Собственным примером он показывал, как надо работать: *«ходить по домам*

прихожан, знакомиться, стараться разузнать их нужды, облегчать их горе участием, советом, хлопотами и залечивать сердечные раны...»⁵⁴.

Не страшась угроз и смертных приговоров, Преосвященный Серафим шел твердым и неуклонным путем к духовному возрождению народа, своей паствы, призывая пастырей выполнять свой долг. Результаты этого титанического труда не замедлили сказаться. Работа избранных приходских советов с молодежью привела к тому, что хулиганство прекратилось, обстановка в селах стала приходить в норму.

Организованная епископом Серафимом открытая дискуссия на пастырских собраниях духовенства с участием мирян принесла, по его мнению, «громадную пользу: после таких совещаний невольно начало возрождаться единение между прихожанами и пастырями». «Трудно поднимать духовенство, но мир поможет, если епископы будут жертвовать собой», — говорил Владыка Серафим. Как отмечалось в публикации «Орловская епархия в 1906–1908 гг. при Преосвященном епископе Серафиме (Чичагове)», «вынесенная Владыкой на своих

плечах эта борьба, окончившаяся такою беспримерною победой и при том с высоко-пастырскою мудростью, одним духовным влиянием, защитою невинно-пострадавших в аграрных беспорядках, помощью голодающим, подчинением своей духовной власти мирян и возрождением деятельности духовенства, — есть невиданный, исторический факт, чрезвычайно поучительный и заслуживающий серьезного изучения... В истории Орловской епархии — это лучшая ее страница»⁵⁵.

Занимаясь переустройством церковно-приходской жизни в Орловской епархии, Владыка Серафим пришел к убеждению, определившему всю его дальнейшую архипастырскую деятельность, — что полное развитие епархиальной жизни возможно лишь на основе активно действующих приходских общин.

Преосвященный Серафим в своей стратегии — в деле возрождения приходских общин — учитывал главную особенность Орловской губернии, где 88% населения составляли крестьяне. Из старших и авторитетных в приходе членов он

организовал в сельских общинах епархии «приходские советы», что, с одной стороны, давало возможность удерживать молодежь от связанных с пьянством бесчинств и грабежей, а с другой — поддерживало пастырей в их борьбе со смутой. «Психологически момент был таков, что молодое поколение, не признавая родительской власти, боялось еще общественного мнения и воздействия, так как все дела и вопросы теперь решались на сходах и собраниях»⁵⁶. На приходские советы были возложены обязанности как по линии церковного дела, так и по линии благотворительности. Всего за 1906 г. более чем в 700 приходах была начата работа таких советов, что составило две трети самостоятельных приходов. В обязанности советов наряду с обеспечением условий для нормального развития пастырско-литургической и административно-хозяйственной деятельности приходов должно было входить решение всей совокупности духовно-просветительских и социально-благотворительных задач: создание больниц, школ, библиотек и других образовательных учреждений. Владыка

Серафим проявлял особую заботу о расширении благотворительности. Так, например, 30 апреля 1907 г. он дал указание о кружечном сборе в пользу слепых, а в июне того же года он создал Серафимовское братство для помощи нуждающимся ученикам церковных школ Орловской губернии. Сам разработал систему преподавания, лично посещал экзамены в гимназии и в школах. По его инициативе открываются новые читальни, 9 июля 1907 г. было объявлено о созыве первого собрания Епархиального Учительского совета. Обращаясь к учителям церковно-приходских школ, Владыка напомнил им, что *«грамота прежде всего необходима для познания Евангелия, для просвещения христианским учением, и что без религии и веры человек остается невеждою и зверем»*⁵⁷. Церковная школа с возрождением приходской жизни становится еще более необходимой, чем прежде.

17 октября 1907 г. епископ Серафим дал указание заботиться о чистоте церквей, о создании при каждой церкви певческих хоров, о беседах в праздничные и воскресные дни после вечернего

чтения, он разрешил накануне праздников читать краткие жития святых на русском языке, ежемесячно собирать приходские собрания, а также окружные или благочиннические собрания и заседания членов исполнительной комиссии, а в декабре 1907 г. предложил привлекать достойных учащихся к выборам в приходские советы. Все это должно было привести к укреплению веры, к повышению уровня духовности прихожан, к организации школ, библиотек, больниц, способствовать христианскому воспитанию молодого поколения.

Возрождение приходской жизни должно привести к возрождению духа любви в людях, взаимопомощи, патриотизма, поднятию нравственности, восстановлению семьи. Без единения православных невозможно противостоять влиянию инославия и многочисленных сект. В эпоху всеобщего шатания умов, когда колышутся устои самой религии и Отечества, Преосвященнейший Серафим старается направить деятельность братств, помимо борьбы с расколом и сектантством, и на борьбу с атеизмом, анархизмом

и прочими «измами». Во всех случаях он неизменно действовал силой убеждения.

Пристальное внимание Владыка Серафим уделял монастырям и восстановлению в них исконных обычаев и традиций. Им были изданы специальные указания и постановления по возрождению духовной жизни в монастырях.

Его деятельность встречала все большее признание и уважение не только среди орловского епархиального духовенства, но и в кругах всего русского епископата.

Обращаясь к Владыке, епископ Митрофан Екатеринбургский, бывший викарий, епископ Елецкий писал: «Я часто размышляю о Вашем появлении на Орловской кафедре, о Вашем выступлении, как доброго воина Иисуса Христа лицом к лицу на борьбу с врагами Церкви, Царя, России. Ведь это нечто незабвенное, историческое, великое и не для одной епархии, а для всей нашей Церкви. Ведь в то время, как одни думали отсидеться от революции за крепкими оплотами и стенами, а другие — идти у нее на поводу, Вы открыли новый, единственно спасительный путь — идти ей навстречу, сразиться с ней в духе христианского мужества

и любви к истине, духовным орудием, и Вы всех победили и убедили, ибо самые враги наши, видя Ваш вызов, не могли не сознаться, что ненадежно их орудие, коим они думали громить Церковь и святыи наши Заветы. О, если бы я мог когда-либо пред сильными мира, хотя я всегда и везде говорю об этой славной странице в истории Церкви в эпоху революции, открыть и поведать эту святуу, спасительную деятельность»⁵⁸.

Вопросам активизации приходской жизни в Орловской губернии было посвящено сообщение, с которым епископ Серафим выступил в Петербурге перед членами Государственной Думы и Государственного Совета.

В своем сообщении епископ Серафим в 1908 г. высказал пожелание Святейшему Синоду как можно скорее приступить во всех российских епархиях к возрождению приходской жизни. Свидетельством все возраставшего авторитета Преосвященного Серафима стало назначение его в 1907 г. присутствующим членом Святейшего Синода.

В «Прощальном обращении к духовенству епархии» Владыка Серафим подвел

итоги своей деятельности на Орловской кафедре и общих трудов местного духовенства под его руководством: *«В первый год вы установили в приходах посильную благотворительность для научения пасомых должному понятию о приходской общине и развития в них участливости к немощным, бедным и несчастным членам прихода. На второй год вы развили самодеятельность членов приходских советов, приучая их помогать вам в наблюдении за благочинием во время церковных служб и крестных ходов, вразумлять молодое поколение, искоренять в селах нехристианские обычаи, разгулы под праздники, наблюдать за преподаванием в церковных школах, прекращать раздоры и всякое зло в самом начале их возникновения. На третий год вы вступили в борьбу с главным бичом русского народа – это пьянством, тайной продажей вина, сильно увеличившейся за время смуты и разгромов, учреждали общества трезвости, библиотеки, как постоянные при церквях, так и летучие, для сел и деревень, основывали кредитные товарищества. Теперь вам предстоит особенно позаботиться о миссионерском деле и об образовании по приходам миссионерских кружков»⁵⁹.*

Пастыри и миряне Орловской епархии называли Преосвященного Серафима «великим объединителем прихода», а его пребывание на Орловской кафедре — «самой блестящей страницей в летописях Орловской епархии за 200 лет ее исторического существования»⁶⁰.

В адресе от Орловской Городской Думы, преподнесенном епископу Серафиму при прощании его с епархией в 1908 г., говорилось: «Ваше трехлетнее пребывание на кафедре Орловской епархии оставило неизгладимые следы глубокого благоговения, благодарности и признательности Вашему Преосвященству в сердцах всех русских православных людей, преданных Православной Вере, Самодержавному Государю и дорогой Родине. В тяжелую годину общерусской смуты и нашей местной жизни, Промыслом Божиим и волею нашего Возлюбленного Монарха Вы поставлены были нашим Архипастырем и руководителем в борьбе с врагами Церкви, семьи и государственности. И мы с глубоким чувством уважения не могли не видеть Ваши просвещенные и любвеобильные заботы

о пробуждении чувства христианского долга и об объединении пастырей с пасомыми на святых началах, которыми так была всемогуща и славна Церковь в первые века христианства и в години тяжелых испытаний нашего Отечества»⁶¹.

В 1908 г. за организацию приходской жизни в Орловской епархии Государь Николай II наградил Владыку Серафима орденом Святой Анны I степени.

Но не только дела в Орловской епархии занимали Владыку Серафима все эти годы. Он внимательно следил за общественно-политической ситуацией в России начала XX в., которая была отмечена нарастанием революционного движения при ослаблении самодержавного строя, что, в частности, наглядно показали поражение России в Русско-японской войне 1904–1905 гг., отрыв образованной части русского общества от традиционных, основанных на Православной Вере духовных и исторических начал русской жизни, активизация разрушительной для российской державы деятельности новых «вождей» и «пророков» из среды обезбоженной революционной интеллигенции. В этой

обстановке в России стали появляться многочисленные общественно-политические организации, предлагавшие различные пути выхода страны из кризиса.

В их числе был право-монархический салон графини С. С. Игнатьевой, вдовы видного деятеля право-консервативного движения графа А. П. Игнатьева, убитого эсэром-террористом в 1906 г.

В 1905–1906 гг. этот салон ставил далеко идущие цели, связанные с объединением Черной сотни*. Постепенно из су-

* Словосочетание «черная сотня» вошло в русские летописи в XII в. В средневековой Руси общество делилось на два разряда лиц – «служилых людей» и «черных», или земских (людей земли). «Черными» были горожане и сельчане (свободные крестьяне), из которых формировались «черные сотни» (местные общества). В XVII в., в «смутное время», нижегородская черная сотня, собравшаяся вокруг Кузьмы Минина, спасла Москву и всю Россию от поляков и русских изменников. Ополченцы Кузьмы Минина *стояли за Дом Пресвятой Богородицы и православную христианскую веру, ополчались против разорителей земли Русской ради спасения веры отеческой и Отечества от погибели*. Черносотенное

губо политического салон превратился в религиозно-политическое собрание ведущих деятелей консервативного толка (иерархов Церкви, членов черносотенных организаций — по преимуществу из Союза Русского Народа, правых публицистов). Общее количество участников составляло несколько десятков человек. В «духовных беседах» у графини участвовал и епископ Серафим. Между ним и графиней сложились дружеские отношения, которые передались и детям. Например, сын графини А. А. Игнатьев был шафером на свадьбе Леониды, дочери Владыки Серафима.

Что же касается тематики бесед и участия в них Владыки Серафима, то об этом написал митрополит Евлогий (Георгиевский) в своей книге «Путь моей жизни»: «Был еще салон графини Игнатьевой.

движение выступило в начале XX в. под лозунгами защиты Российской империи и ее традиционных ценностей *«православия, самодержавия, народности»*. Стараниями либеральных и советских историков и публицистов сформулировано представление о «черной сотне» как о бандах деклассированных элементов, промышлявших погромами и убийствами.

Тут же еженедельно устраивались вечера с докладами и тоже велись разговоры на религиозные темы. Руководил беседами Преосвященный Серафим (Чичагов), который первый поднял вопрос об оживлении прихода; бывали епископ Вологодский, член Государственного Совета, епископ Саратовский Гермоген и другие. На этих вечерах обсуждалась современная церковная политика. Я побывал в семье графини Игнатьевой несколько раз...»⁶². Уместно также добавить, что имя Владыки Серафима, как активного участника собраний монархистов, вновь оказалось на слуху, когда он покинул Кишинев и обосновался на Тверской кафедре. Вскоре после Февральской революции 1917 г. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства занялась расследованием деятельности так называемого черного салона графини Игнатьевой и степени его влияния в высших правительственных кругах. Дело в том, что среди документов, отобранных при обыске на квартире графини Игнатьевой, оказалось 37 писем архиепископа Серафима, написанных им графине в период с 14 августа 1908 г.

по 3 ноября 1914 г. По заключению следователя В. М. Руднева, эти письма «не доказывали возможности какого-либо влияния на политику двора» и носили «характер обмена мнениями и личными впечатлениями» по поводу общего состояния дел в Кишиневской епархии и способов борьбы с «инородным влиянием», осложнявшим деятельность Союза Русского Народа (СРН) в этой епархии.

Что же привело епископа Серафима в «стан черносотенцев»? Почему он принял самое активное участие в такой монархической организации, как СРН?

Во-первых, программные декларации Союза находились в наибольшем созвучии с традиционными идеалами русской государственности, на которых был с детства воспитан Владыка Серафим.

Во-вторых, социальную базу Союза определяли не городские люмпены, а близкие святителю Серафиму по духу представители аристократии, русской национальной интеллигенции, научной и культурной элиты, высшего духовенства. Ведь ни у кого не повернется язык назвать «погромщиками-черносотенцами» выдающегося

химика Д. И. Менделеева, филолога-академика А. И. Соболевского, одного из корифеев ботанической науки академика В. Л. Комарова (впоследствии — президент Академии наук СССР), биолога и селекционера И. В. Мичурина, известного историка академика Н. П. Лихачева, знаменитого медика и практикующего врача профессора С. П. Боткина, художников В. М. Васнецова, Н. К. Рериха, М. В. Нестерова, К. Е. Маковского, великую актрису М. Г. Савину, замечательного музыканта, создателя первого в России оркестра народных инструментов В. В. Андреева, выдающегося книгоиздателя И. Д. Сытина, командира легендарного крейсера «Варяг» В. Ф. Руднева и многих других. А ведь они были членами СРН и активно участвовали в его деятельности. Членом Союза мог стать любой русский человек, разделявший его программу и плативший членские взносы. Это была открытая организация. В нее вступали купцы, ремесленники, кустари, мелкие служащие, казаки, наемные рабочие, крестьяне, которые записывались в СРН целыми селами особенно в губерниях, где был силен инородческий и иноверческий гнет.

В-третьих, следует подчеркнуть высочайший духовный уровень, отличавший это движение, возникшее в церковной ограде, то есть в тесном взаимодействии с Православной Церковью. Руководящую роль в СРН играли «маяк Православия» святой праведный Иоанн Кронштадтский, духовным сыном которого был епископ Серафим, будущие патриархи — Тихон (Белавин), Сергей (Страгородский) и Алексий (Симанский). Священники и архиереи нередко были руководителями отделов СРН и активными членами других монархических организаций.

Владыка Серафим был активным членом Русского Монархического Собрания. Он участвовал в деятельности интеллектуального штаба монархистов Москвы. В 1907–1909 гг. входил в состав Совета и позднее был избран одним из шести почетных членов этой старейшей национально-патриотической организации. В Орле, а затем в Молдавии он занимал посты почетного председателя местных отделов СРН, участвовал в Четвертом Всероссийском монархическом съезде в Москве весной 1907 г. На съезде присутствовало большое число

священнослужителей. 28 апреля 1907 г. около 20 из них (в основном из сельских приходов) провели пастырское собрание, на котором председательствовал Владыка Серафим.

Возможности воздействия духовенства на развитие политических событий в России епископ Серафим придавал важное значение. С трибуны Орловской городской думы он предостерегал против *«разрушительных действий вражеского духа»*, готового сокрушить ради своих преступных целей *«основные устои государства и народной нравственности»*.

Подчеркивая патриотическую роль, которую призван сыграть СРН, Владыка не исключал возможности проникновения в Союз «волков в овечьей шкуре», цель которых сеять вражду и распри, а иереи Церкви должны стоять за Веру, Царя и Отечество и учить этому своих пасомых.

Следует отметить, что активное участие епископа Серафима в монархическом движении едва не стоило ему жизни: на него было совершено покушение, но он чудом остался жив.

Кишиневская кафедра

Пребывание епископа Серафима в Орловской епархии оказалось не таким продолжительным, чтобы он мог полностью осуществить свои замыслы по возрождению в ней церковной жизни. Святейший Синод счел необходимым поручить Владыке Серафиму управление епархией, где церковные дела находились в еще более сложном положении, чем это было в Орловской ко времени его прибытия туда в феврале 1906 г. Не будет преувеличением сказать, что по исправлении дел в одном месте этот умелый и обладающий организаторским талантом священноначальник посылался налаживать дела в другие места.

16 сентября 1908 г. был принят указ Святейшего Синода о его назначении на Кишиневскую кафедру. Монархисты восприняли это назначение как ссылку, месть либерального лобби епископу Серафиму

за открытое участие в монархическом движении. Но Владыка Серафим после этого не порвал с монархистами, остался членом Совета Русского Монархического Собрания. Как один из самых авторитетных и активных участников монархического движения он был избран почетным председателем Московского Съезда Русских Людей (27 сентября—4 октября 1909 г.), на котором он возглавлял также отдел церковных вопросов, выступал с докладами о вероисповедных законопроектах и о православном приходе.

Состояние дел в Кишиневской епархии превзошло самые худшие ожидания владыки Серафима. *«Огорчаюсь южанами, как у них все церковное пало, обрядность пропала, пение... все исковеркано»*, — писал епископ Серафим в одном из своих посланий В. Т. Георгиевскому, известному историку древнерусского искусства. — *«Словом, не встречал нигде такой обстановки в России и стою в тупике, потому что выхода нет решительно никакого. Вторая беда — молдаване в селах не говорят по-русски, в монастырях — тоже, так что мне ездить по епархии все равно так же ужасно, как было на Кавказе»*⁶³.

*Преосвященный Серафим, епископ
Кишиневский и Хотинский, 1911 г.*

Но была и еще одна беда, о чем говорилось выше. Это — «инородное влияние» в епархии, которое, по словам Владыки Серафима, «в корне подтачивало» деятельность в этом крае СРН. Став епископом Кишиневским и Хотинским, Владыка сохранил активные связи с монархистами. Он, в частности, был почетным председателем Московского съезда монархистов, состоявшегося в Москве в сентябре-октябре 1909 г. На этом съезде он активно продвигал идею объединения всех монархистов России, был избран почетным членом аккерманского отдела СРН.

В Бессарабии позиции СРН были особенно сильны: отсюда родом были лидеры и вдохновители этой организации — Георгий Бутми, Владимир Пуришкевич, Павел Крушеван и Павел Крупенский. Последние двое были этническими молдаванами.

Находясь на Кишиневской кафедре, Владыка Серафим делал все, от него зависящее, чтобы направить деятельность членов Союза *«на мирную борьбу с распространявшимся злом в Отечестве, на защиту веры Православной, на объединение под сенью храмов»*⁶⁴.

Владыка Серафим в Кишиневе

Произнося 21 декабря 1908 г. проповедь во время освящения хоругвей, принесенных членами СРН в кафедральный собор Кишинева, Владыка Серафим ясно выразил свое понимание той политической деятельности, которую должна была вести эта самая влиятельная в Бессарабии общественно-политическая организация: *«Возлюбленные братья! Сердце мое всегда преисполняется радостным чувством, когда я вижу представителей "Союза Русского Народа", шествующих со священными хоругвями и направляющихся для молитвы в храмы... Ведь вы принесли сюда для благословения не мечи, необходимые для людей, готовящихся к брани и вражде, а свои священные хоругви для окропления и освящения! А что такое хоругвь?.. Это знамя Христовой победы..., знамя победы не мечом, а правдой и любовью»*⁶⁵. Следует подчеркнуть, что за время пребывания Владыки Серафима на Кишиневской кафедре в Бессарабии не было ни одного еврейского погрома.

В Кишиневе, как и в Орле, Владыка Серафим начал восстановление церковной жизни с возрождения активных приходов, занимающихся как церковными делами, так и благотворительностью:

организацией школ, библиотек, больниц, столовых. Запустение приходской жизни в Бессарабии сочеталось со стремлением приходского духовенства определять в выгодном для него направлении деятельность епархиального архиерея. *«Мой предшественник, — писал Владыка Серафим, — приучил бессарабское духовенство обходиться без архиерея, так что оно совершенно устроилось автономно, получило выборное начало, распоряжается соборно во всех учреждениях, и епископ только подписывает их желания и мысли, изложенные в журналах»*⁶⁶.

Указав представителям приходского духовенства, что не борьба за власть в епархиальном управлении, а окормление своей приходской паствы являлось их главным служением, епископ Серафим лично посещал практически все приходы своей епархии, вдохновляя своим архипастырским примером приходское духовенство, ограничивавшееся лишь исполнением треб и порой полностью потерявшее литургическое благочестие. С редкой энергией он заботился об укреплении строгого порядка, основанного на незыблемых основах Православия.

Проповеди Владыка Серафим считал самым главным и нужным делом. «Всем своим сердцем, всей теплотой своей веры, всей глубиной своего умудренного гражданским и духовным опытом разума он призывал свою паству к вере крепкой», «к просвещению юношества и любви к Отечеству», «к святости семьи», — писала в своих воспоминаниях о своем деде игумена Серафима (Черная), — «Надо верить во Христа, принять от Него истину, отдать ей все силы — умственные, нравственные и материальные, согласовать жизнь с верою или отказаться от разумного существования и бесцельно прозябать; так и делают многие в городах, обрекая себя на уныние, отчаяние и искание безнравственных развлечений»⁶⁷. Владыка Серафим видел в необходимости укрепления семьи единственный способ предотвратить неизбежность гибели в будущем не только государства, Церкви, но и народа.

«Проповедническая деятельность святого Серафима, как, впрочем, и все его архипастырское служение были обращены не только на обустройство церковной жизни, но и на преодоление тех разру-

шительных духовных и общественных со-
блазнов, которыми была исполнена россий-
ская действительность в начале XX в.»⁶⁸.

В своих проповедях святитель Сера-
фим говорил о сотворении человека Бо-
гом и о грехопадении наших прародите-
лей. По его мысли, *«искание Царства Божия
есть устройство в сердце своем жилища Свято-
го Духа»*. *«Но чтобы сердце могло найти путь
и достигнуть врат Царствия Божия, оно
должно быть чисто, свободно от страстей...
Такое очищенное, освященное сердце есть жи-
лище Духа Святого»*. *«Искание Царствия Бо-
жия, – наставлял Владыка Серафим, – не
есть удаление в пустыню или совершенное от-
речение от мира... оно учит достижению того,
чтобы дела мирские и земные не препятствова-
ли делу духовному и Небесному»*. Искание Цар-
ства Божия *«не препятствует заниматься,
без вреда для дела духовного, делами земными,
исполнением своих обязанностей по службе, в се-
мье, приобретением познания в науках и про-
славлением Отца Небесного в труде и благотво-
рениях. Христианская жизнь требует только,
чтобы впереди всех дел были поставлены забо-
ты о душе и будущей вечной жизни»*⁶⁹. Но вера
у всех неодинаковая, имеется несколько

родов ее и несколько степеней, а потому определение ее так затруднительно человеческими словами. *«Есть вера научающая, – говорил святитель Серафим, – иначе говоря, – от слышания (Рим. 10, 17) или вера от знания веры, когда она приходит от слышания Слова Божия или чтения Священного Писания. Зародыш ее развивается и совершенствуется, когда мы начинаем исполнять все, указанное Христом, Его заповеди и живем благочестиво. Есть вера от опыта, от сердца, даруемая Христом по благодати, когда человек, после всевозможных грехопадений, испытаний, бедствий и разочарований, приходит к покаянию и познанию истины»*⁷⁰. Степени веры также различны. *«Как наше тело проходит три возраста: юность, мужество и старость, так три возраста проходит и душа: начало веры, утверждение в ней и, наконец, – совершенство веры»*⁷¹.

Особенно почитал святитель Серафим Царицу Небесную. Он часто говорил об особой милости Божией Матери к земле Русской. Эта любовь являлась через многочисленные иконы Божией Матери на Святой Руси. Но росли наши грехи и беззакония: *«Божия Матерь отступила от нас,*

и скрылись Святые Чудотворные иконы Царицы Небесной, и пока не будет знамения от Святых Чудотворных икон Божией Матери, не поверю, что мы прощены. Но я верю, что такое время будет, и мы до него доживем»⁷².

В Кишиневе в 1911 г. был издан сборник слов и речей Преосвященного Серафима, произнесенных им в бытность его священником и архимандритом. Там же вышел и сборник его проповедей, бесед и речей, произнесенных им уже как епископом Кишиневским и Хотинским. Игуменья Серафима (Черная), внучка Преосвященного Серафима, писала: «Два эти сборника—большое наше духовное богатство, и они, несомненно, заслуживают внимания современного читателя».

В предисловии к сборнику его проповедей говорится: «Ввиду того, что Преосвященный большей частью говорил живым словом, без предварительного написания проповедей, то таковых сохранилось немного»⁷³. Да, святитель Серафим умело владел живым словом, говорил «не по бумажке». Но вряд ли кто мог догадываться о том, какой гигантский труд предшествовал появлению святителя перед пасомыми,

с какой тщательностью он готовился к выступлению с проповедью... В семейном архиве потомков Чичаговых имеются наброски (черновики) конспектов некоторых его проповедей, свидетельствующие о той высокой мере ответственности, с какой он подходил к выбору темы, составлению плана обращения к пасомым, нахождению понятных им формулировок. Все это, помноженное на его блестящее искусство оратора, делало его проповедь идущей к самому сердцу слушателя. Стремление дойти до сознания каждого пасомого отражалось также и в том, что Владыка Серафим не признавал общей исповеди и боролся с ней. Священник Валентин Свенцицкий в своей статье вспоминал, что Владыка Серафим написал против общей исповеди подробный доклад, в котором, между прочим, говорил: *«Никакой общей исповеди не существовало ни в древности, ни впоследствии, и нигде о ней не упоминается на протяжении всей истории Православной Церкви... Установление общей исповеди является явной заменой Новозаветного Таинства ветхозаветным обрядом... Одна молитва и одно сокрушение о грехах не составляют таинства, что проявляется*

Архиепископ Серафим (Чичагов), 1912 г.

естественным образом из глубины сердца, даже возникает помимо воли человека, а для таинства нужно явление сверхъестественное, воздействию на Дух Божественного»⁷⁴.

12 июня 1909 г. Владыка Серафим был в Тверской епархии, где присутствовал на торжественном восстановлении церковного почитания святой благоверной великой княгини Анны Кашинской, «истинной страдальцы и терпеливицы в жизни, защитницы Православия и молитвенницы пред Престолом Божиим за Россию и верующий русский народ».

Приняв деятельное участие в подготовке синодального указа о восстановлении почитания великой подвижницы Русской Православной Церкви, Владыка Серафим принял в дар от Тверской епархии икону святой Анны Кашинской с частицей ее мощей и перенес в Кишиневскую епархию в благословение православной Бессарабии и передал в дар Успенскому монастырю в Измаильской крепости.

К торжествам в связи с восстановлением почитания святой Анны Кашинской примешиваются и личные скорби Владыки Серафима. В 1910 г. умер его старший

брат Николай, генерал-лейтенант пограничной службы, участник русско-японской войны. Два других брата — Михаил и Александр — ушли из жизни еще раньше. 20 декабря 1908 г. ушел ко Господу святой праведный Иоанн Кронштадтский, который тридцать лет был духовным отцом святителя Серафима. *«При такой давней связи с ним мы уже понимали друг друга взглядами и намеками»*⁷⁵, — вспоминал Владыка Серафим. Пастырские наставления и молитвенное предстательство духовного отца Иоанна помогали Владыке Серафиму в его становлении как пастыря Русской Православной Церкви, усиливали его способность преодолевать многочисленные испытания и скорби.

Незадолго до его кончины Преосвященный Серафим встретился со своим духовником, который благословил его словами: *«Я могу спокойно умереть, зная, что ты и Преосвященный Гермоген будете продолжать мое дело, будете бороться за Православие, на что я вас благославляю»*⁷⁶. Какими бы тяжелыми ни были переживаемые епископом Серафимом скорби, он усилием воли умел преодолевать их внешнее воздействие.

Пережив потери близких ему людей и оказавшись почти в полном душевном одиночестве в окраинной епархии, святитель Серафим смог найти «новые духовные силы в активной молитвенно-литургической жизни, которая ознаменовала его появление в Кишиневской епархии и в которой особое место занимало почитание Гербовецкой чудотворной иконы Божией Матери»⁷⁷.

Святитель Серафим еженедельно читал акафист перед этой чудотворной иконой в кафедральном соборе, что стало привлекать в собор верующий народ из всех окрестных сел и городов. Он не только вызвал значительный подъем молитвенного воодушевления в своей пастве, но и обрел для себя столь недостававшие ему в это тяжелое время душевный покой и архиерейское вдохновение.

Епископ Серафим всегда проявлял интерес к духовной музыке.

Но в Кишиневе он нашел лишь исковерканное пение по устаревшим изданиям нот, что отрицательно влияло на весь строй богослужения, приводя к потере красоты уставной обрядности. Возможно,

*Архиепископ Серафим (за фисгармонией)
и Сергиевский Ю.В. (за пианино).
Кишинев, 1913 г.*

поэтому именно в тот период (1911–1916 гг.) он решил опубликовать свои духовно-музыкальные произведения, чтобы содействовать некоторому подъему уровня церковного пения в Кишиневе. Ему принадлежат 12 духовно-музыкальных сочинений. Хоровые литургические, вокальные и фортепианные сочинения Владыки Серафима связаны в единое целое. Их объединяет личность самого автора — мудрого пастыря, проповедника, все они несут нам его «музыкальное слово».

Интерес к музыке сопровождал его всю жизнь. Нередко он музицировал вместе с другими членами семьи. Один из эпизодов такого совместного исполнения вместе с зятем Ю. В. Сергиевским запечатлен на кишиневской фотографии того времени.

В 1912 г. служение епископа Серафима на Кишиневской кафедре подходило к концу. Однако духовно выразительное указание на место нового служения было дано святителю Серафиму раньше, когда 12 июня 1909 г. Владыка присутствовал на торжественном восстановлении церковного почитания святой благоверной великой княгини Анны Кашинской в Тверской

епархии. Созидательная деятельность святителя Серафима на Кишиневской кафедре не только привела к подлинному преображению этой епархии, но и получила самую высокую оценку как в Святейшем Синоде, так и у Государя. 16 мая 1912 г. он был возведен в сан архиепископа. И может быть наилучшей характеристикой содеянного епископом Серафимом в Кишиневской епархии явился Высочайший Указ Государя Николая II Святейшему Синоду от 16 мая 1912 г., обращенный к святителю Серафиму. «Святительское служение Ваше, отмеченное ревностью о духовно-нравственном развитии преемственно вверявшихся Вам паств, — говорилось в Высочайшем Указе, — ознаменовано особыми трудами по благоустройению Кишиневской епархии. Вашими заботами и попечением множатся в сей епархии церковные школы, усиливается проповедническая деятельность духовенства и возвышается религиозное просвещение православно-го населения Бессарабии. Особого внимания заслуживают труды Ваши по устройству в Кишиневе Епархиального дома и связанных с ним просветительских

и благотворительных учреждений. В изъятие Монаршего благоволения к такому заслугам Вашим Я... признал справедливым возвести Вас в сан Архиепископа. Поручая Себя молитвам Вашим, пребываю к Вам благосклонным. Николай»⁷⁸.

В течение семи лет своего служения в Бессарабии епископ Серафим вел неустанную борьбу с «иннокентьевщиной» — околорасправославной антицерковной сектой. Суровому державнику, каким был епископ Кишиневский Серафим, противостоял энергичный и своенравный крестьянский «батька» иеромонах Иннокентий, чьи проповеди на молдавском языке призывали его приверженцев обособляться от официальной Церкви и, равняясь на первохристиан, уходить в катакомбы.

Для борьбы с распространением учения религиозной секты «иннокентьевцев» Владыка Серафим пытался организовать контрпропаганду на молдавском языке. Епископ Серафим был непримиримым противником румынизации Бессарабской Церкви и преподавания на литературном румынском языке. С именем Владыки связаны попытки утвердить идею существования

самостоятельного молдавского языка и как следствие — отдельной молдавской национальной идентичности, отличной от румынской. Он был едва ли не первым, кто предложил считать язык Бессарабии и запрутский румынский язык совершенно разными языками. Молдавский язык следовало всячески оберегать от попыток румынизации и, более того, постепенно русифицировать. Владыка Серафим добивался того, чтобы религиозные воззвания обязательно печатались на локальном диалекте с использованием норм русской орфографии; понятия, отсутствовавшие в говоре крестьян, следовало заменять русскими, но не брать из литературного румынского языка. Борьба за души паствы на геополитическом стыке рядом с Румынией и Австро-Венгрией не была вопросом сугубо церковным. Речь шла о лояльности местного населения к российской короне. Верх в этом противостоянии взял Владыка Серафим. Отстаивая сохранение «чистого молдавского языка» в богослужении, он решительно выступал против распространения «культурного румынского языка», которому, по его мнению, обучали молдаван сепаратисты.

Служение архиепископа Серафима на Кишиневской кафедре совпало с празднованием столетнего юбилея присоединения Бессарабии к Российской империи. О том, что «благословенная Бессарабия» никогда не была чужда самому Владыке Серафиму, он говорил еще при вступлении в управление Кишиневской епархией 18 октября 1908 г. *«Вверенная моему водительству и попечению Бессарабская Церковь, по особому промыслу Божию, была по присоединении края к России, утверждаема в царствование Императора Александра I моим дедом, главнокомандующим Дунайской армией адмиралом Чичаговым.* Он принял от Турции Бессара-*

* Адмирал Павел Васильевич Чичагов имел непосредственное отношение к событиям столетней давности. Он был назначен командующим Дунайской армией (вместо М.И. Кутузова), главным начальником Черноморского флота и верховным правителем Молдавии и Валахии. Существует версия, что получив известия о назначении Чичагова, Кутузов, дабы не упустить лавры миротворца, пошел на значительные уступки, форсировал подписание 16 мая 1812 г. с Турцией мирного Бухарестского договора, по которому Россия приобрела

бую, присоединенную по Бухарестскому миру, водружал кресты взамен турецкого полумесяца, вводил новое управление страной»⁷⁹.

Организаторы празднования свято верили в то, что столетие нахождения в составе России оказалось благом для всех народов Бессарабии, и стремились придать торжествам всеобщий характер. Но несмотря на желание властей привлечь молдаван к торжеству, последние отнеслись к празднованиям прохладно.

Пребывание на Кишиневской кафедре было отмечено для Владыки Серафима также участием в весьма драматических событиях в Оптиной пустыни. Много скорбей пришлось претерпеть Владыке в связи с расколом, происшедшем в Оптиной пустыни во времена игуменства старца Варсонофия (Плеханкова), скитоначальника Иоанно-Предтеченского скита. Причина раскола состояла в том, что некоторые монахи добивались упразднения старчества. Игумен Варсонофий усмирил «бунтарей»

лишь Бессарабию с крепостями Хотин, Бендеры, Аккерман, Килия и Измаил, хотя уже давно занимала всю Румынию до Дуная.

и удалил зачинщиков из монастыря. Последние послали жалобу в Святейший Синод. Синод назначил ревизию.

Архиепископу Серафиму, как знатоку и ревнителю традиций монашеской жизни, Святейшим Синодом было поручено провести расследование нарушений монашеского благочиния*. А между тем в петербургских салонах, куда был вхож Владыка Серафим, стали распространяться

* Выскажем предположение: решение Святейшего Синода поручить Владыке Серафиму такое расследование могло быть вызвано также и сходством их «линий жизни». Как и епископ Серафим, о. Варсонофий (в миру Павел Иванович Плеханков) был военным, дослужился до полковника. После встречи в 1889 г. с праведным Иоанном Кронштадтским 44-х летний полковник Плеханков два года жил в миру, выполняя послушание старца Амвросия из Оптиной пустыни. А в 1891 г. он подал в отставку с военной службы, переехал в Оптину и был определен в скит на келейное послушание. В 1900 г. – постриг с именем Варсонофий, рукоположение во иеромонаха, окормление скитской братии, часть которой завидует «духовному возрастанию» и «полезной деятельности» о. Варсонофия.

нелепые слухи, извращавшие действительное положение дел. Одни говорили, что в Оптину приезжала некая Мария Михайловна Булгак — из петербургского религиозно-политического салона графини Игнатьевой. Она с неприязнью относилась к о. Варсонофию и собрала против него все «обвинения», какие только можно было измыслить. Она утверждала, что «батюшка вольнодумен», что он «любит роскошь, ибо украшает свою келью цветами», что он «вольно обращается с женщинами», «плохо управляет скитским имуществом», «берет себе деньги с богомольцев».

Есть сведения и о том, что в Оптину пустынь приезжала и сама графиня Игнатьева, которая встречалась с о. Варсонофием и, вернувшись в Петербург, доложила членам Святейшего Синода о впечатлениях отнюдь не в пользу о. Варсонофия.

Прибыв в Оптину пустынь 30 декабря 1911 г. и отслужив воскресную Литургию в монастырском храме, Владыка Серафим целый день провел в Иоанно-Предтеченском скиту в общении со старцем Варсофием. Он также ознакомился с описанием событий в скиту, составленным одним

из наиболее близких старцу Варсонофию его духовных чад о. Василием Шустиным. Досконально разобравшись во всем, что произошло в Оптиной пустыни, Владыка Серафим подготовил для Святейшего Синода доклад, обобщавший итоги расследования с указанием истинных виновников травли старца Варсонофия. Весной 1912 г. Святейшим Синодом был принят синодальный указ — о монастырской жизни в Оптиной пустыни с учетом рекомендаций архиепископа Серафима. Указом, в частности, не допускалось постоянное проживание в стенах монастыря мирян, даже если они имели своими духовниками оптинских старцев. Религиозный писатель С. А. Нилус, вынужденный в связи с синодальным указом покинуть монастырь, был склонен упрекать в излишней жестокости святителя Серафима, указавшего С. А. Нилусу на недопустимость его проживания в Оптиной пустыни. *

* Неприязненное отношение Нилуса к Владыке Серафиму имело свою историю. Дело в том, что Нилус, имевшего тесные связи с всесильным обер-прокурором Святейшего Синода Победоносцевым, прочили в духовники императора,

Находились «доброхоты», которые сетовали на то, что Владыка Серафим, сам переживший немало скорбей в своей жизни, будто бы «разгромил скит» и «изгнал» настоятеля и скитоначальника о. Варсонофия. В действительности, все было с точностью наоборот. Следует подчеркнуть, что, оставаясь всю жизнь истинным ревнителем веры, Владыка Серафим взыскательно относился к тем, кто православной вере служит, и не допускал никаких компромиссов в деле защиты тех, кто оказывался объектом клеветы — наветов или

чему должна была способствовать его женитьба на фрейлене императрицы Е. Озеровой. Чтобы усилить свои шансы и стать духовником, он подключился в 1903 г. к работе по сбору свидетельств, необходимых для канонизации Саровского подвижника. Нилус выпустил поспешно составленную книгу «Великое в малом» о Серафиме Саровском с воспоминаниями его современников, стремясь оттеснить архимандрита Серафима (Чичагова), который к тому времени опубликовал вторым изданием свою «Летопись Серафимодивеевского монастыря», послужившую основанием для канонизации преподобного старца.

необоснованных обвинений. Его не смущало то обстоятельство, что его выступления в защиту чести и достоинства других могли порой умножать число его недоброжелателей.

Выяснив безосновательность обвинений, возводившихся на старца Варсонофия его недоброжелателями и высоко оценив духовный опыт оптинского скитона начальника, святитель Серафим стал убеждать старца принять настоятельство в одном из крупных монастырей, духовная жизнь в котором требовала руководства опытного наставника. Отец Варсонофий согласился. Благодаря стараниям Владыки Серафима старец Варсонофий вскоре был возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Старо-Голутвина монастыря в Московской епархии.

Венцом добрых деяний епископа Серафима в Кишиневе явился ремонт Христо-Рождественского кафедрального собора, заверченный к 1914 г. На воззвание архипастыря поддержать начатое им дело по обновлению *«драгоценного памятника народного»* откликнулись множество частных лиц, духовных и светских, монастыри,

кишиневская городская дума. Над обветшавшим куполом был устроен новый чехол, художественно покрытый алюминием, кресты позолочены. Внутреннее пространство собора расширилось в результате переноса клиросов и устройства хоров над входом у западной стены, а также снятия железных решеток и плит над погребением архиепископов Кишиневских Димитрия и Антония и греческого митрополита Иринопольского Григория. Почти вся соборная утварь была заменена, пол вымощен разноцветными метлахскими плитками, а в алтаре паркетом. Стены и купол внутри были расписаны по образцу киевского Владимирского собора председателем Иконописного общества художником Зариным и его учениками. В центре молдавской столицы памятником Святителю Серафиму навсегда остался отреставрированный им Кафедральный Собор Рождества Христова.

Годы служения святителя Серафима на Кишиневской кафедре были отмечены награждением его орденами Святой Анны I степени и Святого Владимира II степени.

В 1913 г. состоялось празднование 300-летия царствующего Дома Романовых, которое представлялось как «событие чрезвычайной важности, переживаемое русским народом в единении с Царской семьей». Наряду с благотворительными акциями по предоставлению льгот малоимущим, амнистированию тысяч заключенных, снятию задолженностей с мелких предпринимателей и землевладельцев, награждениями юбилейной медалью и так далее было решено ознаменовать этот юбилей особым богослужением во всех российских храмах, для чего были отпущены значительные средства на приобретение церковных облачений. Владыка Серафим, как ревностный сторонник монархии, разумеется, принял активное участие в этих торжествах.

Одним из примеров такого участия было освящение архиепископом Серафимом в 1913 г. храма при Воскресенском кафедральном соборе, заложенном в Твери в честь 300-летия Дома Романовых. На освящении присутствовали великая княгиня Елизавета Федоровна, великие князья и обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер.

*Священномученик митрополит Серафим (Чичагов).
Икона XX в.*

*Преподобный Серафим Саровский, молящийся
на камне. Образ письма архимандрита Серафима
(Чичагова). Оригинал иконы находится
в московском храме Илии Обыденного*

*Спаситель в белом хитоне.
Икона письма архимандрита Серафима
(Чичагова), XX в.*

*Святитель Серафим преподносит
«Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря»
Государю Императору Николаю II
и просит о канонизации преподобного
Серафима Саровского. Икона написана в 2003 г.
для храма Илии Обыденного*

Киот с иконой священномученика Серафима (Чичагова) и архиепископа Иллариона (Троицкого) и палица из облачения Владыки Серафима, отданного для погребения Владыки Иллариона в 1929 г. Архиепископ Илларион изображен со свитком со словами: «Без Церкви нет спасения»

*Святейший Патриарх Московский и всея Руси
Алексий II во время прославления священномученика
митрополита Серафима.*

Храм Христа Спасителя. 23 февраля 1997 г.

*Игуменья Серафима с иконами преподобной Елены
(Девочкиной) и священномученика митрополита
Серафима. Август 1999 г.*

Собор святых земли Дивеевской. В первом ряду справа преподобный Серафим Саровский и священномученик митрополит Серафим (Чичагов)

*Икона священномученика митрополита Серафима
(Чичагова) и преподобномученицы великой княгини
Елисаветы Феодоровны Романовой*

*Священномученик митрополит Серафим (Чичагов).
Икона XX в.*

*Образ митрополита Серафима (Чичагова)
с созданными им иконами (из церкви Воскресения
Христового и Новомучеников и Исповедников
Российских в Бутово), XX в.*

*Образ святого митрополита Серафима (Чичагова),
написанный монахиней женского монастыря
Соколица (р-н Косовской Митровицы) Антониной,
2000 г.*

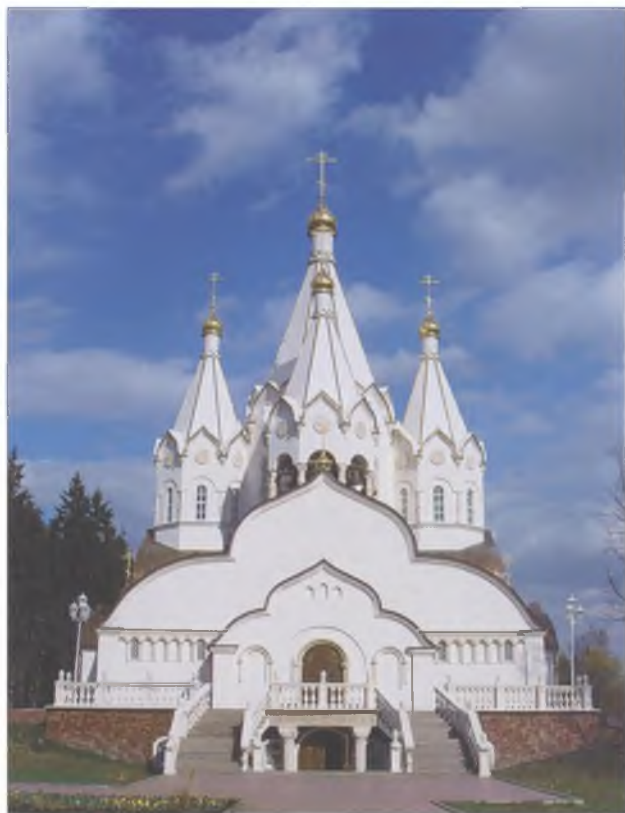
*Три Серафима: святой преподобный Серафим,
Саровский чудотворец, священномученик
митрополит Серафим (Чичагов) и преподобный
Серафим (Вырицкий). Икона XX в.*

*Храмовый образ «Собор святых Новомучеников
и Исповедников Российских, в Бутово пострадавших»,
2007 г.*

*Икона «Собор Новомучеников и Исповедников
Российских, пострадавших за Христа в трагическом
XX в.». Написана к прославлению их на Юбилейном
Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви
13–16 августа 2000 г. по благословению митрополита
Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя
Синодальной Комиссии по канонизации святых*

*Церковь Воскресения Христова и Новомучеников
и Исповедников Российских в Бутове, XX в.
(Фото А.В. Князева)*

Следует, однако, отметить, что проходившие в 1913 г. торжества не могли заслонить от внимательного наблюдателя отрицательных явлений в общественной жизни России, в частности, в церковной жизни. В триаде «православие, самодержавие, народность» все три составляющих представлялись как бы равными. А в действительности, это было совсем не так. Со времен царя Петра I Русская Церковь была во многом лишена самостоятельности. Она была превращена в одно из государственных учреждений, во главе которого стоял царь. Степень закабаления Церкви государством была такой, что у нее в дореволюционные годы не было никакой возможности что-либо сказать.

Отсутствие единства в самой Церкви, отрыв иерархов от клира и паствы, преобладание административных методов в управлении Церковью над духовными, отсутствие обратной связи с приходами — все это вело к падению авторитета Церкви среди широких слоев населения и снижению степени влияния духовенства, в среде которого обозначились различные течения — от охранительных до призывающих

к обновлению Церкви. Владыка Серафим понимал, что ослабление позиций Церкви делает невозможным ее выступление в качестве консолидирующей силы нации в период грядущих потрясений.

В этих условиях необходимость решения всего круга проблем, связанных с оживлением приходской жизни, преодолением разобщенности между частью епископата и белого духовенства становилась весьма актуальной, а опыт Владыки Серафима в этой области — особенно востребованным.

Архиепископ Тверской и Кашинский. Испытания войной и гражданской смутой

С 20 марта 1914 г. Владыка Серафим — архиепископ Тверской и Кашинский. В том же году ему было присвоено право ношения креста на клобуке.

Положение в церковной жизни Тверской епархии обстояло сравнительно лучше, чем в тех епархиях, в которых Владыке Серафиму приходилось служить раньше. Поэтому важный опыт возрождения приходской жизни, который Владыка приобрел в течение предшествующих лет епископского служения, мог быть реализован в Тверской епархии во всей полноте, тем более, что принятое в 1914 г. Святейшим Синодом положение о новом приходском уставе во многом соответствовало основным представлениям архиепископа Серафима о развитии приходской жизни. Обобщив опыт своего служения в Орле и Кишиневе, архиепископ Серафим составил «Обращение» к духовенству Тверской

епархии «по вопросу о возрождении приходской жизни». Это было послание, напоминавшее по глубине содержания сочинение по пастырскому богословию, в котором он обстоятельно изложил основы своей дальнейшей архипастырской деятельности. «Обращение» состояло из следующих разделов:

«Возрождение приходов в зависимости от возрождения пастырства», «Возрождение приходов без деятельного участия епископов невозможно», «Затруднения, которые находит духовенство при возрождении приходов. Борьба с пьянством и общества трезвости», «Основные понятия и положения о приходе. Примечания», «Программа подготовительных действий пастырей для возрождения прихода», «Могут ли участвовать в приходских советах женщины?», «Инструкция для пастырских собраний», «Окружные благочиннические пастырские собрания», «Уездные пастырские собрания», «Заключение».

В «Обращении» подробно рассматриваются все стороны приходской жизни и пути ее оживления. По мнению Владыки Серафима, *«для возрождения приходской*

*Леонид Михайлович Чичагов (Владыка
Серафим) с дочерью Екатериной и внучками –
Наташей и Надей. Тверь, 1915 г.*

жизни необходимо вернуться к церковно-общественной жизни древнерусского прихода, чтобы приходская община занималась единодушно не только просвещением, благотворительностью, миссионерством, но и нравственностью своих сочленов, восстановлением прав старших над младшими, родителей над детьми, воспитанием и руководством молодого поколения, утверждением христианских и православных установлений...»⁸⁰. Для возрождения пастырства и приходской жизни требуется прежде всего объединение пастырей с пасомыми. Этому могут способствовать пастырские собрания и съезды.

Глубоко убежденный в том, что все церковные преобразования должны начинаться с преобразования пастырского облика церковнослужителей, архиепископ Серафим подчеркивал в своем послании значение ответственности приходского духовенства в деле возрождения приходских общин: *«Насколько возрождение приходов требует улучшения нравственности народной, настолько оно – в зависимости от возрождения пастырства. Прежде всего эта реформа состоит в возрождении сознания, духа и деятельности в пастырях, без которых*

не может проникнуть в жизнь прихожан ничего истинного, духовного, благодатного и нравственного»⁸¹.

Не только хорошо знавший как архипастырь, но и непосредственно переживший как приходской священник социальную приниженность духовенства, Владыка Серафим всегда стремился пробудить в священстве то чувство собственного достоинства, которое он воспринял с детских лет благодаря своему подлинно аристократическому воспитанию, и без этого чувства достоинства духовенство, по его мнению, было обречено находиться на обочине не только общественной, но и приходской жизни. *«Обидно слышать, что в пастырях скрывается такое несправедливое чувство, будто бы бедность и приниженность духовенства, презрение к нему общества... заглушает в священнике благородные чувства. Никогда с этим не соглашусь... Общество презирует только недостойных. Надо же, наконец, понять, что общество, народ нуждается в нас, ищет хороших пастырей, скорбит, когда не находит, и вправе же оно требовать, чтобы духовенство было духовно. А если оно не духовно, то, разумеется, никому не нужно... Во избежание печальной*

возможности стать отверженниками мира мы должны проститься с нашей ленью, апатией и равнодушием, начать интересоваться назревшими вопросами времени, должны чутко прислушиваться к ним, освещать яркими лучами Христова учения и в этом освещении удовлетворять естественной пытливости наших прихожан, ожидающих от нас авторитетного руководства в духовной жизни»⁸².

Ставший авторитетным православным богословом благодаря своему постоянно углублявшемуся богословскому самообразованию и в то же время как правящий архиерей руководивший несколькими епархиальными семинариями, он прекрасно знал, что схоластическая рутин провинциальных духовных семинарий нередко препятствует формированию в них подлинно православных пастырей. Владыка Серафим подчеркивал, что «*путь самообразования, широкого развития своих духовных сил и способностей чтением книг религиозно-нравственного содержания, приобретения в нашем звании духовной опытности и зрелости, – этот путь ни для кого не закрыт*»⁸³.

Архиепископ Серафим не разделял бытующего среди мыслящего духовенства

предрассудка, что священник должен выступать в своей приходской общине лишь как религиозный просветитель и организатор приходской благотворительности. Владыка Серафим полагал в основу служения приходского священника молитвенно-евхаристическую жизнь: *«высшая академия для пастыря – это угол, в котором висит икона и теплится лампада. В беседе с Богом научится пастырь непреложным истинам и правде как о настоящей, так и будущей жизни»*⁸⁴.

В «Обращении» архиепископ Серафим поднимал не только вопросы организации церковно-приходской службы. Особую роль в организации благотворительной деятельности архиепископ Серафим отводил женщинам-прихожанкам. *«В древности...», — писал он, — существовал институт диаконисс. Они смотрели за порядком в храме на женской половине, учили детей молиться Богу, раздавали милостыню, ходили по приходу, навещали больных, утешали скорбящих и т. п. И теперь для женщин – открытое широкое поле благотворительной деятельности не только во время войны и народных бедствий, но и в мирное время по городам и особенно – весям России»*⁸⁵. Владыка Серафим предложил пастырям

разделить свой приход на несколько участков, поручив каждый смотрению отдельного лица из членов приходского совета или миссионерского кружка. Это «смотрение» отчасти напоминало обязанности древних диаконисс и состояло в том, чтобы *«не полениться дойти или доехать до священника и вовремя сообщить ему о несчастье, нужде или скорби его прихожанина»*⁸⁶. Особо указывал Владыка Серафим на необходимость помочь беде крестьянина в случае падежа скота, *«хотя бы пришлось для этого обратиться заимообразно к церковному ящику»*⁸⁷. По его мнению, со временем церковный ящик должен стать *«народным банком для крестьян»*⁸⁸, как это было в старину. Также архиепископ Серафим разрешил завести «кружку» – специально для сбора средств на благотворительную деятельность, *«которую обносить во время всех богослужений и брать с собой при обходах прихода в большие праздники»*⁸⁹. Зная, что большинство прихожан имеет небольшой достаток и ограничены в выборе лечебных средств, он говорил о необходимости создания аптек первой медицинской помощи из простых средств или гомеопатических аптек.

Священникам предлагалось использовать каждый удобный случай, чтобы обратиться к народу с церковного амвона с просьбой о помощи тому или иному пострадавшему, предоставив прихожанам самим определять способ и размеры этой помощи.

При этом Владыка Серафим особо подчеркивал важную роль правящего архиерея, который должен нести основное бремя трудов по восстановлению как епархиальной, так и приходской жизни, служить примером выполнения своих пастырских обязанностей. *«Если последний не объединится со своими помощниками-пастырями, то они не объединятся между собой и прихожанами; если епископ не проникнется этой идеей возрождения прихода, не будет сам беседовать во время объезда епархии с пастырями, давать им подробные практические указания, не станет с полным самоотвержением переписываться с недоумевающими священниками, сыновне вопрошающими архипастыря в своих затруднениях... оживление не произойдет и новое жизненное начало не проникнет в наши омертвелые общины»⁹⁰*. Данная святителем Серафимом характеристика

обязанностей правящего архиерея отражает его собственное отношение к архипастырской деятельности на всем протяжении его собственного служения.

«Духовенство, — говорил Владыка Серафим, — вначале находило дело возрождения приходов трудноосуществимым по разным причинам, и главным образом из-за зависимости пастырей от прихожан: отсутствия жалования и необходимости ходить за сборами по приходу. Они с глубокой скорбью и оскорбленным чувством передавали свои страдания, как они находятся также в плену у местных кулаков (богатеев. — Авт.), с которыми непосильно им бороться. Пастырская ревность заставляет вступить за своих духовных детей, обижаемых кулаком, местным земледельцем или торговцем, но с этим чувством борется сознание о собственной нужде и о требованиях семьи, и что если он скажет этому кулаку хоть слово упрека или обличения, то лишится трех рублей за молебен на праздник. Вот главное препятствие для возрождения приходов!.. Признайтесь же, господа, что эти бедные сельские пастыри — истинные герои русского народа, что они истинные мученики, которые в настоящее тревожное время терпят не только нужду,

но выдерживают на себе главный натиск революции, выносят первыми все оскорбления, разорения и издевательства... Но пастыри... продолжают работать, делают великое, культурное, творческое, народное и духовное дело в глуши. Необходимо позаботиться об обеспечении духовенства и школы. Духовная крепость государства вся покоится на Церкви и духовенстве»⁹¹.

В числе других препятствий к возрождению жизни приходов архиепископ Серафим называл отвлечение верующих от посещения храмов в результате проведения базаров и волостных судов в дни церковных праздников, беспорядочное распределение приходов в городах, что мешает единению пастырей с пасомыми, извращение понятия благотворительности, когда добровольные пожертвования подменяются принудительным обложением, и, наконец, «стихийно развивающееся в России пьянство» и «тайную продажу вина», ставшего «легким и выгодным предметом торговли». Важный опыт возрождения приходской жизни, приобретенный Владыкой Серафимом за время его пребывания на Орловской

и Кишиневской кафедрах, находился в полном созвучии с основными положениями нового приходского устава, принятого Святейшим Синодом в 1914 г. Составленное им обращение к епархиальному духовенству «О возрождении приходской жизни» по существу являлось наставлением архипастырям и пастырям по всем насущным вопросам приходской жизни и не потеряло своей актуальности в наше многотрудное время. Пророчески звучат сейчас сказанные Преосвященным Серафимом слова о том, что *«годины тяжких испытаний требуют трезвого умственного труда, духовного подъема и величайшего проявления любви к Родине, чтобы бороться со всеми ухищрениями врагов России и отстоять права и интересы своего государства, и поэтому с особой осторожностью надо переживать такое время, исправляясь во всех недостатках и призывая себе в молитвах помощь Божию»*⁹².

Предвестием испытаний в период гражданской смуты для святителя Серафима так же, как и для всей России, стала начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война, на которую Владыка Серафим отозвался не только как архипастырь, умевший

облегчать скорби людей, пострадавших от войны, но и как бывший русский офицер, хорошо сознававший нужды русских воинов, защищавших свое Отечество в тяжелейших условиях кровопролитнейшей из всех войн, известных тогда человечеству. Проповеди архиепископа Серафима — это пламенные призывы к стойкости и одновременно к милосердию, к сборам пожертвований для раненых и увечных воинов. Он вдохновенно молится о победе русской армии, участвует в мероприятиях по организации помощи беженцам и по оснащению необходимыми средствами госпиталей и санитарных поездов. Обращаясь к епархиальному клиру, Владыка Серафим призывал священников вступать в ряды военного духовенства и отказаться от практики освобождения псаломщиков от воинской службы. Он осуждал тех священников, которые пытались устроить своих детей на вакантные места в церквях, чтобы избежать службы в армии, и благословил поповичей отправляться на фронт. Преосвященный Серафим стремился всеми доступными ему средствами поддержать моральный дух народа,

*Архиепископ Серафим с дочерью Екатериной
и ее мужем, Юрием Владимировичем
Сергиевским. Тверь, 1916 г.*

обескураженного поражениями и потерями русской армии на русско-германском фронте. Например, он организовал в Воскресенском кафедральном соборе в Твери выступление церковного хора под управлением регента А. В. Александрова, выпускника Санкт-Петербургской консерватории и регентских классов Придворной певческой капеллы*. Программа выступления хора — песни на патриотические темы. Таков далеко не полный перечень деяний святителя Серафима в течение всего периода войны.

«История России полна народными скорбями и болезнями, — писал святитель. — Кто только из соседних народов не пытался завоевать ее области и принудить переменить Православную веру, которую русский народ воспринял непоколебимо вместе с Божией Матерью

* Кстати, это тот самый А. В. Александров, который был в советское время организатором красноармейского ансамбля песни и пляски (ныне прославленного Дважды Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии его имени) и был автором музыки Государственного Гимна СССР, а затем — и Российской Федерации.

и рожденным Ее Сыном, как дыхание жизни, в твердом сознании, что Православие – есть Единая Истинная, Вселенская вера и Церковь ее – Единая Христова. Все эти попытки встретили не только дружный, но прямо чудесный отпор со стороны русского народа»⁹³.

Годы войны и связанные с ними потери и лишения явились тяжелым испытанием для России и ее народа. Вместе с народом бремя испытаний и потерь несли и Чичаговы. Муж старшей дочери Веры офицер Григорий Коврига погиб на фронте, оставив ее одну с малолетним сыном. Работа медсестрой на фронтах Первой мировой и Гражданской войн и в послевоенные годы стала профессией дочери Наталии. Муж дочери Леонида Василий фон Резон ушел добровольцем на фронт, был ранен, вернулся на передовую и пропал без вести. Сама Леонида, на попечении которой были две малолетних дочери, начала работать медсестрой в лазарете. Помощь раненым и больным стала главным делом ее жизни в Первую мировую, Гражданскую, Великую Отечественную войны и в послевоенные годы.

Рассуждая о смысле страданий, как не вспомнить слова святителя Серафима,

который говорил: *«Праведники терпят бедствия для их испытания, а грешники – в наказание за свои грехи»*⁹⁴.

Бремя испытаний и потерь Чичаговы всегда несли с достоинством и честью, видя перед собой вдохновенный пример того, как преодолевал испытания жизни их отец.

В годы Первой мировой войны связь святителя Серафима с Царским Селом продолжалась. Его не могла не волновать роль знаменитого «старца» Распутина, который не ограничивался влиянием на царицу, но и старался вникать как в государственные, так и в церковные дела. В журнале «Былое» были напечатаны секретные донесения полиции о беседах архиепископа Серафима с Распутиным. Из них видно, что Владыка Серафим упрекал Распутина за гонения на епископа Гермогена. *«За хулу на епископа Бог не простит»*, — сказал он «сибирскому мужичку»⁹⁵.

Со скорбью воспринимал Преосвященный Серафим войну.

Как бывший военный, он хорошо знал состояние русской армии на фронте и на строении в тылу. Но больше всего он

*Василий и Леонида фон-Резон
перед отъездом на фронт, 1914 г.*

опасался, что эта война со всеми ее проблемами может усугубить внутреннее положение страны, которое подорвет основы Православно-монархической государственности в России. Без этого Владыке Серафиму тогда казалось немислимым дальнейшее существование не только Российской державы, но и Русской Православной Церкви.

Так оно и вышло.

Наступил 1917 год — начало страдальческого крестного пути Русской Православной Церкви. В разгар событий февральской революции архиепископ Серафим был в Санкт-Петербурге. Когда в мартовские дни 1917 года отречение Государя поставило под вопрос само дальнейшее сохранение монархии в России, а Святейший Синод счел необходимым поддержать Временное правительство как единственный законный орган верховной власти в стране, архиепископ Серафим, продолжая подчиняться высшим церковной и государственной властям, не стал скрывать своего отрицательного отношения к тому, что происходит в его родном Отечестве. В одной из своих проповедей Владыка

Серафим говорил: *«Какая-то Дума, какие-то съезды и совещания вместе с крамольнической печатью домогаются переустройства нашего государства. Дерзают выносить какие-то резолюции с требованием ответственного министерства, о призыве к власти пользующихся доверием общественных деятелей. Знайте, что этого никогда не будет. Мы, пастыри церкви, выйдем на борьбу с этой изменой старому строю и в этой борьбе не убоимся даже мученичества»*⁹⁶. Владыка Серафим стал одним из тех членов Синода, кто не поддержал Временное правительство, за что его пытались незаконно уволить «на покой». Эта его позиция в сочетании с его репутацией правого монархиста привлекла к нему внимание обер-прокурора Временного правительства князя В. Н. Львова, который позволял себе вмешиваться в дела Святейшего Синода, требуя удаления с епископских кафедр нелояльных по отношению к власти иерархов.

Особого драматизма были исполнены 1917–1918 г., два последних года служения Владыки Серафима в Твери.

События в Тверской губернии в период между февралем и октябрём 1917 г.

происходили под знаком активизации внецерковных сил в церковной ограде. В условиях, когда Церковь не могла стать консолидирующей силой общества, возникла необходимость выработки новых форм взаимодействия церковно-общественного и епархиального управления, включая взаимоотношения епископа и мирян. Управляющего архиерея было много административных рычагов, позволявших ему принимать решения по своему усмотрению. Поэтому Святейший Синод после февраля 1917 г. принял ряд «Временных положений» о приходе, о епархиальном управлении, о выборах духовенства и епископа.

Владыка Серафим всегда считал особенно важной роль правящего архиерея, который должен был нести основное бремя трудов по восстановлению как епархиальной, так и приходской жизни, служить примером выполнения своих пастырских обязанностей. Самоотверженное служение и строгая требовательность в отношении подчиненного Владыке приходского духовенства не раз были причинами тяжелых испытаний, с которыми Владыке Серафиму пришлось столкнуться в процессе

своей архипастырской деятельности в период революционных потрясений на тверской земле. Следует признать, что его требовательность вызывала негативную реакцию со стороны части местного приходского духовенства в Твери. Но это не останавливало Владыку Серафима, если он находил достаточно оснований для отстранения от должности тех, кто нерадиво относился к своим обязанностям. Так, например, он поступил со своим помощником викарием Арсением (Смоленицем), который в конечном итоге был отправлен в Екатеринославль.

В апреле 1917 г. по инициативе оберпрокурора Львова и с благословения Русской Православной Церкви стали происходить епархиальные съезды, которые должны были рассматривать вопросы подготовки созыва Поместного собора. Главной их задачей было переизбрание епископов и всего епархиального духовенства, упразднение Консистории с заменой ее Епархиальным советом. Архиепископ Серафим разработал регламент и программу подобного съезда для Тверской епархии. Но противники Владыки Серафима

на епархиальном съезде развернули против него яростную агитацию. Тверской Епархиальный съезд проводился с грубыми нарушениями разработанных архиепископом Серафимом программы и процедуры съезда.

В донесении Святейшему Правительствующему Синоду Преосвященный Серафим следующим образом описал ситуацию, сложившуюся вокруг съезда и на самом съезде:

«В день моего возвращения в Тверь из Петрограда после переворота я созвал пастырское собрание для обсуждения создавшегося положения, а на следующий вечер собрал заседание всего духовенства с церковными старостами, на котором и было определено созвать экстренный Епархиальный съезд 20-го апреля... Затем, дабы пойти навстречу современным, очень резким требованиям, я сделал распоряжение о производстве новых выборов: благочинных, помощников их, членов благочиннических советов и духовных следователей.

Однако мое стремление внести некоторое успокоение в среду духовенства и приходы оказалось безрезультатным... Многие благочиния решили совсем не избирать благочинных и их

помощников, а заменить их исполнительными комитетами из духовенства и мирян. В одном благочинии в подобный комитет избрали восемнадцать человек при девяти мирянах. Миряне явились виновниками всяких беззаконий. Не дожидаясь моего возражения или утверждения, благочинным было приказано сдать дела комитетам. Таким образом, разрушалась всякая связь между приходами, мною и Консисторией...

Чтобы несколько разъяснить духовенству и всему съезду пределы их разрушительной работы, я пригласил на съезд 20 апреля профессора Московского университета И. М. Громогласова.

К великому моему огорчению, миряне не пожелали подчиниться преподанной Тверским съездом норме при выборе депутатов на съезд. Вместо двух мирян прибыло по три-семь от благочиния, и, таким образом, голоса мирян превысили голоса духовенства. Разработанную комиссиями программу съезда с докладами они шумно и резко отвергли, заставив принять свою программу...

Отслужив перед открытием молебен, я увидел, что церковных ревнителей нет ни одного из известных мне в епархии. Все были новые, неведомые лица или давно прославившиеся

дурными поступками люди. Сильно пахло спиртом. Несомненно, в число депутатов проникли сектанты и большевики. При избрании председателя большинство голосов получил военный ветеринарный врач Тихвинский, временно служивший в Ржеве. Оказалось, что это известный Вятской епархии священник, член 2-й Государственной Думы, с которого был снят сан по суду.

Только тогда я мог понять, почему диаконы, псаломщики и миряне-депутаты от Ржевского уезда оказались резко и бурно настроенными, восстановленными без основания против епархиального начальства и не подчинились определениям Тверского собрания паствы и мирян, выработавших программу съезда... Этот съезд, приняв на себя функции Учредительного собрания, поместил в числе главных вопросов программы и вопрос о переизбрании епископов и всего духовенства. Никакие старания И. М. Громогласова доказать съезду, что это незаконно, невозможно и недопустимо, не помогли. Страсти разыгрались до последнего предела, и И. М. Громогласов, прошедший через первый Московский Епархиальный съезд, постановления которого не были признаны действительными, признал Тверской съезд

сборищем врагов Церкви, а потому отказался им прочесть лекцию о канонических нормах и уехал, потрясенный всем виденным.

Как ни старались агитаторы вызвать обвинения против меня, но выступавшими ораторами из клира, известными всей епархии за неблагополучных батюшек и диаконов, ничего не было сказано, кроме пустяков и лжи. Тогда было составлено постановление о предложении мне покинуть Тверскую кафедру, так как съезд не доверяет моей церковно-общественной деятельности. Разве это не комично? Я начальствовал над тремя большими монастырями, стоял во главе подготовки Нижегородской и Тамбовской губерний к событию прославления преподобного Серафима Саровского и затем управлял четырьмя епархиями, в которых мною сделано весьма много, что достаточно известно в России, – и писать, становлять кучке смутьянов о недоверии моей церковно-общественной деятельности, прямо дерзко и смешно. Многие священники и миряне подписали протест»⁹⁷.

В письме на имя обер-прокурора Львова Владыка Серафим дал на примере Тверского епархиального съезда исчерпывающую характеристику того, чем опасна

большевистская «церковная революция»: *«История с Тверским чрезвычайным Епархиальным съездом выяснилась. Наша губерния во власти большевиков... Ясно, тут повторился заговор против меня, как и против других сильных, влиятельных иерархов, которых вынуждают уйти на покой... Для меня теперь неоспоримо, что большевики создавали церковную революцию с намерением ослабить духовенство и сделать его беззащитным. После меня начнут гнать лучших пастырей. Этот секрет мне рассказал один из депутатов исполнительного комитета. И мне все стало понятно»⁹⁸.*

Всестороннее выяснение обстоятельств дела, связанного с неканоническим решением Тверского съезда, Святейший Правительствующий Синод поручил епископу Самарскому Михаилу (Богданову), который не нашел в деятельности Владыки Серафима ничего, что могло бы служить основанием для его удаления с Тверской кафедры. Святейший Синод вынес определение предоставить архиепископу Серафиму «вступить в управление Тверской епархией», но Владыка Серафим практически не мог вернуться в Тверь, так как епархиальный дом был захвачен

большевиками, а его имущество реквизировано. С целью содействия восстановлению канонической власти Преосвященного Серафима в Тверской епархии Синод поручил своему представителю епископу Самарскому Михаилу председательствовать на Тверском Епархиальном съезде. Однако враги Владыки Серафима прибегли к интриге, представляя свои выступления против него как борьбу с «церковным мракобесом и черносотенным монархистом» и — за «обновление общественной и церковной жизни в епархии». В результате подобного маневра съезд незначительным большинством голосов (142 против 136) вынес повторное неканоническое решение об увольнении архиепископа Серафима.

Однако большинство епархиального духовенства и православных мирян продолжало почитать Владыку Серафима как единственного канонического правящего архипастыря своей епархии. В нашей семье до сих пор хранится, как самая дорогая реликвия, серебряная солонка, подаренная святителю Серафиму в Твери прихожанами Успенской Единоверческой

церкви в знак любви и признательности к высоко чтимому ими пастырю. Особенно отрадной для Владыки Серафима была единодушная поддержка, которую оказало ему тверское монашество. Иноки и инокини всех 36 тверских монастырей потребовали от Епархиального съезда присоединить их голоса к тем 136 голосам участников съезда, которые были поданы за оставление на Тверской кафедре «горячо любимого архиепископа Серафима». В создавшейся обстановке противники Владыки Серафима (из числа неканонически избранных членов епархиального совета) решили для его изгнания прибегнуть к помощи большевистских властей в Твери, которые предписали выслать архиепископа Серафима из Тверской губернии.

В это трудное для Владыки Серафима время Святейший Синод продолжал рассматривать его как правящего архиерея на Тверской кафедре. Поэтому летом 1917 г. Святейший Синод включил Владыку в число членов Поместного Собора по должности и поручил ему руководство Соборным отделом «Монастыри и монашество». Захват власти в Петрограде

большевиками в октябре 1917 г. имел пагубные последствия для Тверской епархии и ее правящего архиерея.

Так, один из самых мужественных и бескомпромиссных церковных иерархов России Преосвященный Серафим стал первой жертвой сговора вероотступников в рясах с богоборческой властью. Этот «сговор впоследствии станет основой борьбы раскольников из среды православного духовенства с православной церковной иерархией и на многие годы омрачит церковную жизнь России грехом доноительства и предательства»⁹⁹.

Хождение по мукам в лихолетье гонений

После свержения самодержавия наметились изменения в церковной жизни. Высшая церковная власть поддержала движение «снизу» в преобразовании приходов и епархий, участие низших ступеней клира и мирян в церковных делах, утверждение соборного начала. Поместный Собор 1917–1918 гг. восстановил патриаршество после двухвекового его отсутствия, положил конец жесткому контролю государства над Церковью. Поместным Собором было принято положение, согласно которому Православная Церковь в России «должна быть в союзе с государством, но под условием своего свободного внутреннего самоопределения». Церковь встретила октябрьский переворот стремлением к нейтралитету, готовностью установить конструктивные отношения с новой властью, признавая возможность компромисса при условии поддержки

Церкви, предоставления ей свободы и возможности идейно-нравственного влияния на народ.

Что же касается советской власти, то она с первых дней своего существования поставила для себя задачу — с беспощадной жестокостью полностью уничтожить Русскую Православную Церковь. Политика правящей партии по отношению к Церкви была определена В. И. Лениным: «Мы должны бороться с религией. Это — азбука всего материализма и, следовательно, марксизма». Наиболее рьяными сторонниками уничтожения Церкви в короткие сроки выступали Н. И. Бухарин и Ф. Э. Дзержинский. Как известно, после прихода большевиков к власти своеобразным законодательным «основанием» для преследования верующих послужил выпущенный в 1918 г. декрет «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», воспринимавшийся представителями власти на местах как сигнал к повсеместному уничтожению Русской Православной Церкви и ее служителей, а также к разграблению церковного имущества. Неспособность Церкви выступить в качестве

консолидирующей силы нации в период потрясений привела к зарождению у беднейших слоев населения города и деревни идеалов выхода из нищеты, основанных на уравнилельных, коммунистических принципах. В слоях, где каба́к считался ближе, чем храм, происходило размывание устоев морали. Все это в совокупности позволило большевикам опереться на эти слои населения в своей антицерковной политике. Большевистская пропаганда оказалась сильнее того, что делала Церковь.

19 января 1918 г. Святейший Патриарх Тихон выпустил послание с осуждением большевиков и призывом к сопротивлению им: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это — поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной — и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной»¹⁰⁰.

«Красногвардейская атака» на религию и Церковь первого года советской власти сменилась в конце 1919 г. и в 1920 г. кампанией вскрытия и «разоблачения» мощей

русских святых. Эта кампания глумления над святыми мощами потрясла весь православный мир и вызвала волну антиправительственных выступлений по всей России. Голод, обрушившийся на Россию в 1921–1922 гг., воспринимался христианами как наказание за богоборчество*.

Первый опыт открытой войны с Церковью показал малоэффективность военных методов для преодоления влияния религии на массы и невыгодность их применения в том смысле, что это приводило к росту противостояния верующих и властей. Теперь большевистский режим попытался изменить тактику и перешел к более изощренному, но не менее жесткому способу

* В 1922 г., прощаясь со святыми, покидавшими церковную ограду, Анна Ахматова писала: «... И выходят из обители, / Ризы древние отдав, / Чудотворцы и святители, / Опираясь на клюки. / Серафим — в леса Саровские / Стадо сельское пасти. / Анна — в Кашин, уж не княжити, / Лен колючий терзать...» Передавая переживания православного народа России, поэтесса намекала на то, что Церковь поставлена была перед перспективой ухода в «леса Саровские», т.е. в подполье, в катакомбы.

решения «религиозного вопроса». Гонения на Русскую Православную Церковь осуществлялись по разным, но скоординированным направлениям. Откровенный террор, возведенный в ранг государственной политики в первые послереволюционные годы, в условиях новой социально-политической ситуации большевики камуфлировали под правосудие, не меняя сути политики власти по отношению к Церкви. Средством террора стала юстиция, за личиной которой скрывались обычная внесудебная расправа, произвол и беззаконие.

Одно дело — внешнее гонение на Церковь, другое дело — когда внешнее гонение на Церковь усугублялось внутренним ее разрушением, когда богоборческая власть стремилась извратить сущность церковной жизни, осуществить страшную подмену, заменить Церковь еретическим сообществом, которое будет лицемерно, лживо именовать себя «Церковью». По всей стране проходили показательные процессы над сторонниками Святейшего Патриарха Тихона, которого 9 мая 1922 г. власти посадили под домашний арест,

а затем перевели в тюрьму, где он находился до апреля 1923 г. Репрессии против духовенства, включая аресты, заточение в тюрьмы и концлагеря священнослужителей, а также порой и физическое их истребление, сочетались с целенаправленными усилиями разрушить Церковь изнутри.

«Церковную политику развала должна вести ВЧК* и никто другой» — такова была установка председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского. Практическая работа по расколу Православной Церкви осуществлялась под руководством секретного 6-го «церковного» отделения ОГПУ во главе с Е. А. Тучковым, который считался «спецом по религиозным делам». Этот «обер-прокурор от безбожия», как его называл Святейший Патриарх Тихон, ловко пользовался разделением Церкви на старую и «новую», вербуя агентуру с той или с другой стороны. В раскольнических целях были использованы упоминавшиеся выше лица, которые выросли в православной среде и даже иногда были православными священнослужителями, но на самом деле

* Всероссийская Чрезвычайная Комиссия.

по разным мотивам стремились ввести «реформации» протестанского характера. Эти лица, именовавшие себя «обновленцами», выступали за пересмотр догматов и нравственного учения Православной веры, священных канонов Святых Вселенских и Поместных соборов и святых отцов, православных богослужебных правил и намеревались организовать новую так называемую «живую церковь». То, что многие руководители обновленцев в рясах являлись агентами ВЧК-ГПУ, не было секретом. Достоянием гласности, например, стал подписанный так называемым «митрополитом» — обновленцем А. И. Введенским — секретный циркуляр, обращенный также к обновленцам — «архиереям» и рекомендовавший им (в случае необходимости) обращаться к органам советской власти для принятия административных мер против староцерковников.

А обновленец В. Д. Красницкий, именовавший себя «протоиереем» и бравировавший своим сотрудничеством с ВЧК-ГПУ, «обессмертил» себя неслыханным по цинизму поведением. В 1922 г. он выступил свидетелем на суде над митрополитом

Петроградским Вениамином, который был приговорен к расстрелу, а после суда Красницкий обратился к ВЦИК с просьбой отсрочить исполнение этого приговора, чтобы успеть лишить приговоренного к смерти священного сана. «Выслать за контрреволюционную деятельность за пределы епархии», «просить гражданские власти принять меры против контрреволюционной агитации», — эти слова назойливо повторял «предприимчивый батюшка» Красницкий¹⁰¹.

При непосредственном руководстве и опеке со стороны безбожных властей раскольники-обновленцы продолжали осуществлять свою разрушительную деятельность, стараясь, в частности, обезглавить Православную Церковь.

В целях компрометации руководства Церкви в глазах верующих эта богоборческая власть добивалась сначала от Святейшего Патриарха Тихона, а после его кончины в 1925 г. — от Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Крутицкого Петра (Полянского), заявления «о готовности сотрудничать с богоборческой властью» и безоговорочно осудить

приверженцев «белогвардейской церкви за границей». Несмотря на сильнейшее давление богоборцев, ни Патриарх Тихон, ни Митрополит Петр не согласились чинить суд над заграничными иерархами, считая, что Церковь не может судить за политическую деятельность.

В феврале 1923 г. состоялся так называемый «Поместный Собор», созванный различными группировками раскольников — «возрожденцами», «самосвятами» и прочими, направленный на уничтожение Русской Православной Церкви. В числе его так называемых «деяний» — постановление о контрреволюционной деятельности Священноначалия и лишении Патриаршего сана Святейшего Патриарха Тихона. Но, как известно, обстоятельства складывались таким образом, что власти были вынуждены избрать новую тактику. В июне 1923 г. после заявления, поданного святителем Тихоном в Верховный Совет РСФСР, он был освобожден из-под стражи и обратился к народу с воззванием, которого от него требовали власти. Готовность идти на компромисс с властью была оправданной, если за счет такого компромисса

можно было отстоять чистоту Православной веры и нанести удар по тем, кто представлял главную опасность для Церкви внутри нее.

7 апреля 1925 г. скончался Святейший Патриарх Тихон.

Митрополита Крутицкого Петра, Местоблюстителя Патриаршего престола, богоборческая власть попыталась, в отместие «за несговорчивость», уморить в тюрьмах, но в конечном итоге обратилась к своему испытанному приему — к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 10 октября 1937 г.

Но вернемся к тому, как складывалась в это непростое время жизнь святителя Серафима. Божий Промысл хранил святителя от чекистской пули. Митрополит Серафим был слишком значительной фигурой, чтобы богоборцы могли с ним сразу расправиться так, как они поступали с тысячами неугодных им. Поэтому в отношении митрополита Серафима было решено применить несколько иную тактику. Еще с 1917 г. богоборческая власть пристально следит за ним, копается в его прошлом и методически — арест за арестом — стремится

отстранить его от участия в церковных делах и подвести его к последней черте. Материалы архивных уголовных дел, заведенных ВЧК и ОГПУ на митрополита Серафима, позволяют установить, как готовилось сначала его моральное, а потом и физическое уничтожение.

Стремясь уберечь святителя от большевистской расправы, Святейший Патриарх Тихон за несколько дней до разгона Поместного Собора возвел архиепископа Серафима в сан митрополита и принял на заседании Священного Синода 17 сентября 1917 г. решение о назначении его на Варшавскую и Привислинскую кафедру, находившуюся на территории Польши*. Но выехать к месту своего назначения ему так и не удалось: помешала советско-польская война...

* В случае выезда к месту служения в Варшаву митрополит Серафим намеревался вывезти в Польшу свою дочь Леониду и внушек — Лилию и Варю, которые после революции 1917 г. оказались на положении изгоев. Владыка Серафим перевез их из Петербурга в подмосковный монастырь близ города Кимры, где Леониде Леонидовне удалось устроиться на работу медсестрой в лазарет.

Назначение на Варшавскую и Привислинскую кафедру митрополит Серафим воспринял с чувством свойственной ему архипастырской ответственности. Он понимал, что ему предстоит взять на себя все бремя руководства находившейся в соседней Польше епархией, разоренной войной, лишенной почти всего приходского духовенства и значительной части епархиального имущества, которое во время Первой мировой войны было эвакуировано в Россию. Епископ Иоасаф, управлявший Варшавской епархией, передал Владыке Серафиму епархиальные дела и богослужбное имущество, а также опечатанные пакеты с книжками о денежных вкладах православных храмов в разных городах Польши, которые были эвакуированы из Варшавы и помещены на хранение в Петровский и Донской монастыри, где эти документы и материалы неоднократно были предметами обысков сотрудниками ВЧК.

Польские власти отказались выдать ему въездную визу. Митрополит Серафим поселился в Черниговском скиту около Троице-Сергиевой Лавры, прожил там два года, почти не выезжая, — до конца

1920 года. Затем он переехал в Москву, где проживал по адресу: ул. Плющиха, дом 10, кв. 14*. Служил в разных храмах, оставаясь правящим архиереем Варшавской епархии.

В январе 1921 г. вскоре после окончания советско-польской войны Владыка Серафим получил синодальное предписание о необходимости ускорить возвращение в Варшавскую епархию православного духовенства и церковного имущества в связи с бедственным положением православного населения Польши, лишившегося во время войны многих храмов. Как митрополит Варшавский он официально обратился в Народный Комиссариат иностранных дел, где ему было заявлено, что вопрос о его отъезде в Варшаву может быть рассмотрен лишь после прибытия в Москву официального польского представительства. Встречи митрополита Серафима с прибывшими в Москву польскими дипломатами весной 1921 г. были использованы в качестве предлога для его ареста

* Игумения Серафима (Черная) в своих воспоминаниях называет другой адрес – Плющиха, дом 6.

органами ВЧК. На квартире митрополита пять раз проводился обыск. У него были изъяты письма главе Римо-Католической Церкви в Польше кардиналу Каповскому и представлявшему в Варшаве интересы православного духовенства протоиерею Врублевскому. Эти письма и другие изъятые во время обысков документы были положены чекистами в основу фантастических обвинений Владыки Серафима в том, что он якобы направляется в Польшу «как эmissар российского патриархата», чтобы «координировать против русских трудящихся масс за границей фронт низверженных российских помещиков и капиталистов под флагом «дружины друзей Иисуса»¹⁰².

9 мая 1921 г. митрополит Серафим был арестован и заключен во внутреннюю тюрьму ГПУ (в Таганскую тюрьму). Известный «искоренитель религии», сотрудник ВЧК и Наркомюста А. И. Шпицберг составил заключение о том, что никоим образом нельзя отпускать митрополита Чичагова в Польшу, и потребовал отправить его в Архангельский концлагерь. С этим согласились начальник 7-го отделения

Секретного отдела ВЧК Т. П. Самсонов и его заместитель Я. С. Агранов.

24 июня 1921 г. судебная «тройка ВЧК» в составе Т. Самсонова, И. Апетера и В. Фельдмана — в отсутствие на ее заседании самого митрополита Серафима — постановила: «заключить гражданина Чичагова в Архангельский концлагерь сроком на два года». Однако, распоряжение о его дальнейшем пребывании под арестом и этапировании в концлагерь не было отдано. Владыка Серафим был освобожден из заключения. Под негласным наблюдением агентов ВЧК он жил на воле и продолжал служить в храмах Москвы. Он еще надеялся, что получит разрешение на отъезд в Варшавскую епархию. Но неожиданно для себя 21 сентября 1921 г. 65-летний Владыка Серафим был снова арестован и помещен в Таганскую тюрьму «для препровождения к месту заключения», т. е. в концлагерь. На помощь отцу пришли дочери Наталия и Екатерина Чичаговы. Они обратилась к председателю ВЦИК М. И. Калинину с ходатайствами — учесть старческий возраст и болезненное состояние их отца

при определении его участи. В своем заявлении от 21 сентября 1921 г. Наталия просила Калинина либо освободить отца по состоянию здоровья, либо оставить его в концлагере в Москве, «чтобы она могла за ним ухаживать». На заявлении Наталии Калинин написал, что можно оставить в московской тюрьме «приблизительно на полгода»¹⁰³. В то же время Калинин оставил без ответа ходатайство Екатерины о замене места высылки митрополита Серафима на более близкий город, чем Архангельск, о разрешении ему дать время на сбор теплых вещей и следовании не по этапу, а в сопровождении его воспитанника Ф. И. Кулешова. Тем не менее, обращения дочерей Владыки Серафима во ВЦИК не были безрезультатными.

По поручению ВЦИК начальником секретного отделения ВЧК В. А. Рутковским было составлено новое заключение по «делу» Владыки Серафима: «С упрочением положения революционной соввласти в условиях настоящего времени, гр. Чичагов бессилен предпринять что-либо ощутительно враждебное против РСФСР. К тому же, принимая во внимание

его старческий возраст, 65 лет, полагаю, постановление о высылке на 2 года применить условно, освободив гр. Чичагова Л. М. из-под стражи»¹⁰⁴.

14 января 1922 г. по предложению заместителя председателя ВЧК И. С. Уншлихта Президиум ВЧК постановил освободить митрополита Серафима из-под стражи. 16 января он вышел на свободу. Тюрьму он покинул уже тяжело больным человеком и проболел всю зиму.

Преодолевший свою болезнь лишь к началу весны, Владыка Серафим уже ясно понимал невозможность для него отправиться в Варшавскую епархию из-за противодействия советских властей. Посему он был привлечен Святейшим Патриархом Тихоном в качестве члена Священного Синода к решению вопросов высшего церковного управления. Большой церковно-административный опыт митрополита Серафима, его твердая, несмотря на преклонные годы и пережитые испытания, архипастырская воля делали его присутствие в Синоде весьма нежелательным для большевистских властей, готовивших в это время арест Святейшего Патриарха Тихона

и планировавших захват Высшего церковного управления своими ставленниками из числа обновленческого духовенства.

Однако ГПУ отнюдь не собиралось совсем отпустить митрополита Серафима на свободу. И здесь не имели значения ни его возраст, ни его болезни. Слишком велик был его авторитет в церковном мире. Его преследовали и ссылали не из-за противоправных поступков, а с единственной целью — нанести Церкви как можно больший урон. 22 апреля 1922 г. чекист Радзиховский дал новое заключение по «делу» митрополита: «Принимая во внимание, что Белавиным, совместно с Синодом, по-прежнему ведется реакционная политика против советской власти и что при наличии в Синоде известного реакционера Чичагова лояльное к власти духовенство не осмеливается открыто проявлять свою лояльность из-за боязни репрессий со стороны Чичагова, а также и то, что главная причина последовавшего освобождения Чичагова от наказания — его якобы острое болезненное состояние, не находит себе оправдания после его освобождения и несколько не мешает Чичагову заниматься

делами управления духовенства, полагаю... Чичагова Леонида Михайловича... задержать и отправить этапным порядком в распоряжение Архангельского губотдела для вселения на местожительство как административного ссыльного сроком по 24 июня 1923 г.»¹⁰⁵.

25 апреля 1922 г. постановление Президиума ВЧК от 14 января того же года было отменено «в части условного применения к Чичагову высылки» и он был этапирован в Архангельск.

С прибытием в Архангельск святителю вновь пришлось пройти через допросы, связанные в данном случае с беспрецедентной кампанией властей против православного духовенства по обвинению его в сопротивлении изъятию церковных ценностей. Будучи прикован к больничной койке в результате обострившейся во время этапирования в Архангельск болезни, Владыка Серафим вынужден был давать письменные показания, которые, конечно же, не могли устроить следователей ГПУ. *«Живя в стороне от церковного управления и его распоряжений, — писал святитель, — я только издали наблюдал*

за событиями и не участвовал в вопросе об изъятии ценностей из храмов для помощи голодающему населению. Все написанное в современной печати по обвинению епископов и духовенства в несочувствии к пожертвованию церковных ценностей на народные нужды преисполняло мое сердце жестокой обидой и болью, ибо многолетний служебный опыт мой, близкое знакомство с духовенством и народом свидетельствовали мне, что в православной России не может быть верующего христианина, а тем более епископа или священника, дорожащего мертвыми ценностями и церковными украшениями, металлом и камнем более, чем живыми братьями и сестрами, страдающими от голода, умирающими от истощения и болезней»¹⁰⁶.

Во время архангельской ссылки митрополит Серафим проживал на Никольевском подворье в доме № 57–8 на Набережной. С него была взята подписка: без разрешения ГПУ из Архангельска не отлучаться, являться в комендантскую часть 2 раза в неделю. 16 ноября 1922 г. ему было разрешено «ввиду болезненного состояния» являться на регистрацию раз в неделю.

Лишенный архипастырской кафедры и томившийся в суровой северной ссылке,

святитель Серафим продолжал сохранять отзывчивость архипастыря: он не только молился о своих многочисленных духовных чадах, но и наставлял их в своих письмах даже тогда, когда его собственные испытания и скорби казались невыносимыми.

Так, в одном из своих писем духовному сыну Алексею Беляеву митрополит Серафим писал: *«Все мы люди, и нельзя, чтобы житейское море не пенилось своими срамотами, грязь не всплывала бы наружу и этим не очищалась глубина целой стихии... Отойди умом и сердцем помыслами от зла, которое властвует над безблагодатными, и заботься об одном – хранить в себе, по вере, божественную благодать, через которую вселяется в нас Христос и Его мир... Учись внутренней молитве, чтобы она была незамечаема по твоей внешности и никого не смущала»*¹⁰⁷. Это обращение к духовному сыну звучит как отеческое наставление, основанное на жизненном опыте самого Владыки Серафима. «Внутренняя молитва, не заметная по внешности» – вот та сокровенная тайна его духовной жизни, позволявшая ему сохранять спокойствие в самых трудных испытаниях и служившая источником его мудрости и мужества.

Митрополит Серафим в Воскресенском Феодоровском монастыре под г. Шуя. Лето 1928 г. Рядом с Владыкой – настоятельница игумения Арсения (Добронравова). В верхнем ряду (слева направо) дочери Наталия (в монашестве Серафима) и Леонида (впоследствии монахиня Серафима). Две девочки у ног Владыки – внучки Леонида и Варвара (впоследствии игуменья Серафима)

Огромной нравственной силой надо было обладать, чтобы поделиться таким наставлением с молодым человеком, ищущим опоры в жизни, находясь самому в ссылке.

20 марта 1923 г. в изменение постановления Президиума ВЧК от 25 апреля 1922 г. коллегия ГПУ приняла новое постановление: ссылка в Архангельск была заменена ссылкой в Марийскую автономную область сроком на один год, «считая срок ссылки с 25 апреля 1922 г.» В Марийской АО Владыка Серафим пробыл с марта по апрель 1923 г.

Отбыв срок ссылки, Владыка возвратился в Москву в апреле 1923 г. Он поселился в доме № 10–11 на Плющихе. С ним вместе жила и его дочь Наталия, которая по возможности всегда старалась быть рядом с ним. Между митрополитом Серафимом и Наталией существовали особенно близкие, доверительные отношения. И именем, и характером она напоминала свою мать. Она была глубоко религиозной и близкой ему по духу. Их сближало особенно и то, что Наталия приняла постриг с именем Серафима в Рижском Свято-Троице-Сергиевом женском монастыре.

К тому же ее работа сестрой милосердия в годы Первой мировой и гражданской войн позволила ей овладеть профессией медика, и, если бы это потребовалось, она всегда могла оказать квалифицированную помощь своему слабому здоровьем отцу.

В условиях временного захвата обновленцами Высшего церковного управления Преосвященный Владыка Серафим временно отошел от активной церковной деятельности и поддерживал общение с духовенством и братией Данилова монастыря. В монастыре служил его духовник — архимандрит Георгий (Лавров), а настоятелем был и проживал архиепископ Волоколамский Феодор (Поздеевский), чья церковная позиция была наиболее близка Владыке. В монастырском окружении митрополита Серафима преобладали братия, осуждавшие, в известной мере, Святейшего Патриарха Тихона за «излишнюю мягкость» по отношению к советской власти и считавшие недопустимым для Церкви идти на полный компромисс в контактах с властью. В представлении же реалистически мыслящих «тихоновцев» «лояльность по отношению к советской

власти» никого ни к чему не обязывала, поскольку лояльным, добросовестным христианин должен быть решительно во всем. К такому пониманию «лояльности», видимо, склонялся и святитель Серафим, о чем говорит его отошение к «декларации Сергия». Но об этом речь пойдет ниже.

Что же касается богоборческой власти, то она не оставляла митрополита Серафима в покое. 16 апреля 1924 г. он вновь был арестован и помещен в Бутырскую тюрьму по обвинению в том, что в 1903 г. ему «было поручено руководство и организация открытия мощей Серафима Саровского». Арестованный митрополит давал следующие объяснения следователю секретного отдела ГПУ Казанскому: *«Я принимал непосредственное участие в открытии мощей Серафима Саровского по распоряжению Синода, утвержденному Николаем; последний узнал о моей близости к Дивеевскому монастырю от бывшей княгини Милицы Ивановны. Я знаю, что Серафим был особо чтимым угодником у Романовых. Приблизительно лет за пять до открытия мощей Серафима я написал из разных источников "Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря"»*¹⁰⁸. «Не является ли повествование

в “Летописи” о канавке Серафима Саровского попыткой бросить тень на революционное движение?» — спрашивал следователь Казанский, придумывая все новые ходы в следствии для подготовки обвинительного заключения. Так появилось еще одно абсурдное обвинение о «причастности» Владыки Серафима вместе с прокурором Московской Синодальной конторы А. А. Ширинским-Шихматовым к «хищению большой суммы денег», выделенных на организацию открытия мощей Серафима Саровского. В числе других обвинений значилось участие митрополита Серафима и Ширинского-Шихматова в организации монархических объединений — палаты Михаила Архангела и Союза Русского Народа.

Следствие в отношении митрополита Серафима продолжалось уже около месяца, когда Святейший Патриарх Тихон подал в ОГПУ ходатайство об освобождении 68-летнего митрополита, в котором ручался за его лояльное отношение к существующей государственной власти.

Ходатайство было получено начальником 6-го секретного отдела ОГПУ Е. Тучковым, который сначала оставил его без

ответа. И только 17 июля 1924 г. уполномоченный ОГПУ Б. Гудзь предложил освободить митрополита Серафима из-под стражи на том основании, что «собранного материала мало». По постановлению коллегии ОГПУ митрополит был освобожден. В дальнейшем коллегией ОГПУ было решено дело о его участии в прославлении Серафима Саровского следствием прекратить и сдать в архив.

В связи с решением власти об удалении из Москвы живших в ней архиереев митрополит Серафим решил поселиться в ставшем для него родным Серафимо-Дивеевском женском монастыре, на территории которого была погребена его супруга и где он сам после своей кончины намеревался обрести вечный покой. Однако игуменья Александра (Траковская) отказалась дать пристанище Владыке Серафиму в этом монастыре. Поводом для отказа, видимо, послужил не забытый игуменьей давний ее конфликт с митрополитом Серафимом по вопросу о месте закладки нового храма. Игуменья Александра построила этот храм там, где она сама пожелала, игнорируя благословение преподобного

Серафима Саровского. Владыка Серафим не мог согласиться с решением игумении Александры, к которой, кстати говоря, он всегда относился по-доброму и в свое время способствовал ее избранию игуменией. Отказ игумении Александры обидел гонимого архипастыря и причинил ему незаслуженную боль.

На жительство митрополита Серафима приняла игумения Арсения (Добронравова) в Воскресенский Феодоровский женский монастырь под городом Шуя (село Сергиево Ивановской области).

Игумения Арсения была знакома с митрополитом Серафимом в бытность его архимандритом, с 1903 г., когда она вместе с семьей своего родственника приезжала в Саров на прославление преподобного Серафима Саровского. Тогда она была учительницей в детском приюте Воскресенского монастыря.

Блаженны те два года, которые он прожил в монастыре. Редкостный мир царил среди сестер, любивших и почитавших свою игумению как первую подвижницу и самого смиренного в монастыре человека.

Совершение воскресных и праздничных богослужений, духовное наставление сестер обители, занятия с монастырским хором, которому Владыка Серафим, будучи большим знатоком церковного пения, уделял много внимания, — таков перечень основных послушаний, принятых на себя митрополитом Серафимом во время его пребывания в Воскресенском Феодоровском монастыре.

Владыка Серафим продолжил работу над второй частью «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», в которой отражались события, предшествовавшие канонизации преподобного Серафима, в частности, обсуждение в Святейшем Синоде вопроса подготовки к прославлению старца Серафима, рассказывалось о дальнейшей жизни Серафимо-Дивеевской обители. С большим интересом инокини монастыря слушали митрополита, читавшего главы «Летописи», где подробно рассказывалось о несогласиях в Священном Синоде, когда пришло время всецерковного прославления преподобного Серафима. Как известно, до революции 1917 г. рукопись «Летописи» не была допущена

к печати цензурой, а в советское время она бесследно исчезла.

Во время проживания митрополита Серафима в Воскресенском Феодоровском монастыре его дочь Леонида вместе со своими детьми Лилей и Варей навещала его дважды — в 1927 и 1928 гг., а дочь Наталия жила там постоянно до назначения митрополита Серафима на Ленинградскую кафедру. В 1928 г., трогательно простившись с сестрами Воскресенского Феодоровского монастыря, Владыка Серафим отбыл из обители и выехал из Шуи в Москву, куда его пригласил Заместитель Патриаршего Местоблюстителя Митрополит Сергей (Страгородский) для участия в деятельности Временного Патриаршего Священного Синода.

Годы обновленчества

Как уже отмечалось выше, еще в начале 1920-х гг. «город на Неве», благодаря проискам государственных властей и немощам некоторой части епархиального клира, отчасти превратился в «цитадель» обновленчества.

Усилия богоборческой власти все больше направлялись на то, чтобы вызвать раскол среди иерархов и духовенства или разрушить церковную жизнь с помощью обновленцев-раскольников. Приняв в качестве своего авторитетного возглавителя митрополита Иосифа (Петровых) и получив в связи с этим название «иосифлянское», это антицерковное движение, в котором участвовали несколько викарных епископов и значительная часть клира Ленинградской епархии, охватило 61 из 100 действовавших в Ленинграде православных приходов и отторгло их

от молитвенно-канонического общения с Московской Патриархией¹⁰⁹.

В качестве главного объекта своих нападков «иосифляне» избрали Митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского), Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, который проводил линию на сохранение официально существующей церковной иерархии путем неизбежных компромиссов с властью. Митрополит Сергей в это время как никогда нуждался в поддержке такого авторитетного и известного своей бескомпромиссностью церковного иерарха, каким был митрополит Серафим.

Хорошо понимая опасность раскольнической деятельности «иосифлян», нацеленной на подрыв основ Православия, Владыка Серафим не представлял для себя возможным уклониться от служения Церкви. Назначение Преосвященного Серафима митрополитом Ленинградским и Гдовским состоялось 23 февраля 1928 г. Несмотря на значительный возраст (72 года), он безоговорочно принял назначение на Ленинградскую кафедру.

К приезду митрополита Серафима в Ленинград готовились и чекисты, не

выпускавшие его из сферы своей слежки. В секретном донесении ленинградского управления ОГПУ Е. Тучкову от 17 марта 1928 г. говорилось: «Переходя... к приезду в Ленинград митрополита Серафима, считаем нужным сообщить, что... мы к его приезду подготовили соответствующим образом наш осведомительный аппарат и приняли необходимые меры к тому, чтобы он не выходил из сферы влияния наблюдения нашего осведомления»¹¹⁰.

После прибытия в епархию Владыка Серафим разместился в бывших игуменских покоях Воскресенского Новодевичьего монастыря вместе со своей дочерью Наталией, работавшей медсестрой в амбулатории фабрики «Скороход», и двумя келейницами — монахинями Воскресенского Феодоровского монастыря Верой (А. Л. Втюриной) и Севастианой (С. Х. Агеевой-Зуевой), сопровождавшими его по благословению их настоятельницы игуменнии Арсении (Добронравовой) — для помощи «по хозяйству». Новодевичий монастырь стал центром епархиальной жизни. Здесь находились официальная

резиденция митрополита Серафима и Ленинградский епархиальный совет, председателем которого в 1928 г. стал сохранявший верность митрополиту Сергию епископ Петергофский Николай (Ярушевич).

Один из церковных историков того времени вспоминал: «В первую неделю правления митрополит собрал в Новодевичьем сотню священников. Указав им, что «не их дело церковная политика и не им осуждать архиереев», он начал их отчитывать за непорядки, которые успел подметить за одну Литургию. Прежде всего он категорически запретил исповедь во время Литургии; затем он запретил общую исповедь. Подметил нарушения церковного устава, заявил, что за небрежность в служении будет беспощадно карать. Началось наведение порядков: епископ Григорий, оставшийся на своей старой позиции, был по настоянию митрополита смещен и переведен в Феодосию. Митрополит с торжеством въехал в лавру. Никто не посмел возражать. Половина братии, правда, перешла к иосифлянам, но собор и основные храмы остались в ведении митрополита.

Затем был переведен в Елец епископ Колпинский Серафим. Оставались только два викарных епископа, Николай и Сергей. Впоследствии был рукоположен также епископ Амвросий (Либин) — новый наместник лавры. Таким образом, был восстановлен четкий иерархический централизм: митрополит и три викарных епископа, беспрекословно ему подчиняющиеся»¹¹¹.

Митрополит Серафим был хорошо известен среди православных христиан бывшей российской столицы не только потому, что в его родном городе прошла яркая светская часть его 72-летней жизни, но и потому, что, даже покинув Санкт-Петербург в 1891 г. и став священнослужителем, святитель Серафим все последующие годы регулярно посещал родной город и участвовал в его церковной жизни.

Личность святителя Серафима не могла не вызывать уважения даже среди членов «иосифлянских» приходов, ибо будучи в прошлом сначала петербургским аристократом и гвардейским офицером, а затем — иерархом, строго

православным и известным своим монархизмом, Владыка Серафим олицетворял собой ту православно-монархическую Россию, крушение которой вызывало характерное для многих участников «иосифлянского» движения ощущение наступающего конца мира, когда церковная жизнь неизбежно должна была бы уйти в катакомбы.

Владыка Серафим не разделял упаднических «пророчеств» «иосифлян» о неизбежном «конце Православной Церкви» и уходе церковной жизни «в катакомбы», считая, что и при новой власти Церковь может функционировать без *«покровительства православных государей»*. Важно было только сохранить *«молитвенный дух паствы»*.

В городе, где богоборческая природа большевистской власти проявлялась как особенно ожесточенная и изощренная, митрополит Серафим положил в основу своего архипастырского служения благоговейное совершение воскресных и праздничных богослужений в городских и пригородных храмах.

Свою первую Божественную Литургию он совершил 18 марта 1928 г.

в Спасо-Преображенском соборе*. Начиная с июня 1928 года, каждую пятницу в Знаменской церкви Владыка Серафим совершал «Акафист Преподобному и богоносному отцу нашему Серафиму, Саровскому чудотворцу», читая акафист наизусть. После акафиста он беседовал с народом. Иногда во время таких бесед он подробно рассказывал историю прославления преподобного Серафима, подчеркивая роль Императора Николая II.

Проповедовал он почти за каждым богослужением, призывая паству к укреплению веры, патриотизма, святости семейного очага: *«Пока совершается Божественная, спасительная Литургия, пока люди приступают к Божественному Причащению, дотоле можно быть уверенным, что устоит и победит Православная Церковь. Поэтому намечайте все думайте о хранении, совершении и непрерывном служении... Литургии.*

* Еще в бытность гвардейским офицером Владыка Серафим часто посещал Спасо-Преображенский собор, служил старостой. В этом же соборе 8 апреля 1879 г. состоялось его венчание с Наталией Николаевной Дохтуровой.

Владыка Серафим во время богослужения

Будет она, будет и Церковь, и Россия»¹¹². Один из современников Владыки Серафима писал: «Вспоминая митрополита Серафима, я ловлю себя на том, что невольно им любуюсь: яркая индивидуальность всегда импонирует. В его лице Питер увидел того настоящего барина, о котором я говорил выше.

В нем не было ничего искусственного, натянутого, деланного. Он держал себя естественно и просто. Когда его облачали посреди храма, когда он стоял в полном облачении перед престолом, он держался так, как будто был один в комнате, а не перед несколькими тысячами человек, которые не спускали с него глаз. В его молчаливых, повелительных жестах чувствовалась привычка командовать; служил он негромким старческим голосом, благословлял слабым движением подагрических рук, генеральски, снисходительно шутил с духовенством. “Ты когда это успел, такой молодой, получить палицу?” “Что Вы, Ваше Высокопреосвященство, у меня уже дочь взрослая”. “Не верю, не верю, пока не увижу, не поверю”. Так же просто он говорил с народом: отчитает,

отругает, почему плохо стоят, зачем разговаривают, почему поздно приходят к исповеди; народ смущенно молчит... Потом барски-снисходительный жест: “Ну, ладно, давайте помиримся”. И начинается проповедь»¹¹³.

Многие, кому доводилось общаться с митрополитом Серафимом, отмечали, что он был красив, высок ростом, голос у него был какой-то особый, мягкий, как бы приглушенный, манера говорить — слегка насмешливая, но не резкая. Ни одна мелочь не укрывалась от его взгляда. Военная выправка наложила отпечаток на весь его облик. В облачении на богослужениях он был величественен и естественен, управлял епархией твердой, властной рукой.

Ленинградский архипастырь митрополит Серафим считал, что несправедливо ставить знак равенства между пособничеством режиму и церковной политикой, проводимой Предстоятелем Церкви — тогдашним Заместителем Патриаршего Местоблюстителя. Сотрудничать с властями или нет — этот вопрос решался каждым глубоко индивидуально.

«Послание пастырям и пастве» от 29 июля 1927 г., или «Декларация», митрополита Сергия никого к этому не призывала и не призывала. Поэтому, не находя достаточно веских причин для отделения от митрополита Сергия, Владыка Серафим оставался ему послушным во избежание еще большего зла, каковым явилось разделение Церкви. Вот почему в 1927 г. он поддержал «Декларацию» митрополита Сергия. Человек порядка, привыкший мыслить категориями строгой иерархии, он считал восстановление централизованной церковной власти наиболее важным делом. Владыка Серафим понимал, что «Декларация» митрополита Сергия не нарушала догматов, не проповедовала еретического учения, а лишь призывала сообразовываться с новыми государственными условиями и путем неизбежного компромисса сохранить возможность существования Православной Церкви в России. Тем не менее так называемый грех сергианства, то есть практика церковно-политических компромиссов, надолго отравил отношения между Русской Православной Церковью За границей

и Русской Церковью в Отечестве. В 1927 г. каноническое общение между ними было прекращено. Потребовались многие десятилетия, прежде чем сама жизнь — уже в наши дни — подтвердила неизбежность такого компромисса и церковное единство было восстановлено.

Ко времени назначения митрополита Серафима на Ленинградскую кафедру в Александро-Невской Лавре был избран новый духовник — иеросхимонах Серафим (Муравьев) (обычно называемый старцем Серафимом Вырицким). Тесная дружба связывала старца Серафима с митрополитом Серафимом. В это время Владыка Серафим, подобно многим, избрал себе руководителем лаврского духовника. «Общий для обоих Небесный покровитель Серафим Саровский и саровские торжества 1903 г., старец Варнава (духовник о. Серафима) и Гефсиманский скит, в котором в 1898 г. Владыка Серафим принял иночество, святой праведный Иоанн Кронштадтский, бывший митрополиту духовным отцом... — все эти события и образы по-особенному сближали двух мудрых пастырей. В течение двух лет

иеросхимонах Серафим и Владыка Серафим взаимно исповедовались и окормляли друг друга»*.

К преодолению иосифлянского раскола митрополит Серафим подходил постепенно, терпеливо разъясняя в своих проповедях опасность деятельности «иосифлян» для канонического единства Русской Православной Церкви в условиях ее преследования безбожной властью. В борьбе с «иосифлянами» Владыку Серафима поддержал епископ Мануил (Лемешевский), прибывший в Ленинград в апреле 1928 г. по приглашению Владыки Серафима.

Глубоко уважаемый многими православными христианами города за самоотверженную борьбу с петроградскими обновленцами в начале 20-х гг. епископ Мануил призывал своих многочисленных почитателей как среди паствы Владыки Серафима, так и среди «иосифлян»

* 1930 г. в связи с ухудшением здоровья старца Серафима митрополит Серафим, как правящий архиерей и как врач, благословил переезд старца в Вырицу, где был хороший для его здоровья климат.

сохранять церковное единство под омофором митрополита Сергия.

Особое значение для церковного единства в городе имела Божественная литургия, совершенная 29 апреля 1928 г. святителем Серафимом совместно с епископом Мануилом в Троицком Измайловском Соборе. Оба иерарха напомнили прихожанам о разрушительных для Церкви последствиях обновленческого раскола в Ленинградской епархии и призвали не допускать нового разделения среди православных христиан.

Выступления иосифлянских вождей с ультимативным требованием пересмотра митрополитом Сергием церковной политики и управленческих полномочий, возложенных на него Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Крутицким Петром, побуждали митрополита Серафима к более решительным действиям, включая, в частности, удаление из его епархии некоторых сблизившихся с «иосифлянами» священнослужителей. Так, например, стремясь сохранить в каноническом общении с митрополитом Сергием Свято-Троицкую Александро-Невскую

Лавру, Владыка Серафим в мае 1928 г. удалил с должности наместника Лавры епископа Шлиссельбургского Григория (Лебедева). Однако попытки «иосифлян» вызвать раскол в среде лаврского духовенства продолжались и привели к тому, что в пяти из семи храмов Лавры стали поминать за богослужением митрополита Иосифа, несмотря на то, что большинство их прихожан были на стороне святителя Серафима. Опираясь на поддержку большей части православных, сознавая необходимость действовать в рамках советских законов, митрополит Серафим призывал своих пасомых — мирян вступать в «двадцатки» иосифлянских храмов и добиваться там своего большинства.

В результате все большее число контролируемых «иосифлянами» приходов возвращалось к митрополиту Серафиму, а потерявшие свои позиции «иосифляне» все чаще стали обращаться за защитой к богоборческой власти, компрометируя себя в глазах православных христиан «города на Неве». Несомненно, что для полного умиротворения епархии требовались время и кропотливая архипастырская работа.

Однако процессу постепенного преодоления раскола помешали органы ГПУ. Чекисты вовсе не были заинтересованы в мирном урегулировании конфликта. Не для того они его спровоцировали. Раскол, инициированный Тучковым и искусно им поддерживаемый, был прекрасным и долгожданным поводом для учинения расправы над Церковью. Сразу же после отделения митрополита Иосифа от Московской Патриархии и образования «иосифлянско-го движения» последовали аресты и закрытия властями приходов церковной оппозиции. Эти репрессии не только нанесли урон делу умиротворения Церкви, но и бросили зловещую тень на митрополита Сергия и его сторонников, действующих, якобы, заодно с безбожной властью. В действительности, конечно, этого не было. В государстве, которое поставило перед собой цель уничтожения религии, вообще не существовало церковной политики, которая обеспечила бы Церкви мирное существование. В 1927 г. увидеть это и разгадать замыслы властей было нелегко. Митрополит Сергей искренне поверил в обещания чекиста Тучкова легализовать

Церковь. В надежде найти компромисс, позволявший узаконить положение гонимой Церкви, митрополит и составил текст «Декларации». На самом же деле «Декларация» понадобилась властям не для упорядочения церковной жизни, а для организации внутрицерковного раскола. Вместе с тем, властям необходим был и повод для новых, широкомасштабных гонений на Церковь.

Деятельность митрополита Серафима по преодолению «иосифлянского» раскола в Ленинградской епархии дала свои результаты. Ему удалось убедить церковный народ проявить высокое духовное сознание и ликвидировать «иосифлянский» раскол, покидая «иосифлянские» храмы. В итоге «иосифлянские пастыри» оказывались без паствы. Если в начале 1928 г. из более чем 150 приходов Ленинградской епархии 59 примкнуло к митрополиту Иосифу, то уже к 1 марта 1931 г. действующих православных храмов осталось всего 85, и только 4 из них были «иосифлянскими». А в 1933 г. в епархии оставалось лишь два официально зарегистрированных «иосифлянских» приходских храма¹¹⁴. Как видим, иосифлянское движение в «городе

на Неве» к этому времени было почти ликвидировано.

За годы служения Владыки Серафима в Ленинградской и Новгородской епархиях его архипастырский авторитет постоянно возрастал. Ярким свидетельством этого стало создание православными христианами города в сентябре 1930 г. «Общества митрополита Серафима» при Троицком Измайловском соборе. Митрополитом Ленинградским Владыка Серафим прослужил пять лет, являясь серьезной помехой для тех, кто вынашивал планы уничтожения Церкви в России. В Ленинградской епархии, как и по всей стране, происходило с нарастающей силой ужесточение репрессивной государственной политики по отношению к Церкви, производились аресты православного духовенства, закрывались приходские храмы.

Митрополит Серафим предвидел то, что его исповеднической деятельности скоро наступит конец. Его предчувствия подтвердила трагическая история одного из выдающихся иерархов XX в. — архиепископа Верейского Илариона (Троицкого), викария Московской епархии. 28 декабря

1929 г. этот соловецкий узник скончался от тифа в ленинградской тюремной больнице. Его тело в грубо сколоченном гробу было выдано его родственникам. Когда гроб открыли, митрополит Серафим увидел до крайности изможденного старика, в которого превратился после шести лет заключения 43-летний архиепископ Иларион, отличавшийся высоким ростом и крепким здоровьем. Тело архиепископа Илариона было переложено в новый гроб. Облачив святителя Илариона в собственные белые архиерейские ризы и возложив на его главу свою митру, митрополит Серафим вместе с другими шестью архиереями совершил торжественное отпевание исповедника, а затем — его погребение рядом со своей резиденцией на кладбище Новодевичьего монастыря. Отдавая свое архиерейское облачение почившему исповеднику архиепископу Илариону, святитель Серафим как бы предвидел, что ему самому не уготовано погребение по церковному чину и что после мученической кончины, без облачения в архиерейские ризы, он будет брошен в братскую могилу палачами.

Он прекрасно осознавал, что его успехи в восстановлении церковного мира среди епархиального духовенства и мирян будут чреваты для него неизбежным столкновением с безбожными властями, тем более что репрессии против Церкви по всей стране в конце 1920-х гг. значительно усилились.

И все же на протяжении всего своего пребывания в Ленинградской епархии мужественно преодолевая всевозможные препятствия и угрозы от государственных органов и смиренно терпя хулу и клевету, распространявшуюся из среды сторонников митрополита Иосифа, святитель Серафим последовательно стремился сохранить духовное и каноническое единство церковной жизни во вверенной ему митрополитом Сергием епархии. Авторитет его в Церкви был огромен. Он оставался искренним русским патриотом и монархистом. Убеждений своих не скрывал. Согласно донесениям уполномоченных ОГПУ в контактах с ними митрополит Серафим заявлял, что «хотя он не согласен с компартией и расходится с ней», свою лояльность по отношению к советской власти он будет

сохранять. Тем не менее чекисты понимали, что он навсегда останется для них хитрым и опасным врагом.

Митрополит Серафим всегда был окружен духовными детьми. Многие из них поддерживали его во время тюремных заключений и ссылок материально и морально. Большое внимание он уделял глубоко верующим молодым людям, наставлял их на путь истинный и сам черпал в общении с ними силы и уверенность в том, что они станут продолжателями дела его жизни. Но был случай, когда ему пришлось столкнуться с предательством человека, которого он буквально выходил и поставил на ноги. Вот эта история, рассказанная А. Э. Красновым-Левитиным, автором книги «Лихие годы: 1925–1941»^{*} и Л. А. Головковой в ее статье «Последний подвиг священномученика Серафима (Чичагова)»^{**}.

^{*} Краснов-Левитин А. Э. «Лихие годы: 1925–1941». С. 115–116.

^{**} Головкова Л. А. «Последний подвиг священномученика Серафима (Чичагова)». XV Ежегодная богословская конференция. Материалы, 2005 г. С. 298–305.

Вскоре после переезда в Ленинград в 1928 г. в окружении митрополита Серафима появился подросток, сирота, недоучившийся студент Ленинградского института кинематографии. Оба упомянутых нами автора не называли имени этого человека. В семье потомков святителя Серафима знали его. Это — Никандр Савельев. Бывший студент стал сначала иподиаконом, а потом келейником митрополита Серафима. Владыка Серафим привязался к нему, как к сыну. Постриженный митрополитом в монашество и рукоположенный им во иеромонаха, этот человек сделал головокружительную карьеру, будучи возведен в свои 22 года в сан архимандрита и назначен секретарем Ленинградского епархиального совета. Доворя своему келейнику и помощнику, митрополит Серафим не допускал и мысли о том, что его духовный сын предаст его, станет осведомителем ОГПУ. Не выдержав бремени своего предательства, Савельев сам рассказал обо всем своему духовному отцу. Владыка Серафим по-христиански простил своего заблудшего сына. Между тем в ОГПУ стало известно о том, что их осведомитель нарушил данную им подписку

о неразглашении. Поводом для расправы с Савельевым мог быть грозивший ему призыв в армию. Накануне явки Савельева на призывной пункт митрополит Серафим принял решение спасти его от призыва в армию, направив его с поручением к проживавшим под Ленинградом иеромонаху Иннокентию и монахине Иннокентии, через которых осуществлялась тайная переписка архиереев с заграницей. Присвоив полученную от Владыки Серафима крупную сумму церковных денег и прихватив ряд ценных вещей самого митрополита, он бежал, но был пойман, судим и посажен в тюрьму на 10 лет. Эта беда обрушилась на митрополита совершенно неожиданно: зоркий и проницательный во всех других случаях, здесь он не разгадал проходимца. Это предательство причинило митрополиту Серафиму немалые душевные страдания, а безбожники и обновленцы не замедлили воспользоваться этой историей, чтобы усилить скорбь самого митрополита и попытаться скомпрометировать его в глазах людей. Эта история имела продолжение, и мы к ней еще вернемся.

Начало 30-х годов было отмечено новой волной репрессий со стороны советских карательных органов против так называемых «черносотенно-клерикальных кругов», ставивших своей задачей, по оценке ОГПУ, «объединение под флагом Церкви всех контрреволюционных сил для свержения советской власти и реставрации монархии». В начале 1931 и в 1932 гг. ОГПУ объявило о ликвидации контрреволюционной монархической организации церковников, так называемой «Истинно-православной Церкви». Богоборческая природа большевистской власти проявлялась с каждым годом все более ожесточенно и изоциренно. Становилось очевиднее, что в недрах ОГПУ зрели новые планы усиления репрессий против иерархов, включая аресты и физическую расправу.

Тяжелый удар по Ленинградской епархии был нанесен богоборческой властью весной 1933 г. при проведении в Ленинграде паспортизации населения. В паспортах было отказано примерно 200 священнослужителям, включая митрополита Серафима, и под угрозой ареста им было предложено покинуть город.

Отслужив 24 октября 1933 г. в храме своей юности — в Спасо-Преображенском соборе — Божественную Литургию, вечером того же дня Владыка Серафим выехал из Петербурга в Москву. Отдавший все силы Ленинградской епархии, 77-летний святитель Серафим подходил к концу своего архиерейского служения как правящий архиерей.

Телесные немощи Владыки Серафима и все возраставшая ненависть к нему государственной власти в Ленинграде, что делало весьма вероятным скорый арест святителя Серафима, побудили митрополита Сергия и Временный Патриарший Священный Синод 14 октября 1933 г. издать указ об увольнении Владыки на покой. Он навсегда покинул свой родной город, передав свою паству митрополиту Ленинградскому Алексию (Симанскому), (впоследствии — Святейший Патриарх Московский и всея Руси).

Последние годы жизни и мученическая кончина

Владыка Серафим вернулся в Москву и временно остановился в резиденции митрополита Сергия (Страгородского), находившейся в Бауманском переулке недалеко от Елоховского Богоявленского кафедрального собора. По дороге в Москву он простудился и слег с воспалением легких. Болезнь усугубил сердечный приступ, случившийся на следующий день после приезда в Москву. Стали подыскивать подходящее жилье и в итоге сошлись на том, что для здоровья Владыки Серафима ему лучше жить не в самой Москве, а за городом.

В начале 1934 г. он поселился в Малаховке, а затем решил переехать на станцию Удельная Казанской железной дороги. В апреле 1934 г. в одном из своих писем он писал: *«Лично я намереваюсь в апреле (1934 г.—авт.) перебраться на дачу. Думаю, что сердце теперь выдержит путешествие, когда*

можно будет дышать свободно теплым воздухом»¹¹⁵. В Удельной по адресу: улица Песчаная, дом 8, он арендовал полдома. Это были две небольшие пятиметровые комнаты и кухня. В одной комнате была устроена спальня Владыки Серафима, с большим количеством книг, икон и с рабочим письменным столом. Другая комната отведена под столовую-гостиную. Здесь стояли обеденный стол, фисгармония и диван; на стене висел большой образ «Спаситель в белом хитоне».

Однако нельзя назвать спокойными и безмятежными последние годы жизни митрополита в Удельной. В одном из своих писем, датированном 28 ноября 1934 г., он с грустью писал: «...при моей неподвижности по причине болезни, всякое участие в делах немислимо; я сижу в своем дачном домике в полном одиночестве. С наступлением зимы еще меньше будут меня посещать дети и 2–3 знакомых добрых людей. Все это приемлемо для меня, если бы нравственный покой, нарушенный два года назад, вернулся бы ко мне. Огорчают меня еще вести из Ленинграда... везде новая волна, сносящая остаток порядочных пастырей, и нахальные выступления расколов»¹¹⁶.

Владыку Серафима беспокоила судьба его дочерей. Обстоятельства их жизни в эти годы сложились таким образом, что Наталия, Леонида и Екатерина могли лишь изредка встречаться с отцом. Старшая дочь Вера жила в Муроме. Одна воспитывала сына. С отцом связи не поддерживала.

25 декабря 1933 г., т. е. вскоре после отъезда отца «на покой» в Москву, Наталия была арестована, осуждена по обвинению в оказании помощи репрессированным священникам и выслана в «Северный край» сроком на три года. Она жила в Вологде по адресу: Малая Кизленская, дом 32, куда о. Серафим в меру своих ограниченных возможностей изредка отправлял ей посылки с продуктами. Наталия страдала стенокардией. Несколько месяцев лежала в больнице.

Екатерина, несмотря на свое слабое здоровье, выехала к Наталии в Вологду, а когда здоровье Наталии пошло на поправку, она вернулась к своей семье в Москву. После освобождения из ссылки Наталии довелось навестить больного отца незадолго до его ареста и казни. В 1938 г. ее повторно арестовали и опять выслали

в Вологду, где она умерла от приступа астмы.

Леонида работала в Москве в туберкулезных санаториях «Захарьино» и «Высокие горы», а с 1936 г. — старшей медсестрой в клинике 1-го Московского медицинского института. В 30-е годы в самый разгул репрессий против «чуждых власти элементов» митрополиту Серафиму стало известно, что муж Леониды, которого считали погибшим на русско-германском фронте, не погиб, а попал в германский плен, остался в Германии и разыскивал ее через Красный Крест. Но Владыка счел за благо не сообщать об этом Леониде, опасаясь, что сам факт нахождения ее мужа за границей мог быть использован органами НКВД как повод для того, чтобы погубить Леониду и ее дочерей.

Изредка Владыку Серафима посещали родственники, духовные дети и друзья митрополиты Алексей (Симанский) и Арсений (Стадницкий), приезжавшие на заседания Священного Синода.

На даче в Удельной бывал и митрополит Сергей (Страгородский), который советовался с многоопытным иерархом

Дочь о. Серафима, Наталия Леонидовна, 1933 г.

по вопросам решения административно-церковных дел.

Соседи по даче уже давно обратили внимание на старца, который, как они догадывались, занимал видное положение среди иерархов Русской Православной Церкви. У ограды этой дачи нередко можно было увидеть простых людей, как видно, прибывших издалека, чтобы передать своему пастырю принесенные с собой крынку молока, лукошко с яйцами, банку земляники, каравай свежесдобитого хлеба. Эти посетители явно жалели старца и, когда им удавалось увидеть его, они осеняли себя крестным знаменем и с грустью смотрели на него, как бы предчувствуя, какая мученическая кончина ждет его впереди. А он жил тихо, молился перед дорогими для него иконами, много читал, размышляя над богословскими сочинениями. Иногда садился за фисгармонию и долго-долго играл известную духовную музыку или сочинял сам. Его лирическая музыка последних лет носит исповедальный характер и воспринимается как «искреннее музыкальное высказывание, как эмоциональный всплеск или вздох страдающего сердца»¹¹⁷.

*Митрополит Серафим вместе с родными
и келейницами и родными на даче в Удельной.
В нижнем ряду: Таня Семенова (внучка
Екатерины Леонидовны) и Марианна
Малышева (внучка Леонида Леонидовны)*

Все это время вплоть до последнего ареста Владыки Серафима в ноябре 1937 г. рядом с ним находились две его верные келейницы монахини Воскресенского Феодоровского монастыря Вера и Севастиана.

В 1936–1937 г. у Владыки в Удельной жила его внучка Варвара, крестным отцом которой он был. С большой теплотой и любовью она вспоминала своего деда: «Он был высокого роста, красив, с голубыми глазами, седой бородой, окаймляющей его лицо, в меру полный. Руки у него были очень добрые, ласковые...

Каждый вечер возвращаясь с работы, я знала, что дедушка ждет меня, чтобы рассказать что-нибудь интересное и благословить на ночь. На стене висел большой образ Спасителя в белом хитоне, написанный дедом. Под ним стоял диван, на котором я спала». И далее: «...Хорошо помню, как отмечался его 80-летний юбилей. Это было летом. Погода была чудная. Празднество проходило на террасе. Были все три дочери — Наталия, Леонида и Екатерина, я и моя сестра (Леонида). Тетя Катя была со своей внучкой Таней, а моя сестра со своей дочкой Мариамной. Помню, как

дедушка с любовью сажал их на колени, а Марьяша трепала его за бороду и называла его “дедушка-прадедушка”¹¹⁸.

В 1937 г. митрополиту Серафиму шел 82-й год. Но ясность его ума была поразительна. Чем тверже становился дух святителя Серафима, тем неможнее становилось его тело: к развивавшейся в течение многих лет гипертонии присоединилась болезнь сердца, вызвавшая водянку, в результате которой он с трудом передвигался и из дома практически не выходил. Он имел доброе, истинно христианское сердце, мгновенно откликался на нужды ближних. До конца дней своих он оставался **пламенным** служителем Православия, оправдывая свое имя Серафим, которое, как было сказано выше, в переводе на русский язык значит «пламенный». В «Житии священномученика Серафима (Чичагова)» говорится, что три года, проведенные им в деревенской тиши, «дали счастливую возможность подвести последние жизненные итоги и приуготовить себя к встрече со Христом Спасителем, Божественный лик Которого созерцал святитель на написанном им большим образом Спасителя в белом хитоне»¹¹⁹.

В этой иконе воплотился молитвенный дух Владыки Серафима, которому сокровенная молитва давала возможность не отчаиваться при любых обстоятельствах и вселяла надежду на лучшее будущее.

Незадолго до своего последнего ареста митрополит Серафим говорил: *«Православная Церковь сейчас переживает время испытаний. Кто останется сейчас верен Святой Апостольской Церкви – тот спасен будет. Многие сейчас из-за преследований отходят от Церкви, другие даже предают ее. Но из истории хорошо известно, что и раньше были гонения, но все они окончились торжеством христианства. Так будет и с этим гонением. Оно окончится, и православие снова восторжествует. Сейчас многие страдают за веру, но это – золото очищается в духовном горниле испытаний. После этого будет столько священномучеников, пострадавших за веру Христову, сколько не помнит вся история христианства»*¹²⁰.

По рассказам самого Владыки Серафима, день его кончины был предсказан о. Иоанном Кронштадтским, который неоднократно повторял: «Помни день Трех Святителей». Владыка Серафим каждый год готовился к смерти в этот день.

*Последние дни перед расстрелом.
Фото из следственного дела Л.М. Чичагова*

Дочерям хотелось узнать настоящий день его смерти. Рассказывают, что его дочь Наталия видела сон: навстречу ей идет сияющий отец и говорит ей: «Ну, конечно, в день Трех Святителей»¹²¹.

Последним годом земного бытия Владыки Серафима стал 1937-й, открывший начало пятилетнего периода ни с чем не сравнимого в мировой христианской истории массового уничтожения православных христиан. Небывалые по масштабу расстрелы 1937–1938 гг. были следствием решения Политбюро ВКП (б) от 2 июля 1937 г. о проведении широко-масштабной операции по репрессированию целых групп населения. Во исполнение этого решения вышел оперативный приказ № 00447 от 30 июля 1937 г. наркома внутренних дел Н. Ежова, который предписывал карательным органам начать с 5 августа 1937 г. в масштабах всей страны «операцию по репрессированию активных антисоветских элементов». Так называемые активные антисоветские элементы разбивались на две категории: к первой категории относились «все наиболее враждебные из перечисленных выше

элементов», которые подлежали «немедленному аресту и по рассмотрении их дел на “тройках” — расстрелу». Это было начало массовых политических репрессий в СССР, известных как «Большой террор». Один за одним уходили из жизни иерархи и другие верующие, увенчавшие свой исповеднический подвиг пролитием крови за Христа.

В конце сентября 1937 г. на пороге дома в Удельной неожиданно появился бывший секретарь митрополита Серафима Никандр Савельев, который сообщил, что бежал из заключения и намерен перебраться за границу. Его безоговорочно приютили. Прожив у Владыки Серафима месяц, он отправился в Ленинград к духовным чадам митрополита. Везде занимал деньги, якобы нужные ему для побега за границу. Затем он вернулся в Москву и... явился «с повинной» в НКВД, предложив свое сотрудничество. На первом же допросе он сообщил следователям, что в Москве он скрывался у митрополита Серафима в Удельной. Это было накануне последнего ареста Владыки Серафима, когда он совершил подвиг всепрощающей пастырской

любви. Не ведая вреда, причиненного ему признательными показаниями его непутевого духовного сына, Владыка Серафим не выдал его. На вопрос следователей, когда он в последний раз видел Савельева, митрополит Серафим ответил: «Перед его арестом в 1933 г.»¹²².

30 ноября 1937 г. у дома, где проживал митрополит Серафим, остановилась черная крытая машина, от одного вида которой у простого обывателя в жилах стыла кровь. Это был один из тех арестантских автозаков («черных воронок»), которые ездили по оцепеневшим от страха городам, селам и деревням, доставляя в застенки НКВД все новые и новые жертвы. Так, несмотря на заступничество митрополита Сергия, о. Серафим был арестован. Прикованный к постели 82-летний святитель не мог передвигаться самостоятельно. Он был вынесен из дома на носилках и доставлен в Таганскую тюрьму в машине «скорой помощи».

Обыск и арест проводил сотрудник оперативного отдела УГБ Управления НКВД по Московской области В. Т. Сенькин. При аресте были изъяты рукопись второго

тома «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», книги, музыкальные произведения, личная переписка, фотографии, иконы, облачения, а также каучуковая и медная печати с именем митрополита Серафима. Последние были уничтожены как «не представляющие ценности».

В момент ареста деда его внучка Варя находилась у матери в Москве. Об аресте деда ей сообщили на следующий день. Стараясь узнать, куда увезли святителя Серафима, она и другие родственники в отчаянии обошли все известные им тюрьмы — Лубянскую, Таганскую, Лефортовскую, — но везде был один ответ: митрополита Серафима здесь нет.

А между тем с момента ареста до 11 декабря 1937 г. он находился в Таганской тюрьме, где «с пристрастием» его допрашивали следователи 4-го отдела УГБ УНКВД по Московской области — сержант госбезопасности Сенькин, старший лейтенант госбезопасности Булыжников и начальник того же отдела, капитан госбезопасности Персиц.

Допросы в НКВД в то время сбоек практически не давали. «Слабые» уличали

«врагов» десятками, сильные называли только одно имя — свое собственное. Таких, кто ни в чем не признавался под пытками, были единицы. Одним из таких исключительных людей был и митрополит Серафим. Несколько дней мучители пытались сломить волю физически беспомощного старца, который в одиночку с величием христианского первоученика противостоял гонителям Церкви. Почему он выстоял? Ведь от него требовали не отречения от веры, а лишь слов: «Я виновен». Думал ли он, что, дав ложные показания, он опорочит свой сан, или ему помогли выстоять понятия о чести, которые он, гвардейский офицер в отставке, сохранил на всю жизнь? Как видно из материалов допросов Владыки Серафима, содержащихся в «однотомнике» дела № 7154, виновным он себя не признал, несмотря на зверские истязания, которым был подвергнут в тюрьме.

Параллельно с допросами Владыки Серафима следователи Булыжников и Куликов обрабатывали «свидетелей обвинения» — некоего Павла Андреевича Глазунова, работавшего печником и «очень

редко посещавшего митрополита», будучи «как бы его почитателем», и некоего Михаила Михайловича Тулузакова, «служителя культа». Нет необходимости воспроизводить здесь так называемые «показания» этих «свидетелей», написанные под диктовку следователей, перед которыми стояла единственная задача — обвинить святителя Серафима в преступлении, предусмотренном статьей 58, п. 10, ч. 1 Уголовного Кодекса РСФСР («контрреволюционная монархическая агитация»).

Светом мученичества освящены многие страницы его следственного дела. Его не могут затемнить ни клеветнические измышления следователей, ни грязные лжесвидетельства.

Следственное дело № 7154 по обвинению Чичагова Л. М. по ст. 58, п. 10, ч. 1 УК РСФСР было направлено на рассмотрение Судебной «тройки» при Управлении НКВД Московской области, которая постановила: Чичагова Л. М. расстрелять. Сохранилась последняя фотография о. Серафима, сделанная в тюрьме: изможденное лицо мученика, но на этом лице — отблеск высокой и несгибаемой силы духа!

7 декабря 1937 г. «тройка» НКВД по Московской области, уже вынесшая в этот день несколько десятков смертных приговоров, приняла постановление о расстреле митрополита Серафима. Почти 50 приговоренных к смерти страдальцев расстреливали ежедневно в течение нескольких дней на месте массовых казней в подмосковном Бутове. 11 декабря 1937 г. с последней группой приговоренных был расстрелян и священномученик митрополит Серафим. К месту казни его, истерзанного пытками, но не сломленного духом, палачи принесли на носилках... Строгий ревнитель церковных традиций и вдохновенный архипастырь, священномученик митрополит Серафим на 82-м году своей благочестивой жизни мужественно воспринял смерть за веру и Церковь.

В череде многих десятков тысяч мученических смертей кончина Владыки Серафима явилась исполненной особого подвижнического величия и достоинства, чего нельзя сказать о кончине предавшего его Никандра Савельева, расстрелянного на том же Бутовском полигоне 19 января 1938 года.

10 декабря 1937 г., то есть накануне расстрела Владыки Серафима, в его дом, где жили и трудились его келейницы, явились чекисты с ордером на арест монахини Веры (А. Л. Втюриной). Монахиня Севастиана (С. Х. Агеева-Зуева), которой уже тогда было шестьдесят пять лет, добровольно пошла с ней в тюрьму. На допросах они обе вели себя бесстрашно, советскую власть называли антихристовой и сатанинской, но не упомянули ни одного имени из окружения митрополита. Они были осуждены на 8 лет лагерей. Матушка Севастиана умерла в тюрьме, а матушка Вера, отсидев 5 лет в лагере, вернулась из заключения и поселилась у своей племянницы под Вяткой, где умерла в 1961 г.

* * *

Тернист и многострадален был жизненный путь Леонида Михайловича Чичагова — митрополита Серафима.

С ним вместе по жизни шли его дочери, которых он нежно любил и для которых сделал всё, чтобы они получили благородное воспитание, хорошее образование, хранили в чистоте нравственные

традиции Православия и горячо любили свое Отечество. Их отличительными чертами были доброта и отзывчивость, милосердие и сострадание. Сначала Наталия, а затем Леонида и в конце своей жизни Вера пошли по стопам своего отца. Наталия и Леонида приняли монашество с именем Серафима, а Вера — с именем Вероника.

Младшая дочь Екатерина не последовала примеру своих сестер. Она посвятила себя своей семье, отдавшись целиком заботам о муже и о воспитании своих детей.

Реабилитация и канонизация

Материалы для посмертной реабилитации и канонизации митрополита Серафима (Чичагова) были собраны его внучкой Варварой Васильевной Чёрной.

За годы, прошедшие со времени трагической кончины ее деда, она, благодаря природным способностям и ценой собственного упорного труда, взошла на вершины науки, стала крупным специалистом по каучуку и его заменителям (латексам), явилась автором 150 научных работ и 36 изобретений, была удостоена высоких ученых степеней и званий, отмечена правительственными наградами, стала лауреатом Государственной премии СССР.

Выйдя в возрасте 72 лет на пенсию, Варвара Васильевна все чаще стала обращать свои мысли к деду. Собрать все сведения о нем, восстановить его образ в народной памяти было ее главной целью. «Не каучук,

а дед был объектом моего напряженного любопытства: почему он так жил, что думал, что чувствовал?», — вспоминала она. — «...Причиной того, что я занялась его биографией, была не моя воля, а его. Он потребовал, чтобы я отплатила за ту помощь и поддержку, которую он мне оказывал... Спасибо деду еще за одно — за самое ценное. Чтобы понять его жизнь, мне пришлось читать много духовной литературы, ...я все больше начала осознавать всю тщету мирских устремлений и необходимость спасти свою душу для вечности»¹²³. Для смирения гордыни она в 1986 г. встала за свечной ящик в храме Илии Обыденного на Остоженке. Ее рабочее место в храме находилось напротив написанного ее дедом и чудом сохранившегося в этом храме образа «Спасителя в белом хитоне», который согревал ее сердце и душу, напоминая о любимом деде. Священник храма протоиерей Александр Егоров как-то сказал Варваре Васильевне, что ей надо повторить подвиг ее матери Леониды, то есть уйти в монастырь. Но в тот момент она считала себя еще слишком земной и не готовой к такому шагу. В течение шести лет она несла послушание

за свечным ящиком. Параллельно у себя на дому она вела православные семинары с участием столичной интеллигенции.

Мысль о собирании материалов о жизни ее деда и об издании его военно-исторических, медицинских и богословских трудов пришла к Варваре Васильевне после вещего сна. «Мне приснилось, — вспоминала она, — что дедушка входит в большую комнату. Я вижу, что он куда-то спешит, собирается уезжать. Прошу взять и меня с собой. А он берет меня крепко за голову, прижимает к груди и говорит: “Нет-нет, ты должна послужить, ты мне послужи”»¹²⁴. После долгих раздумий и советов со священниками Варвара Васильевна решила собирать материалы о жизни деда и его труды. Предметом ее особого интереса был поиск рукописи второй части «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», которая была изъята органами ГПУ-НКВД во время одного из двенадцати обысков, которым подвергался ее дед в советское время. Однако найти эту рукопись ей, к сожалению, так и не удалось.

Просматривая прежде издававшиеся книги и рукописи святителя Серафима,

найденные в московских библиотеках и архивах, Варвара Васильевна все больше убеждалась в том, какой масштабной личностью был ее дед. Она стала встречаться с митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием, чтобы познакомить его с результатами своих поисков и получать его добрые советы о том, как добиться реабилитации и восстановления доброго имени ее деда.

В 1988 г. Варвара Васильевна подала в Комитет государственной безопасности РСФСР заявление о реабилитации своего деда. Долгие поиски, ходатайство об открытии доступа к архивам КГБ принесли, наконец, результаты. Из Московской областной прокуратуры, занимавшейся делами по реабилитации, Варваре Васильевне официально сообщили, что митрополит Серафим был осужден за «контрреволюционную монархическую агитацию» ОСО УНКВД и расстрелян 11 декабря 1937 г.

Московская областная прокуратура рассмотрела в порядке надзора дело № 7154 по обвинению Чичагова Л.М. Прокурор, Государственный советник

юстиции В.П. Наместников, проанализировав материалы дела, пришел к заключению¹²⁵ о том, что:

— анализ показания свидетелей по делу позволяет сделать вывод об **отсутствии** в высказываниях Чичагова **признаков антисоветской агитации и пропаганды;**

— в материалах дела **отсутствуют данные** о том, что Чичагов преследовал **цель подрыва или ослабления советской власти;**

— в ходе обыска, проведенного на квартире у Чичагова в момент ареста, **каких-либо доказательств, свидетельствующих о принадлежности Чичагова к контрреволюционной организации, не получено;**

— по делу **допущены грубые нарушения уголовно-процессуального закона:** уголовное дело не возбуждалось, арест Чичагова не санкционирован прокурором, обвинение не предъявлялось, по окончании следствия обвиняемый с материалами дела не ознакомлен, обвинительное заключение не утверждено прокурором.

На основании вышеизложенного прокурор В.П. Наместников **направил**

в прокуратуру просьбу: **постановление «тройки» при УНКВД СССР по Московской области от 7 декабря 1937 г. по делу Чичагова отменить, дело производством прекратить за отсутствием в действиях Чичагова Л. М. состава преступления.**

10 ноября 1988 г. Президиум Московского областного суда на основании протеста прокурора Московской области принял решение о реабилитации митрополита Серафима (Чичагова). Постановление «тройки» при УНКВД СССР по Московской области от 7 декабря 1937 г. было отменено как «незаконное» и дело прекращено «за отсутствием состава преступления»¹²⁶.

Получив справку о реабилитации своего деда, Варвара Васильевна обратилась 4 декабря 1988 г. к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Пимену с просьбой, касающейся митрополита Серафима: «дать указание поминать его имя и молиться за него в Церкви» и «разрешить и дать указание совершить отпевание убиенного митрополита Серафима по чину, соответствующему его званию». В этот же день она написала прошение митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювеналию

и просила его поддержать ее ходатайство, направленное Святейшему Патриарху. После получения ответа из прокуратуры оставалось еще немало невыясненных вопросов; в том числе — где захоронен, как найти могилу, чтобы поклониться его праху.

В 1989 г. в квартире Варвары Васильевны раздался телефонный звонок. Звонила Ксения Федоровна Любимова, скромная подвижница, занимавшаяся поиском свидетельств о жертвах гонений на Русскую Православную Церковь в 1937–1938 гг.

«Хотите знать, где похоронен митрополит Серафим?», — спросила она Варвару Васильевну. И ответила: «В Бутове под Москвой». Варвара Васильевна несколько раз ездила на Бутовский полигон, с трудом пробиралась через ограждения из колючей проволоки, но там были только «растительные рвы», поросшие сорной травой и борщевиком...

«Жизнь людей, взятых неожиданно из мира и поставленных на духовный путь, особенно многотрудная и многоскорбная»¹²⁷, — вспоминала она слова, когда-то сказанные ее дедом.

Получив в архиве КГБ следственное дело своего деда, Варвара Васильевна

узнала дату его расстрела и нашла подтверждение места, где произошла эта расправа. Но она решила продолжить работу в различных архивах и учреждениях с тем, чтобы установить имена всех священников, принявших мученическую кончину на расстрельном полигоне в Бутове.

На первых порах ей удалось получить из правозащитного общества «Мемориал» список из 306 имен. Каждое имя из этого скорбного списка Варвара Васильевна сверяла с данными архива КГБ и, где это было возможно, с записями в церковных книгах тех приходов, где служили погибшие. Это было начало большой и кропотливой работы, в которой ей помогали многие люди, — священнослужители, архивные работники, члены правозащитного общества «Мемориал».

1994 г. был для Варвары Васильевны поистине переломным в ее жизни. Митрополит Ювеналий, ставший ее духовным наставником, умело и деликатно подвел ее к мысли о принятии монашества. В возрасте 80 лет 13 октября того же года она была пострижена в монашество с именем Серафима — в честь преподобного

*Игуменья Серафима и ее духовный наставник –
митрополит Крутицкий и Коломенский
Ювеналий*

Серафима Саровского, и вскоре после этого возведена в сан игумении с вручением игуменского жезла — жезла настоятельницы Московского Богородице-Смоленского Новодевичьего монастыря.

Одним из первых деяний игумении Серафимы была передача Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II через митрополита Ювеналия списка расстрелянных в Бутове священнослужителей. Имя ее деда — митрополита Серафима — открывало этот список. По благословению Святейшего Патриарха Алексия II место их гибели было освящено 8 мая 1994 г.

Игумения Серафима стояла у истоков создания на Бутовском полигоне мемориального комплекса, места паломничества — для молитвенного поклонения новомученикам и исповедникам Российским.

Именно по ее инициативе там был поставлен крест-голубец работы скульптора Д. М. Шаховского — сына православного священника Михаила Шика, расстрелянного на Бутовском полигоне в 1937 г. 5 мая 1994 г. памятный крест был освящен. Освящение совершили архиепископ Сергей

и епископ Арсений в сослужении сонма духовенства Москвы и Московской области.

Игуменья Серафима была одним из инициаторов создания общины и строительства храма во имя Новомучеников и исповедников Российских в Бутове. В сентябре 1994 г. Святейший Патриарх Алексий II благословил образовать общину храма (10 человек из родственников погибших на полигоне) для сооружения храма во имя святых новомучеников и исповедников Российских.

Трудами общины верующих непосредственно на месте захоронений был возведен в стиле древних русских церквей небольшой деревянный храм по проекту Д. М. Шаховского. Деревянный храм не требовал фундамента, устройством которого могли быть потревожены останки жертв расстрелов. Это «Храм-на-Крови»: его алтарь вплотную подходит к одному из расстрельных рвов. 12 ноября 1996 г. было совершено освящение этого храма. Стараниями префекта Центрального административного округа г. Москвы А. И. Музыкантского были изготовлены и по благословению игуменнии Серафимы

освящены 20 каменных плит, на каждой из которых было выбито по 20 имен погибших священников. Такое количество мемориальных плит не уместилось внутри храма. Поэтому их пришлось установить под открытым небом, в церковной ограде.

Контраст маленькой деревянной церкви и такого большого количества мемориальных плит наводил на мысль о том, что со временем на бутовской земле будет построен монументальный каменный храм. Так оно и произошло в 2007 г., когда по проекту архитекторов А. Н. Оболенского и М. Ю. Кесслера недалеко от мест массовых захоронений был возведен каменный храм-памятник — храм Воскресения Христова, а также Новомучеников и Исповедников Российских. Пять шатров храма образуют в плане крест — символ этого места, получившего скорбное название — «Русская Голгофа». Настоятелем этого храма является протоиерей Кирилл Каледа, внук расстрелянного на Бутовском полигоне священномученика — священника Владимира Амбарцумова.

Рядом с каменным храмом установлен 12-метровый Поклонный крест,

*Деревянный храм Новомучеников
и Исповедников Российских, построенный
на территории Бутовского полигона.*

Фото автора

вырезанный в кресторезной мастерской Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря.

Эти два храма и кедровый большой поклонный крест образуют мемориальный комплекс, у истоков создания которого и стояла игумения Серафима. И если ей при жизни не довелось увидеть полного воплощения этого проекта, то она смогла подготовить следующий после полной реабилитации ее деда шаг — его канонизацию.

Под руководством своего духовного наставника, митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, игумения Серафима активно занималась собиранием и публикацией материалов, которые стали основой для канонизации митрополита Серафима.

Ее стараниями в 1993 г. увидели свет труды из богословского наследия митрополита Серафима (в двух томах). Игумения Серафима назвала этот сборник «Да будет воля Твоя»*. В этих словах из Молитвы Го-

* Игумения Серафима подготовила к переизданию составленный ею сборник сочинений митрополита Серафима, дополнив его первое издание

сподней — весь смысл жизни и подвига священикомученика митрополита Серафима.

Стараниями игумении Серафимы были также опубликованы материалы, освещающие жизненный путь митрополита Серафима, — из архива Л. М. Чичагова, полученные из Рукописного отдела Российской Государственной Библиотеки. Игуменья Серафима сумела издать почти все труды митрополита Серафима: богословские, военно-исторические, медицинские. В этой нелегкой работе ей помогало благословление старца архимандрита Иоанна (Крестьянкина) на издание трудов митрополита Серафима — «для пользы тех, кто входит сейчас в Церковь». В письме псково-печерского старца, адресованном матушке Серафиме, говорилось: «...Вам по родственному преемству хорошо бы

материалами о его канонизации и новыми главами, посвященными двум святителям — священикомученикам митрополиту Серафиму и архиепископу Илариону, рассказом о Бутовском полигоне. В сборник также включен ряд новых документов и фотографий из семейного архива родственников игумении Серафимы.

войти в труд дедушки малой лептой своих усилий. И как преподобный Серафим поклонился священномученику Серафиму, так желаю и Вам получить мзду любви от своего великого пред Богом родственника.

Время коротко, и труды Ваши нужны не столько им, сколько нам и живущим с нами и после нас. Они-то уже во свете непреступном, а малый свет нашей любви к ним не привлечет ли в сгущающуюся тьму земной жизни нашей лучи присносущего Божественного света. Думаю, что Божие благословение уже пребывает на Ваших благих намерениях молитвами дедушки Вашего. А я лишь с радостью присоединяю и свои молитвы к его всемогущему представительству о Вас»¹²⁸.

Следует отметить, что в подготовку материалов для канонизации важный вклад внесли Региональный Общественный Фонд «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви» и группа мирян под руководством игумена Дамаскина (Орловского), занимавшихся церковно-историческими исследованиями.

Собранные материалы о служении и мученической кончине митрополита

Серафима (Чичагова) были вполне достаточными и убедительными для того, чтобы на Архиерейском Соборе он был причислен к лику святых.

По благословению председателя Синодальной комиссии Русской Православной Церкви по канонизации святых митрополита Ювеналия член комиссии, преподаватель Санкт-Петербургской Духовной академии священник Георгий Митрофанов подготовил «Житие священномученика митрополита Серафима (Чичагова)». Следует отметить, что в адрес Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия и возглавляемой им Синодальной комиссии по канонизации святых поступило немало обращений настоятелей храмов с просьбой рассмотреть вопрос о прославлении митрополита Серафима (Чичагова) в лике святых. Также, например, в своем письме игумена Сергия, настоятельница Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского женского монастыря писала о том, что в ее монастыре «сугубым образом почитается блаженной памяти митрополит Серафим (Чичагов).

Составленная им «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» имела решающее значение в деле прославления отца нашего — Серафима Саровского и всея России чудотворца... Ныне, когда монастырь после долгих лет запустения восстанавливается, труд приснопамятного митрополита Серафима имеет особое значение для утверждения в монастырской жизни установлений преподобного Серафима Саровского, данных ему Царицей Небесной. Памятны нам и близость митрополита Серафима к новопрославленному угоднику Божию святому праведному Иоанну, пресвитеру Кронштадтскому, блаженной Паше Саровской, игумении Марии (Ушаковой) и другим старицам Серафимо-Дивеевского монастыря, некоторые из которых видели преподобного Серафима Саровского; особое участие Владыки Серафима в торжествах 1903 г. по прославлению Преподобного, многолетние пастырские труды по послушаниям Русской Православной Церкви, участие в Поместном Соборе 1917–1918 гг., исповеднический подвиг в годы гонений на Церковь, закончившийся мученической кончиной за веру.

В Серафимо-Дивеевском монастыре совершается ежедневное поминовение митрополита Серафима во время Божественной литургии, панихиды и на монастырской трапезе. Дни памяти отмечаются заупокойными литургиями и особыми панихидами. Учитывая все вышеизложенное, Свято-Троице-Серафимо-Дивеевский женский монастырь просит Комиссию рассмотреть вопрос о подготовке материалов к прославлению митрополита Серафима (Чичагова) в лике святых»¹²⁹.

Подобные прошения поступили от настоятелей ряда московских церквей, в том числе — храма святителя Николая в Старом Ваганькове, храма Святых Страстотерпцев князей Бориса и Глеба в Зюзине, храма Живонаначальной Троицы в Троицком-Голенищеве.

Ознакомившись с указанными выше материалами и обращениями, члены Синодальной комиссии по канонизации святых представили предложение о прославлении в лике святых Преосвященного митрополита Серафима на заседании Священного Синода, проходившем 27 декабря 1996 г. под председательством Святейшего

Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Священный Синод заслушал доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия о результатах работы по вопросу о святительском служении и обстоятельствах мученической кончины митрополита Серафима (Чичагова) в связи с его прославлением в лике новомучеников Российских для общецерковного почитания и постановил передать вопрос о канонизации на решение очередного Освященного Архиерейского Собора.

Канонизация была совершена 23 февраля 1997 г. в нижней, Преображенской церкви храма Христа Спасителя, в последний день работы Архиерейского Собора Русской Православной Церкви.

Божественную Литургию совершил Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в сослужении 133 других иерархов. Текст Деяния Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви о канонизации священномучеников — Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Крутицкого Петра (Полянского; 1862–1937), митрополита Серафима (Чичагова; 1856–1937) и архиепископа

Фаддея (Успенского; 1872–1937) огласил митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, председатель Синодальной комиссии по канонизации святых. Обращаясь к молящимся, Владыка Ювеналий сказал: «Издrevле возлагая свои духовные упования на молитвенное заступничество пред Престолом Всевышнего святых угодников земли Российской, Русская Православная Церковь соборно свидетельствует о сугубом предстательстве за ее верных чад сонма новомучеников Российских, поименное прославление которых благоговейно осуществляется Церковью. По Промыслу Божию не только мученическая кончина, но и подвижническая жизнь многих новомучеников Российских оказалась запечатленной в соборной памяти Русской Православной Церкви для назидания будущих поколений ее верных духовных чад, дабы помнили они обращенные ко всем христианам слова святого апостола: “Живем ли — для Господа живем, умираем ли — для Господа умираем” (Рим. 14, 8)»¹³⁰.

После прочтения текста Соборного Деяния из алтаря были внесены иконы

священномучеников Петра, Серафима и Фаддея. На Божественной Литургии в Храме Христа Спасителя присутствовали внушки святителя Серафима — Леонидас Васильевна Малышева и Варвара Васильевна Черная (игумения Серафима), правнучка Марианна Анатольевна Юлина, пра-правнучка Вера Владимировна Юлина и автор этих строк. Надо было видеть, как просияли лица молящихся, когда Патриарх осенил их иконами священномучеников, а хоры Троице-Сергиевой Лавры пропели тропари и кондаки священномученикам Петру, Серафиму и Фаддею.

* * *

Память священномученика Серафима (Чичагова), митрополита Петроградского (†1937), совершается 28 ноября/11 декабря.

Тропарь, глас 5

Воинство Царя Небеснаго паче земнаго возлюбив, служитель пламенный Святых Троицы явился еси. Наставления Кронштадтскаго пастыря в сердце своем слагая, данная ти от Бога многообразная

У поклонного креста-голубца на Бутовском полигоне. Фото из журнала «Московские епархиальные ведомости» 2005, №11–12

дарования к пользе народа Божия премножил еси. Учитель благочестия и поборник единства церковного быв, пострадали даже до крове сподобился еси. Священномучениче Серафиме, моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 6

Саровскому чудотворцу тезоименит быв, теплую любовь к нему имел еси, писаньми твоими подвиги и чудеса того миру возвестив, верная к его прославлению подвигл еси и благодарственного посещения самаго преподобнаго сподобился еси. С нимже ныне, священномучениче Серафиме, в Небесных Чертозах водворяясь, моли Христа Бога Серафимския радости нам причастником быти.

* * *

Как известно, канонизация святых есть утверждение священной памяти подвижников во всех последующих поколениях. Память о священномучениках занимает особое место в сегодняшней церковной жизни в России. В обычай вошли торжественные богослужения в различных

храмах в дни памяти священномучеников, панихиды на местах их захоронений.

В наши дни память священномученика Серафима чтят во всех епархиях, где он служил правящим архиереем.

Кульминацией почитания священномучеников становится строительство и освящение новых храмов в их честь. Это и монументальный каменный храм-памятник—храм Воскресения Христова и Новомучеников и Исповедников Российских в подмосковном Бутове, и небольшой храм в честь священномученика митрополита Серафима, построенный в 1999 г. в деревне Дубровка Бологовского района Тверской области. В Троицком Серафимодивеевском монастыре архиепископ Нижегородский и Арзамасский Георгий совместно с архиепископом Тернопольским и Кременецким Сергием освятил придел в честь священномученика митрополита Серафима в церкви Казанской иконы Божией Матери.

В декабре 2005 г. на общем собрании духовенства и мирян Тверской епархии состоялась передача архиепископу Тверскому копии иконы «Спаситель в белом

хитоне» кисти святителя Серафима (Чичагова). Принимая с благодарностью этот подарок из рук профессора-гомеопата А. М. Бутенина, Архиепископ Тверской и Кашинский Виктор сообщил собравшимся, что эта икона будет находиться в Воскресенском кафедральном соборе в Твери, который освящал митрополит Серафим.

9 декабря 2007 г. в поселке Удельная под Москвой состоялся вечер памяти святителя Серафима — научно-богословская конференция «Священномученик митрополит Серафим. Личность и наследие» (к 70-летию со дня мученической кончины и к 10-летию со времени канонизации).

В декабре 2008 г. в Орле была организована выставка «Да будет воля Твоя», посвященная памяти святителя Серафима. Организаторы выставки — работники Орловского государственного литературного музея имени И. С. Тургенева, музея бутовского Храма-на-Крови, а также московский исследователь послереволюционной истории Русской Православной Церкви В. А. Левушкин. Посетители выставки могли ознакомиться с архивными документами и фотографиями, изданиями

трудов митрополита Серафима по медицине и военным наукам. Сочиненные им музыкальные произведения прозвучали в исполнении учеников и преподавателей Орловской православной гимназии.

Этот перечень можно было бы продолжить.

Памяти священномученика митрополита Серафима посвящаются публикации его собственных трудов, а также рассчитанные на широкий круг читателей материалы о его земной жизни и о величии его подвига, публикуемые в печати и на православных сайтах во всемирной сети. Эти публикации увидели свет благодаря бесценной помощи почитателей памяти святителя Серафима. В их числе — крупнейший акционер «Норильского никеля» В. О. Патанин, Президент Российского Фонда Культуры Н. С. Михалков, супруги А. И. и Н. Д. Солженицыны, осуществивший издание сборника «Да будет воля твоя» настоятель Сретенского монастыря в Москве архимандрит Тихон (Шевкунов), неумолимый подвижник из американского штата Нью-Джерси В. Ф. Бандурко, а также другие благодетели, приславшие свои

пожертвования и пожелавшие остаться неизвестными.

Созданный по инициативе игуменнии Серафимы (Черной) Благотворительный фонд дворянского рода Чичаговых издал ряд книг святителя Серафима, которые были подарены Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II, иерархам Русской Православной Церкви, а также Московскому Богородице-Смоленскому Новодевичьему монастырю, Троицкому Серафимо-Дивеевскому монастырю Нижегородской епархии, Успенскому монастырю в Пюхтицах (Эстония) и храму Рождества Пресвятой Богородицы в Женеве (Швейцария). Эти же издания были подарены Высокопреосвященному Митрополиту Лавру, Первоиерарху Русской Зарубежной Церкви. Комплекты этих публикаций были переданы фондом в качестве дара различным библиотекам в Москве, включая Российскую государственную библиотеку, Государственную публичную историческую библиотеку, Всероссийскую государственную библиотеку иностранной литературы имени М. И. Рудомино,

библиотеку Центрального дома ученых, Центральную научную библиотеку Министерства иностранных дел Российской Федерации, Государственный исторический музей. Публикации фонда были также подарены Библиотеке Конгресса в Вашингтоне и Нью-Йоркской публичной библиотеке в США, Школе славянских и восточно-европейских исследований Лондонского университета в Великобритании, библиотеке Женевского университета в Швейцарии.

Инициативе игумении Серафимы принадлежит ставшая теперь традицией организация в Москве ежегодных вечеров памяти священномученика митрополита Серафима (Чичагова) при участии членов возглавляемого О. И. Павловой общества почитателей памяти святителя Серафима и игумении Серафимы, Российского фонда культуры, Благотворительного фонда дворянского рода Чичаговых, Московского Богородице-Смоленского Новодевичьего монастыря. В программе вечеров — сообщения о подвиге святителя Серафима и о смысле его почитания, исполнение его духовно-музыкальных

произведений, показ работ режиссера А. А. Илюхина, создавшего фильм о священномученике митрополите Серафиме. Неизменным атрибутом вечеров памяти является установленный на сцене в обрамлении из живых цветов портрет святителя Серафима, приобретенный на средства прихожан храма святителя Николая в Старом Ваганькове. В связи с растущим интересом широкого круга посетителей к посещению вечеров памяти их организаторы позаботились о том, чтобы перенести их проведение из парадного зала Российского фонда культуры в более вместительное помещение в Инженерном корпусе Государственной Третьяковской галереи. Подобно тому, как каменщик, укладывая кирпич к кирпичу, создает кирпичную стену, так и из отдельных наших деяний — больших и малых — создается величественное Здание Памяти священномученику Серафиму.

Святые бутовские мученики, молите Бога о нас!

Жестокие и кровавые события XX века стали особенно трагическими для России, потерявшей миллионы своих сынов и дочерей не только от руки внешних врагов, но и внутренних, гонителей-богоборцев. Только на одном Бутовском расстрельном полигоне — этой Русской Голгофе — в период с 8 августа 1937 г. по 19 октября 1938 г. было расстреляно и захоронено 20 765 человек, из них 940 мирян, монахов, священников, архиереев, единственной виной которых оказалась твердая вера в Бога.¹³¹ «Когда перед ними стал выбор — пойти на страдания и смерть или отречься от Христа, — они шли на смерть. По милости Божией, вопреки усилиям гонителей, мы помним все имена мучеников, и кровь мучеников снова стала семенем Христовым», — сказал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Прославление в лике святых сонма

Новомучеников и Исповедников Российских на рубеже двух тысячелетий как бы подвело черту под страшной эпохой воинствующего безбожия. Это прославление явило миру величие их подвига, озарило пути Промысла Божиего в судьбах нашего Отечества, стало свидетельством глубоко осознания трагических ошибок и болезненных тяжких заблуждений народа. Прав был Александр Исаевич Солженицын, когда говорил: «Мы должны осудить публично самую идею расправы одних людей над другими». Ведь ответственность — коллективная: и общества, и государства. Виноваты все мы. Покаяние — это и есть беспристрастный суд, которым мы судим себя самих перед Богом. Бутовский полигон — это урок: нужно «жить не по лжи».

Когдаходишь под своды бутовского храма Воскресения Христова и святых Новомучеников и Исповедников Российских, то испытываешь чувство глубокой признательности ко всем, кто немало потрудился, чтобы воздать должное памяти верных чад Русской Православной Церкви, принявших мученическую кончину за Христову Веру. На стенах храма

размещено более пятидесяти икон Бутовских святых — по дням расстрелов. В их числе — шесть икон пострадавших в Бутове иерархов во главе с митрополитом Серафимом (Чичаговым), во имя которого освящен правый придел храма. В центральном алтаре храма на столпах алтаря помещены две соборные иконы. На правом столпе находится икона Собора Новомучеников и Исповедников Российских, которая является копией центральной части иконы, написанной к прославлению новомучеников и исповедников в 2000 г. (оригинал в храме Христа Спасителя). На левом столпе — икона Собора Новомучеников, в Бутове убиенных. Эта икона написана по образцу иконы Собора Российских Новомучеников. Отличие только в том, что на первой иконе мученики изображены на фоне храма Христа Спасителя, а на другой иконе бутовские святые стоят на фоне бутовского деревянного храма, перед которым — бутовский голгофский крест, а ниже — рвы со святыми останками убиенных праведников.

В мировой истории еще не бывало такого, чтобы столько новых небесных заступников прославила Церковь. За последние

два десятилетия к лику святых причислено более тысячи семисот новых мучеников. Это было ответом Русской Православной Церкви на поставленный перед ней обществом вопрос о духовном преемстве подвига с христианами предшествовавших веков и об оценке подвига иерархов, клира, монашествующих и мирян в нынешнюю эпоху лютых гонений.

Предстательство священномученика митрополита Серафима в деле прославления новомучеников, пострадавших на расстрельном полигоне НКВД в Бутове, было очевидным для всех, кто соприкасался с историей этого места. «Верный сын Святыя Церкви, богатыми дарованиями одаренный, всем житием своим ей послужив... за преклонность лет нечистивыми не пощаженный, на мраз и снег со страдальцами изведенный, пострадав до крови сподобился еси и возглавил еси сонм Бутовских мучеников» (*из стихир*)¹³². Поэтому знаменательным было то, что в день памяти жертв политических репрессий 30 октября 2007 г. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II и президент России В. В. Путин прибыли в Бутово

поклониться мощам святого митрополита Серафима и почтить память всех новомучеников, за веру и правду пострадавших.

Впервые из уст главы государства прозвучали слова о том, что на Бутовском полигоне был уничтожен цвет нации. Это было сказано во время беседы Святейшего Патриарха Алексия II и В. В. Путина в комнате, посвященной памяти игумении Серафимы, внучки священномученика митрополита Серафима.

Бутовский полигон — место исторической памяти, скорбной памяти народной, без которой народу себя не сохранить. Ибо вне связи с прошлым разрушаются традиции и история, падает нравственность, уходит духовность. Святейший Патриарх Алексей II называл это место и святым, и трагичным: «святым, потому что 335 человек, которые лежат в этих рвах, причислены к лику святых как мученики и исповедники, а трагичным — потому что более 20 тысяч нашли здесь место своего упокоения».

Бутовский полигон — место, где хранят память о неповторимых судьбах расстрелянных здесь соотечественников. В Бутовском храме находится многотомная

Книга памяти (Мартиролог) с именами и краткими биографическими данными людей, пострадавших в Бутове. Мартиролог — это акт покаяния перед безвинно погибшими, перед их родственниками, оставшимися без своих отцов, матерей, сестер, братьев.

Истинным плодом принесенного покаяния стало совершающееся возвращение народа на стези веры, благочестия и жизни во Христе, а видимым его свидетельством — причисление Русской Православной Церковью Царской семьи и новомучеников и исповедников к лику святых на Юбилейном Архиерейском Соборе в 2000 г. Это Соборное Покаяние открыло дорогу к воссоединению Русской Православной Церкви и Русской Православной Церкви За границей. Следует отметить, что Соборному Покаянию предшествовали знаменитые «переговоры в Даниловском» между представителями РПЦ и РПЦЗ в 1993 г., предпринятые по инициативе митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла.

В 2001 г. Первоиерархом РПЦЗ был избран митрополит Восточно-Американс-

кий и Нью-Йоркский Лавр (Шкурла), замечательный подвижник, сторонник восстановления единства Русской Православной Церкви.

В мае 2004 г. по приглашению Святейшего Патриарха Алексия митрополит Лавр нанес первый официальный визит в Россию во главе делегации Русской Православной Церкви За границей.

Тогда же Патриарх Алексей и митрополит Лавр совместно заложили основание нового каменного храма Новомучеников и Исповедников, который Патриарх Алексей назвал «памятником церковного единения» Русской Православной Церкви в Отечестве и Русской Православной Церкви За границей.

17 мая 2007 г. в кафедральном соборном Храме Христа Спасителя в Москве был подписан Акт о восстановлении канонического единства двух частей Русской Церкви. После подписания Акта о каноническом общении РПЦ и РПЦЗ Святейший Патриарх Алексей II и Первоиерарх РПЦЗ Лавр вновь посетили Бутовский мемориал, где совершили великое освящение Бутовского храма. Отвечая на слова

Святейшего Патриарха о том, что «нас объединила молитва Новомучеников и Исповедников Российских», Владыка Лавр подчеркнул, что бутовская «земля полита кровью мучеников и усеяна их костями» и что «их подвиги связывают нас еще более крепкими узами». Величие подвига Новомучеников и Исповедников Российских состоит в том, что они предопределили и открыли путь к единству двух частей Русской Православной Церкви. На молитвенную память митрополиту Лавру Алексий II передал большую икону Новомучеников и Исповедников Российских.

Ежегодно каждую четвертую субботу после Пасхи Русская Православная Церковь отмечает день «Собора новомучеников, в Бутове пострадавших». Так, 23 мая 2009 г. согласно установившейся традиции было совершено Патриаршее богослужение. Впервые Божественную Литургию под открытым небом на Бутовском полигоне совершил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. По завершении Божественной Литургии Святейший Владыка вознес молитвы ко святым Новомученикам и исповедникам Российским

и совершил литию об упокоении приснопоминаемых рабов Божиих, за веру и правду мученическую кончину претерпевших. От лица клириков и прихожан Бутовского храма Новомучеников и исповедников Российских настоятель храма о. Кирилл Коледа преподнес Его Святейшеству образ священномученика Серафима, митрополита Петроградского, возглавляющего Собор бутовских святых. Затем в сопровождении протоиерея Кирилла Каледы Святейший Патриарх посетил каменный храм Воскресения Христова, где поклонился мощам бутовских святых.

Обращаясь к подвигу новомучеников и исповедников Российских, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл подчеркнул, что их жертвы являются для современников «великим назиданием» и их подвиг «не принадлежит только к прошлому». Их великая заслуга состоит в том, что «вера сегодня возрождается»¹³³.

Сейчас мы молитвенно обращаемся к святым новомученикам и исповедникам, в России и за ее пределами пострадавшим, дабы они и впредь укрепляли нашу Церковь, наше Отечество, сынами и дочерями

которого мы являемся, и всех нас в стоянии за правду и веру, в созидании нашего будущего. Фундамент, который мы закладываем по молитвам святых новомучеников и исповедников Российских, является основой будущего России, будущего нашего народа.

Полнота Церкви и будущее России

Святитель Серафим разработал целую систему мер по развитию церковной жизни. Восстанавливая ход его мыслей, можно со всей определенностью утверждать, что в оживлении приходской жизни он увидел то основное звено, ухватившись за которое можно вытянуть всю цепь, т.е. превратить Церковь в консолидирующую силу общества. Осуществить задуманное на практике ему помешали тяжелые обстоятельства тогдашней церковной жизни, усугубленные Первой мировой войной и последовавшей за ней революционной смутой, поставившей Церковь под угрозу уничтожения богоборческой властью.

Несмотря на гонения и бесчисленные жертвы, Церковь сохранила свою жизнеспособность. За последние 20 лет Русская Православная Церковь окрепла в материальном и организационном отношениях. Если в 1988 году в РПЦ было 6893 прихода,

6674 священника, 74 архиерея, 22 монастыря и 1190 монахов и монахинь, то сейчас (в 2009 г. — *Прим. ред.*) — 29263 прихода, 30670 священников, 202 архиерея, 804 монастыря. За два десятилетия канонизовано более 1700 святых¹³⁴.

Что же ждет Русскую Церковь в будущем? Ответ на этот вопрос дал Святейший Патриарх Кирилл, выступивший в Туле 11 марта 2009 г. на встрече с архиепископом Тульским и Белевским Алексием и духовенством Тульской и Белевской епархии.

Святейший поделился размышлениями о различных аспектах жизни Церкви, о пастырской работе в условиях современной России¹³⁵.

Если в прошлом задача заключалась в том, чтобы построить храм, куда люди могли приходить сами, организовать приходскую жизнь, то в настоящее время недостаточно сохранять старую традицию и воспринимать храм как место, куда люди сами находят дорогу. Недостаточен и традиционно сформировавшийся образ действий священника, находящегося в храме и ожидающего, когда к нему придут прихожане.

*Святейший Патриарх Московский
и всея Руси Кирилл, 2010*

Для того чтобы идти к людям и говорить с ними, нужно иметь внутреннюю силу, а внутренняя сила связана с реальным религиозным и молитвенным опытом, отметил Предстоятель Русской Православной Церкви. По мнению Святейшего Патриарха, «сила слова всегда связана с силой молитвы, священник не может проповедовать, используя какие-то схоластические приемы и схемы... Душа человека откликается на проповедь, когда он чувствует, что священник, говорящий нечто, сам это пережил. Если вы говорите от своего опыта, если это ваши мысли, соединенные со святоотеческими творениями, со словом Божиим, — то ваше слово становится убедительным»¹³⁶.

Для того чтобы вести пастырскую работу, священнику необходимо знать своих прихожан.

Нужно также повысить общий уровень богословского образования, чтобы «каждый священнослужитель умел сопрягать свои богословские знания с реальной пастырской работой, чтобы каждый священник понял, что богословие — это не отвлеченные знания, но то, что ему жизненно

необходимо, ибо в противном случае он не сможет дать правильного ответа на вопрошания людей»¹³⁷.

Говоря о принципах организации прихода, Святейший Патриарх Кирилл вспомнил о «двадцатках», приходском ядре, которое святитель Серафим с успехом использовал в 20-е гг. прошлого столетия для преодоления «иосифлянского» раскола во вверенной ему епархии. «У нас сейчас практически не существует “двадцаток”, как было раньше, хотя сама идея приходского ядра очень хорошая, — сказал Святейший. — Но можно было бы иметь попечительский совет при приходе, в котором принимали бы участие представители местной интеллигенции, учительства, бизнеса, кто-то из местных властей. Попечительский совет должен собираться не только для того, чтобы решать какие-либо финансовые вопросы, — он должен заботиться о приходе, об организации миссионерской работы, работы с молодежью»¹³⁸.

Молодежная политика является приоритетом РПЦ и должна стать делом каждого прихода, каждой епархии и каждого благочиния. Церковь должна воспитывать

харизматичных молодежных лидеров, способных повести молодежь к православным ценностям, в Православную Церковь. Программа воцерковления молодежи — это программа спасения русской нации и выживания России. Здесь Церковь и Государство должны помогать друг другу. Если ядром приходской жизни будет богослужение, а вокруг него будет формироваться образовательная и социальная деятельность, то приходы станут центрами не только богослужебной, но и общественной жизни. Приходские активы необходимы, поскольку священнику самому не справиться со столь большим объемом работы. Только так, через совместную работу, через взаимодействие можно влиять на умы и сердца людей.

Среди задач, которые нужно решать на уровне прихода, идя навстречу людям, Святейший Патриарх назвал социальное служение. Забота об одиноких, профилактика преступности, сохранение семей, защита жизни нерожденных младенцев — «вот по каким показателям мы должны сегодня оценивать свою деятельность, иначе общество разочаруется в Церкви»¹³⁹.

По мысли Святейшего, деятельность Церкви теперь нужно оценивать не только по числу храмов и монастырей, но и по влиянию, которое Церковь оказывает на жизнь людей и общества. Согласно сегодняшней статистике, около 80% населения страны крещены в православной вере. Из них около 60% готовы назвать себя православными. Однако, как считает Патриарх Кирилл, лишь «около 10% приходят в храмы постоянно». «Если оценивать всю историю России, то можно отметить, что время, в которое мы живем, — особенное, — сказал Святейший. — У Церкви никогда не было таких возможностей, она никогда не была такой свободной. Сегодня очень хорошо складываются отношения Церкви и государства: взаимоуважительно, без попыток вмешиваться в дела друг друга, выстраивается диалог, и это очень важно для решения тех задач, которые стоят перед страной»¹⁴⁰.

На состоявшемся в Туле совместном заседании Президиума Государственного Совета России и Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте России Церковь и Государство

поняли, насколько они нужны друг другу. Наглядным подтверждением этого является решение Президента России Д. А. Медведева поддержать идею преподавания в школах России основ религиозной культуры и светской этики и организации работы на постоянной основе в наших Вооруженных Силах священнослужителей, представляющих традиционные российские конфессии: православие, ислам, буддизм и иудаизм.

Церковь должна понимать важность общего состояния общества, хранить единство народа, содействовать преодолению разделений. Сегодня очень многое разделяет людей — имущественные, социальные, национальные, религиозные, партийные факторы. «Очень много соблазнов и поводов для разделений, но Церковь должна быть объединяющим началом для народа, — заявил Святейший Патриарх Кирилл. — Мы не должны быть ни с правыми, ни с левыми, мы — со своим народом. Мы должны содействовать преодолению различных разделений, снятию конфронтационных настроений, которые могут усиливаться сейчас в связи с экономическим

кризисом... Сейчас Россия нуждается в спокойном времени для духовного, экономического и политического развития. И Церковь не может быть в стороне; мы должны помогать нашему народу сохранять спокойствие, помогать людям, которые попадают в трудные экономические положения, добрым словом, а может быть, и делом»¹⁴¹.

От того, какой будет Русская Церковь, во многом зависит облик России. Святейший Патриарх Кирилл подчеркнул: «Так было всегда: попытались уничтожить Церковь — практически уничтожили страну. Опыт нашей жизни в XX веке показывает, что происходит, когда Церковь уходит с общественной сцены, когда она перестает влиять на жизнь народа, — страна, по крайней мере, применительно к России, исчезает, что и произошло с исторической Россией. Поэтому я думаю, что мы должны значительные свои силы употреблять в том числе и для того, чтобы сохранять мир, согласие в нашем обществе, единство нашего народа»¹⁴².

* * *

Вот и подошло к концу наше повествование о святителе Серафиме. Принимаясь

за работу, автор видел свою задачу в том, чтобы рассказать читателю простым, доступным языком с использованием живой речи проповедей святителя Серафима, воспоминаний его родственников и современников о том, каким он был в своей многотрудной земной жизни, полной суровых испытаний, скорбей и завершившейся мученической кончиной. Это был путь воина Христова, который никогда не изменял себе, своим убеждениям, своей совести.

Следует заметить, что избранную автором тему невозможно исчерпать публикацией одной книги. Жизненный подвиг святителя Серафима, его труды требуют глубокого и обстоятельного изучения, ибо с его именем связана целая эпоха Русской Православной Церкви.

Высоко оценивая жизнь и деятельность святого митрополита Серафима (Чичагова), Святейший покойный Патриарх Алексей II писал: «Все свои таланты, жизненный опыт, необычайную силу духа, — всю мощь своей неповторимой личности Владыка отдавал на служение Богу и людям. Бескомпромиссный иерарх, боец за чистоту Православия, он на всех

местах своего служения, во всех доверенных ему епархиях бесстрашно выступал на борьбу со смутой, революционными беспорядками, сектантством и расколами всякого рода. Он считал, что возрождение России возможно только путем возрождения приходской жизни, верил в торжество исконно русских начал, коренившихся в церковно-общественной жизни древнерусского прихода. Он призывал людей к любви и единению»¹⁴³.

Авторитетный и строгий ревнитель православных традиций, вдохновенный проповедник, самобытный мыслитель-богослов, глубокий философ, блестящий военный, талантливый врачеватель, историк, литератор, музыкант, живописец, неутомимый общественный деятель, верный и искренний патриот своей Родины — таким остается в памяти благодарных потомков святой митрополит Серафим (в миру Леонид Михайлович Чичагов).

Источники

1. *Митрополит Питирифим (Нечаев)*. Яснее становится путь. Цит. по кн.: Митрополит Серафим (Чичагов). «Да будет воля Твоя». М.; СПб., 1993, «Паломник». МП «Нева-Ладога-Онега». СП «Рюрик». Ч. I. — С. 5.

2. «Житие священномученика митрополита Серафима (Чичагова). 1856–1937». СПб.: «Сатись», 1997.

3. Выписка из метрической книги о родившихся за 1856 г. храма святого Александра Невского при Михайловском Артиллерийском училище. С. 49. Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». Сборник документов. Ч. II. М.; СПб., «Паломник». МП «Нева-Ладога-Онега». СП «Рюрик», 1993.

4. «Воспоминания тети Шуры». Рукопись Александры Николаевны Эдман (Чичаговой). Из архива семьи потомков святителя Серафима (Чичагова).

5. «Житие священномученика митрополита Серафима (Чичагова). 1856–1937». СПб.: «Сатись», 1997. — С. 5–6.

6. *Архимандрит Серафим (Чичагов)*. «Слово

в 100-летний юбилей Пажеского Его Императорского Величества корпуса». Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 350–351.

7. «Послужной список священника Леонида Чичагова». Цит. по кн.: Митрополит Серафим (Чичагов). «Да будет воля Твоя». Сборник документов. Ч. II. Приложение II. М., СПб., «Паломник». МП «Нева-Ладога-Онега». СП «Рюрик», 1993. — С. 56–69.

8. Чичагов Л. М. «Доблести русских воинов». Примеры из прошлой войны 1877–1878 гг. Вып. 1. Рассказы о подвигах солдат. Вып. 2. Рассказы о подвигах офицеров. СПб., 1893.

9. Артамонов В. А. Предисловие к книге Л. М. Чичагова. «Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 г.». Репринтное издание. СПб., «Сатись», 1995. — С 5.

10. «Житие священномученика митрополита Серафима (Чичагова). 1856–1937». СПб., «Сатись», 1997. — С. 7–8.

11. Там же. — С. 9.

12. Там же.

13. Цит. по: Предисловие к изданию: «Записки» П. В. Чичагова. Российский фонд культуры. «Российский архив». М., 2002. — С. 9.

14. Чичагов Л. М. Глава «Чичаговы» в кн.: «Архив адмирала П. В. Чичагова». СПб.: Типография С. Добродеева. 1885. Журнал «Русская старина». 1886, т. 50–52; 1887. т. 55; 1888, т. 58–60.

15. *Чичагов Л. М.* «Медицинские беседы». Ре-
принтное издание. М.: «Аванти», 1999. Т. 1. — С. 6.

16. *Чичагов Л. М.* «Краткое изложение ме-
дицинских бесед». М., 1892. Типолитография
Т-ва И. Н. Кушнеров и К°. — С. 5.

17. Там же. — С. 16.

18. *Митрополит Серафим (Чичагов)*. «Что
служит основанием всякой науки?». М.: «Па-
ломник», 1996. — С. 3–4.

19. *Архимандрит Серафим (Чичагов)*. В неде-
лю 25-ю по Пятидесятнице. О милосердии.
(Лк. 10, 25–37). Цит. по кн.: «Да будет воля
Твоя». М., 2003. — С. 293.

20. *Эпштейн Е.* «Духовной жаждою томим».
«Культура», 1999, № 29.

21. «Воспоминания тети Шуры». Рукопись
Александры Николаевны Эдман (Чичаговой).
Из архива семьи потомков святителя Серафи-
ма (Чичагова).

22. *Епископ Серафим (Чичагов)*. Письмо к гра-
фине Игнатьевой от 1 февраля 1909 г. Цит.
по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 770.

23. *Архимандрит Серафим (Чичагов)*. Слово
в Мироварной палате Московского Кремля
при наречении во епископа Сухумского. Цит.
по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 353.

24. «Житие священномученика митропо-
лита Серафима (Чичагова). 1856–1937». СПб.,
«Сатисъ», 1997. — С. 13.

25. Богословская концепция священника Л. М. Чичагова. Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 40.

26. «Житие священномученика митрополита Серафима (Чичагова). 1856–1937». СПб.: «Сатись», 1997. — С. 14–15.

27. *Архимандрит Серафим (Чичагов)*. Слово в Мироварной палате Московского Кремля при наречении во епископа Сухумского. Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 356.

28. *Архимандрит Серафим (Чичагов)*. Слово в день Покрова Пресвятой Богородицы. О молитве. Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 210–211.

29. «Воспоминания тети Шуры». Рукопись Александры Николаевны Эдман (Чичаговой) из архива семьи потомков святителя Серафима (Чичагова).

30. Факсимиле письма архимандрита Серафима (Чичагова) архиепископу Харьковскому Флавиану (Городецкому) от 15 декабря 1901 г. Из архива семьи потомков Чичаговых.

31. Из письма Наталии Кириевской архиепископу Харьковскому Флавиану (Городецкому) от 29 ноября 1898 г. Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 13–14.

32. *Архимандрит Серафим (Чичагов)*. Речь в соборе Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря, обращенная к братии при

вступлении в управление обителью. Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 329.

33. «Православные монастыри. Путешествие по святым местам». (Спасо-Евфимиев монастырь). 2009, № 30. — С. 13.

34. *Краснов-Ливитин А. Э.* «Митрополит — герой Плевны». Московский Церковный Вестник, 1991, октябрь, № 17 (92). — С. 10–11.

35. *Черная-Чичагова В. В.* «Замысел и значение “Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря”. Подготовка торжеств». Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 65–75.

36. Там же. — С. 65.

37. Там же. — С. 66.

38. Там же.

39. «Православный церковный календарь». 2003. — С. 2.

40. *Черная-Чичагова В. В.* «Замысел и значение “Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря”. Подготовка торжеств». Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 69.

41. Победоносцев К. П. и его корреспонденты. Письма и записки. М.; Пг., 1923. Т. I.

42. *Витте С. Ю.* «Воспоминания». Т. 2. М., 1960. — С. 269.

43. Цит. по: «Православный церковный календарь», 2003. — С. 2.

44. Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 3.

45. Интернет страница: «Библиотека Серафима Саровского».

<http://www.alt-tv.ru/> 15. 06. 2009.

46. *Дорошенко С.* «Архимандрит Серафим — настоятель Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. Цит. по ж.: «Ныне и присно». 2004. № 2. — С. 47.

47. Там же. — С. 50.

48. Там же. — С. 54.

49. Ксерокопия автографа В. А. фон-Резона. Надпись на молитвеннике. Архив семьи потомков Чичаговых.

50. *Архимандрит Серафим (Чичагов)*. Слово в Мироварной палате Московского Кремля при наречении во епископа Сухумского. Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 353–354.

51. «Орловская Епархия в 1906–1908 гг. при Преосвященнейшем епископе Серафиме (Чичагове)». Кишинев, Епархиальная типография. Год издания не указан. (Предисловие). — С. 2.

52. *Епископ Серафим (Чичагов)*. Письмо В. Т. Георгиевскому от 29 марта 1906 г. Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 762–763.

53. Житие священномученика митрополита Серафима (Чичагова). (1856–1937). Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 18.

54. *Павлова О. И.* «Орловская епархия при епископе Серафиме (Чичагове), 1906–1908 гг.». Цит. по ж.: «Ныне и присно». 2004. № 2. — С. 78.

55. «Орловская Епархия в 1906–1908 гг. при Преосвященнейшем епископе Серафиме (Чичагове). Кишинев, Епархиальная типография. Год издания не указан. (Предисловие). — С. 3.

56. Там же. — С. 3.

57. *Павлова О. И.* «Орловская епархия при епископе Серафиме (Чичагове) 1906–1908 гг. ». Цит. по ж.: «Ныне и присно». 2004, № 2. — С. 79.

58. «Орловская Епархия в 1906–1908 гг. при Преосвященнейшем Епископе Серафиме (Чичагове). Кишинев. Епархиальная типография. Год издания не указан. (Предисловие). — С. 3–4.

59. Цит. по ж.: «Ныне и присно». 2004. № 2. — С. 79.

60. Там же. — С. 81.

61. «Орловская Епархия в 1906–1908 гг. при Преосвященнейшем епископе Серафиме (Чичагове). Кишинев. Епархиальная типография. Год издания не указан. (Предисловие). — С. 4.

62. *Митрополит Евлогий.* Путь моей жизни. Гл. XIII. — С. 215 (период 1907–1912).

63. *Епископ Серафим (Чичагов).* Письмо В. Т. Георгиевскому от 26 января 1906 г. Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». 2003. — С. 764.

64. *Епископ Серафим (Чичагов)*. «Слово 21 декабря (1908 г.) перед молебствием в соборе и благословением хоругвей Союза Русского Народа». Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 508.

65. Там же. — С. 506.

66. *Епископ Серафим (Чичагов)*. Письмо В. Т. Георгиевскому от 26 января 1906 г. Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 764.

67. *Чёрная В. В.* «Митрополит Серафим (Чичагов)». «Журнал Московской Патриархии», 1989, № 2. — С. 18.

68. «Житие священномученика митрополита Серафима (Чичагова). 1856–1937». «Сатись». СПб., 1997. — С. 50.

69. *Архимандрит Серафим (Чичагов)*. В Богородичный праздник «Ищите прежде Царствия Божия...». (Мф. 6,33). Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 198–199.

70. *Архимандрит Серафим (Чичагов)*. Беседа в Метрополии в Неделю 4-ю Великого поста. «Все возможно верующему». (Мк. 9, 23–24). Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 439.

71. Там же. — С. 440.

72. *Краснов-Ливитин А. Э.* «Лихие годы 1925–1941». Воспоминания. Париж, 1977. — С. 114.

73. *Чёрная В. В.* «Митрополит Серафим (Чичагов)». «Журнал Московской Патриархии». 1989, № 2. — С. 18.

74. Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 39.

75. *Епископ Серафим (Чичагов)*. Письмо к графине Игнатьевой от 26 декабря 1909 г. Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 770.

76. Митрополит Серафим (Чичагов) и его книга «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря». М., «Град-Китеж», 1992. — С. 17.

77. «Житие священномученика митрополита Серафима (Чичагова). 1856–1937». СПб., «Сатисъ», 1997. — С. 46–47.

78. Там же. — С. 48–49.

79. *Епископ Серафим (Чичагов)*. Слово, сказанное 28 октября 1908 г. в кафедральном соборе при вступлении в управление Кишиневской епархией. Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 359.

80. *Архиепископ Серафим (Чичагов)*. О возрождении приходской жизни. Обращение к духовенству Тверской епархии. Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 645.

81. Там же. — С. 648.

82. Там же. — С. 649–650.

83. Там же. — С. 650.

84. Там же. — С. 652.

85. Там же. — С. 701.

86. Там же. — С. 691.

87. Там же.

88. Там же.
89. Там же. — С. 692.
90. Там же. — С. 655.
91. Там же. — С. 662–664.
92. Там же. — С. 667.
93. *Митрополит Серафим (Чичагов)*. «Да будет воля Твоя. Ищите Царства Божия». Ч. I. М., СПб., «Паломник». МП «Нева-Ладога-Онега». СП «Рюрик». — С. 15.
94. «Журнал Московской Патриархии», 1990. № 10.
95. Цит. по изданию Московской Патриархии — «Московский Церковный Вестник», 1991. № 17 (62), октябрь. — С. 10.
96. Цит. по ст.: *Борис Колымагин*. «Малоизвестная страница из жизни Серафима (Чичагова)». Портал «Библиотека Якова Кротова». <http://www.krotov.info/history/20/1910/19170425.html>. 15.05.2009.
97. Цит. по: «Журнал Московской Патриархии». 2006, № 9. — С. 79–81.
98. *Архиепископ Серафим (Чичагов)*. Письмо обер-прокурору Святейшего Синода Львову В. Н. от 23 апреля 1917 г. ГАРФ, ф.730, ед. хр. 48–50, лл. 59–80.
99. «Житие священномученика митрополита Серафима (Чичагова). 1856–1937». СПб.: «Сатисъ», 1997. — С. 73.

100. Послание Патриарха Тихона от 19 января 1918 г. Печатается с сайта «Заметки на полях». <http://his95/narod.ru/>.

101. *Краснов-Ливитин А. Э.* «Лихие годы 1925–1941». Воспоминания. Париж, 1977. — С. 108.

102. Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 31.

103. Там же. — С. 31.

104. Там же. — С. 32.

105. Цит. по кн.: «Да будет воля твоя». М., 2003. — С. 32.

106. Там же. — С. 33.

107. Цит. по кн.: «Да будет воля твоя». М., 2003. — С. 33–34. А также: «Медицинская газета». 10 июня, 1990, С. 3.

108. Протокол допроса уполномоченным Секретного отдела ОГПУ Казанским обвиняемого гражданина Чичагова Леонида Михайловича (митр. Серафима) от 18 апреля 1924 г. С. 2. Копия находится в архиве семьи потомков святителя Серафима.

109. «Житие священномученика митрополита Серафима (Чичагова). 1856–1937». СПб., «Сатисъ», 1997. С. 90.

110. Цит. по: «Сов. секретно. лично, тов. Тучкову». Донесения из Ленинграда в Москву, 1927–1928 гг. Донесение № 3. Серия «К» от 17 марта 1928 г. (ЦА ФСБ).

111. *Краснов-Ливитин А. Э.* «Лихие годы 1925–1941». Воспоминания. Париж. 1977. — С. 112–113.

112. «Житие священномученика митрополита Серафима (Чичагова). 1856–1937». СПб., «Сатись». 1997. — С. 93.

113. *Краснов-Ливитин А. Э.* «Лихие годы 1925–1941». Воспоминания. Париж, 1977. — С. 113.

114. «Житие священномученика митрополита Серафима (Чичагова). 1856–1937». «Сатись». СПб., 1997. — С. 99.

115. Из письма святителя Серафима от 10 апреля 1934 г., адресованного своим духовным детям (Феде, Клавдии и Леониду). Архив семьи потомков святителя Серафима.

116. Из письма святителя Серафима от 10 апреля 1934 года, адресованного духовному сыну Феде. Архив семьи потомков святителя Серафима.

117. «Ныне и присно», 2004, № 2. — С. 39.

118. «Воспоминания игумении Серафимы». Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 748.

119. «Житие священномученика митрополита Серафима (Чичагова). 1856–1937». СПб., «Сатись», 1997. — С. 103.

120. *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 2. Тверь, 1996. С. 448–450.

121. См. сайт «Седмица. Ru». «<http://www.sedmitza.ru?index.html?did=43247&page-comment-history>. Page 24. 29.09.2007.

122. Протокол допроса начальником 8-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД по Московской области Булыжниковым обвиняемого гражданина Чичагова Леонида Михайловича (митр. Серафима) от 3 декабря 1937 г. — С. 3. Копия находится в архиве семьи потомков святителя Серафима

123. *Игумения Серафима*. «Божье призвание». «Русский дом». 1998, № 3. — С. 19.

124. *Мурзина М.* «Матушка Серафима: «Я по душе оптимистка». «Аргументы и факты». (Приложение). № 42 (172). 1996. — С. 16.

125. Протест (в порядке надзора) прокурора Московской области, государственного советника юстиции 3-го класса В.П. Наместникова (84–10–88 № 13–67–88/С-198 от 24 октября 1988 г.). Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 49–50.

126. Справка о реабилитации (№ СК-4–31/88 от 10 ноября 1988 г.) за подписью Председателя Московского областного суда М.М. Боброва. Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 51.

127. *Архимандрит Серафим (Чичагов)*. Слово в Мироварной палате Московского Кремля при наречении во епископа Сухумского. Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 354.

128. Из письма Архимандрита Иоанна (Крестьянкина) от 30 октября 1993 г. на имя

В. В. Чёрной. Цит. по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 726–727.

129. Письмо настоятельницы Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского женского монастыря, игумении Сергии, в Комиссию Священного Синода РПЦ по канонизации святых от 13 ноября 1994 г.

130. Деяние Освященного Архиерейского Собора РПЦ о канонизации священномучеников: местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Петра (Полянского, 1862–1937), митрополита Серафима (Чичагова, 1856–1937) и архиепископа Фаддея (Успенского, 1872–1937). Москва. Данилов монастырь, 18–22 февраля 1997 г. Журнал № 86 заседания Священного Синода РПЦ от 27 декабря 1996 г.

131. Сайт «Бутовский полигон — Русская Голгофа». Web-сайт <http://butovopoligon.by.ru>.

132. Из стихиры священномученику Серафиму. Web-сайт «Бутовская Голгофа» <http://www.martyr.ru/content/view/12/16/>.

133. Проповедь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла за Божественной Литургией на Бутовском Полигоне 23 мая 2009 г.

Web-сайт <http://www.patriarchia.ru?db?text?652525>, html.

134. Публикация ИноСМИ. Ru. Новый Патриарх Кирилл — «симфония Церкви и Государства».

Web-сайт <http://www.inosm.ru/translation/247065.html>.

135. Выступление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на встрече с духовенством Тульской и Белёвской епархии 11 марта 2009 г. в Туле.

Web-сайт «Русская линия», <http://www/rusk.ru/newsdata.php?dar=181812>.

136. Там же.

137. Там же.

138. Там же.

139. Там же.

140. Там же.

141. Там же.

142. Там же.

143. *Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II*. Читателям книги «Да будет воля Твоя». Цит по кн.: «Да будет воля Твоя». М., 2003. — С. 3–4.

Список трудов свт. Серафима (Чичагова)

1. Павел Васильевич Чичагов и записки о событиях его жизни: Император Павел// Рус. старина. 1883. № 6. — С. 488–506. — Подпись: Сообщ. Л. М. Чичагов. — Публ.

2. Французская артиллерия в 1882 году// Артиллерийский журн. 1883. №6, отд. неофиц. — С. 393–424; № 8, отд. неофиц. — С. 537–577. — Подпись: Штабс-капитан Чичагов.

3. Церковь преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, чудотворца (в Крапивках, на Трубе) при Константинопольском патриаршем подворье в Москве. — М., 1884. — 10 с. — Подпись: Архимандрит Серафим.

4. Примеры из прошлой войны 1877–1878 гг. /Сост. Л. М. Чичагов. СПб.: В. А. Березовский, 1884. — (Доблести рус. воинов).

Вып. 1. Описание отдельных солдатских подвигов. 1884. — 80 с.: ил.

2-е изд. — Вып. 2. Рассказы о подвигах офицеров. 1893. — 88 с.: ил.; 3-е изд. — Т. 1–2. СПб.: В. А. Березовский, 1892–1898., 4-е изд. — Вып.

2. — СПб.: В. А. Березовский, 1901. — 88 с.: ил.; 5-е изд. — Т. 1-2. — СПб.: В. А. Березовский, 1898-1903.; 6-е изд. — Т. 1-2. — СПб.: В. А. Березовский, 1902-1907.; 7-е изд. — Т. 1. — СПб.: В. А. Березовский, 1904.; 8-е изд. — Т. 1. — СПб.: В. А. Березовский, 1910.

5. Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 году / Сост. Л. М. Чичагов. — СПб.: Тип. Стасюлевича, 1885. — VII, 293, XII с.

То же. — 2-е изд. — СПб.: Тип. В. С. Балашова, 1887. — XXV, 518 с.

То же. — СПб., 1888. — VII, 293, XII с.

То же. — 3-е изд. (народное). — СПб., 1902. — XVI, 426 с.: 1 л. портр.

То же. (Репр. воспроизведение изд. 1887 г. / Сост. В. В. Чёрная-Чичагова. Комментар.). — СПб.: «Сатись», 1995.

6. Чичаговы // Архив адмирала П. В. Чичагова. — Вып. 1. — СПб.: Тип. С. Добродеева, 1885. — С. 1-8. — Подпись: Леонид Чичагов.

7. Павел Васильевич Чичагов и его записки // Рус. старина. — 1886. — № 5. — С. 221-252. — Подпись: Л. М. Чичагов.

8. Записка адмирала Павла Васильевича Чичагова, первого по времени морского министра. С предисл., примеч. и заметками Л. М. Чичагова // Рус. старина, 1886. — № 6. — С. 463-488; № 8. — С. 247-270; № 9. — С. 487-518; № 10. — С. 25-44; № 11. — С. 240-258;

1887. — № 7. — С. 35–54; № 9. — С. 523–544;
1888. — № 6. — С. 535–561; № 7. — С. 1–21;
№ 8. — С. 225–248; № 9. — С. 463–481; № 10. — С. 35–
60. — Подпись: Сообщ. Л. М. Чичагов. — Публ.

9. Что служит основанием каждой науки?
Беседа Л. М. Чичагова. — М.: Типолитогр. Т-ва
И. Н. Кушнерева, 1890. — 101 с.

10. Медицинские беседы Л. М. Чичаго-
ва. — Ч. 1–4. — М.: Типолитогр. Т-ва И. Н. Куш-
нерева, 1891–1895.

Ч. 1–2. — 1891. — VI, 680 с.

Ч. 3–4. — 1895. — VI, 849 с.

Краткое изложение медицинских бесед
Л. М. Чичагова, напечатанных в 1891 году. — М.:
Типолитогр. Т-ва И. Н. Кушнерева, 1892. — 83 с.

11. Дневник пребывания Царя-Осво-
бодителя в Дунайской армии/Моск. ли-
сток. 1893, 16 мая (№ 19). — Прибавление
к № 135. — Подпись: Л. М. Чичагов.

12. Летопись Серафимо-Дивеевского мо-
настыря Нижегородской губ. Ардатовского
уезда: с жизнеописанием основателей ее: схи-
монахини Александры, урожд. А. С. Мельгуно-
вой, и блаженного старца иеромонаха Сера-
фима и его сотрудников: Михаила Мантурова,
протоиерея о. Садовского, блаженной Пела-
геи Ивановны Серебренниковой, Николая
Александровича Мотовилова, сподвижниц
обители и других/Сост. священник Л. М. Чи-
чагов. — М.: Серафимо-Дивеевский мона-
стырь, 1896. VI, 790 с.: портр., 9 л. ил.

То же. — 2-е изд./Сост. архимандрит Серафим (Чичагов). — СПб.: Серафимо-Дивеевский монастырь, 1903. — XVI, 851 с.: портр., 39 л. ил.

То же. (Репр. воспроизведение изд. 1903 г.) — Ч. 1–2. Краснодар: Кн. изд-во, 1991.

Ч. 1. XVI, 451, VI с.: 6 л. ил.

Ч. 2. — С. 453–851.: 9, 12 л. ил.

То же. (Репр. воспроизведение изд. 1903 г.). М.: СП «Интербук», 1991. XVI, 851 с.: 34 л. ил., портр., ил.

Краткое содержание «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря с жизнеописанием основателей А. С. Мельгуновой и о. Серафима Саровского и подвижниц обители»/Сост. священник Л. М. Чичагов. — М.: Серафимо-Дивеевский монастырь, 1896. IV, — 248 с.

13. Ищите прежде Царства Божия/Сост. священник Леонид Чичагов. — М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1896. — 8 с.

14.1. Радуйтесь, яко с вами есмь во вся дни.
2. О службе Богу. — М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1896. — 8 с. — Подпись: священник Леонид Чичагов.

15. 1. Слово в Великий Пяток. 2. О милосердии. — М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1896. — 8 с. — Подпись: священник Леонид Чичагов.

16. Зосимова пустынь во имя Смоленской Божьей Матери Владимирской губ.

Александровского уезда: Летописный очерк/Сост. иеромонах Серафим (Л. М. Чичагов). — М., 1899. — 88 с.

То же. — 2-е изд. — М., 1901.

То же. — 3-е изд. — М.: Тип. Ф. Пригорина, 1913.

То же//Да будет воля Твоя. — М.; СПб., 1993. Ч. II. — С. 325–377.

17. Житие преподобного Серафима, Саровского чудотворца/Сост. автор «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» архимандрит Серафим (Чичагов). — 2-е изд. — СПб.: Серафимо-Дивеевский монастырь, 1903. — 92 с.: ил.

18. Житие приснопамятного старца Серафима Саровского. — СПб., 1903. — 88 с: ил.

То же//Да будет воля Твоя. М.; СПб., 1993. Ч. II. — С. 225–278.

19. Акафист Преподобному и Богоносному Отцу нашему Серафиму, Саровскому Чудотворцу. — Тиснение 2-е. — Спб.: Синод. тип., 1904. — 44 с. — Без подписи.

Акафист Преподобному и Богоносному Отцу нашему Серафиму, Саровскому Чудотворцу. — Нью-Йорк: Склад книгоиздательства «Путь жизни», 1903 — 1978. — 47 с.

20. Житие преподобного Евфимия, священноархимандрита Суздальского, чудотворца/Сост. архимандрит Серафим (Чичагов) ко дню 500-летия кончины преподобного

Евфимия (1404–1 апр. 1904). — СПб.: Тип. Акинфиева и Монтьева, 1904. — 95 с.: портр.

То же // Да будет воля Твоя. — М.; СПб., 1993. Ч. II. — С. 175–224.

21. Годовой отчет о деятельности приходских советов в Орловской епархии 1906 г. Орел, 1907.

22. Речь Преосвященного епископа Серафима на торжественном собрании членов Бессарабского губернского отдела Союза русского народа. — Дмитров: Типолитогр. Вашкевич, 1908. — 4 с.

23. Слова, беседы и речи Преосвященного Серафима (Чичагова), епископа Кишиневского и Хотинского, с епархиальной хроникой и распоряжения его. Кишинев: Тип. В. В. Якубовича, 1908–1909. — 237 с.

24. Прощальное слово Преосвященнейшего Серафима Орловской епархии // Кишинев, епарх. ведомости. — 1908. — № 43, отд. неофиц. — С. 1535–1540. — Подпись: Епископ Серафим.

25. Слово, сказанное Его Преосвященством, Преосвященнейшим Серафимом, епископом Кишиневским и Хотинским 28 октября в кафедральном соборе при вступлении в управление Бессарабской епархией // Кишинев, епарх. ведомости. — 1908. — № 45, отд. неофиц. — С. 1621–1623.

26. Прощание Преосвященного Серафима с Орловской паствой и проводы его. — Белев, 1908.

27. Преподобный Серафим, Саровский чудотворец, и священные места его благодатного подвижничества: (Из личных воспоминаний). — Тула, 1909. — 39 с.: 1 л. портр.

28. Годовой отчет о наблюдении за законоучением и духовно-нравственным воспитанием в земских и министерских училищах Кишиневской епархии. — Кишинев, 1909.

29. Обращение Преосвященного Серафима, епископа Кишиневского, к духовенству епархии по вопросу о возрождении приходской жизни. — Кишинев, 1909.

30. Слово Преосвященного Серафима, епископа Кишиневского, в Ново-Нямецком монастыре, в день празднования Успения Божией Матери. Кишинев, 1909. — 8 с.

Изд. Православного Кишиневского Христо-Рождественского братства. — № 287. — Без тит. л. и обл.

31. Слово Преосвященного Серафима к Вольинскому и Минскому полкам, на торжестве передачи Георгиевских труб 26 ноября. — Кишинев, 1909. — С. 4. — Без тит. л. и обл.

Кишинев. епарх. ведомости. 1909, № 1-2.

32. Слово Преосвященного Серафима на Новый (1909) год. Кишинев, 1909. — 4 с. — Без тит. л. и обл.

Кишинев. епарх. ведомости. — 1909. — № 1-2.

33. Слово Преосвященного Серафима перед панихидой в сороковой день кончины

о. Иоанна Кронштадтского. — Кишинев, 1909. — 16 с. — Изд. Православного Кишиневского Христо-Рождественского братства. — № 271. — Без тит. л. и обл.

34. Слово Преосвященного Серафима перед панихидой в сороковой день кончины отца Иоанна Кронштадтского. — Б. м., 1909. — 12 с. — Без тит. л. и обл.

Газ. «Друг». — 1909, № 28.

35. Слово, произнесенное Преосвященным Серафимом 21 декабря, пред молебствием в соборе и благословением хоругвей Союза русского народа. Кишинев, 1909. — 3 с. — Без тит. л. и обл.

Кишинев. епарх. ведомости. — 1909. — № 1-2.

36. Слово Преосвященного Серафима, епископа Кишиневского, 18 июня, о торжестве прославления благоверной великой княгини Анны Кашинской. — Кишинев, 1909. — 8 с.

Изд. Православного Кишиневского Христо-Рождественского братства. — № 285. — Без тит. л. и обл.

37. Слова и речи Преосвященного Серафима (Чичагова), ныне епископа Кишиневского и Хотинского, произнесенные им в бытность его священником и архимандритом. С прил. сост. им «Летописного очерка Зосимовой пустыни» и «Жития преподобного Евфимия, Суздальского чудотворца». — Кишинев, 1911. — 232 с.

38. Указания и распоряжения Высокопреосвященнейшего Серафима, архиепископа Тверского и Кашинского по Тверской епархии. Тверь: Типолитогр. М. В. Блинова, 1914. — 111 с.

39. Орловская епархия в 1906–1908 гг. при Преосвященнейшем епископе Серафиме (Чичагове). С прил. его речей, докл. и писем. — Кашинев: Епарх. тип., 1914. — 912 с.

40. Обращение Высокопреосвященного Серафима, архиепископа Тверского и Кашинского, к духовенству епархии по вопросу о возрождении приходской жизни. — Тверь: Типолитогр. М. В. Блинова, 1915. — 107 с.

41. Обращение Высокопреосвященнейшего Серафима, архиепископа Тверского и Кашинского, к монастырям Тверской епархии по поводу указа Св. Синода от 31 июня 1915 г. № 24. — Тверь: Типолитогр. М. В. Блинова, 1915. — 20 с. — Беспл. прил. к «Тверским епархиальным ведомостям». 1915. — № 32.

42. О возрождении приходской жизни: Обращение к духовенству Тверской епархии. — Петроград: Синод, тип., 1916. — 48 с. — Подпись: Серафим, архиепископ Тверской. — Прил. к «Приходскому листку» за 1916 г.

43. Резолюции его Высокопреосвященнейшего Серафима (Чичагова), архиепископа Тверского и Кашинского, к журналам Епархиального съезда 12–17 декабря 1917 г. — Тверь, 1918.

44. Российская Православная Церковь. Докл. Отд. о монастырях и монашестве, об общем положении для монастырей и монашествующих Священному Собору Российской Православной Церкви. — М., 1917.

45. Вопрос о вере: Беседа Преосвященного Серафима, епископа Кишиневского и Хотинского. — Кишинев: Епарх. тип., 1918. — 11 с. — Без тит. л. и обл.

Кишинев. епарх. ведомости. — 1911. — № 12.

46. Часть 2. Четыре удела Божьей Матери на земле...//Преподобный Серафим, Саровский чудотворец. Дивеевская тайна и предсказания о воскресении России. — Нью-Йорк: Комитет рус. православной молодежи за границей, 1981. — С. 223–355: ил.

47. Проповеди: О неповинном страдании. О борьбе с воображением. О бесах//Слово. — 1989, № 6. — С. 44–54. — Подпись: Митрополит Серафим.

48. Из письма о. Серафима духовному сыну Алексею Беляеву. — Архангельск, 1922 год: Документ эпохи//Мед. газ. — 1990. — 10 июня. — С. 3. — (Публ. В. В. Черной).

49. Медицинские беседы: Фрагменты//Мед. газ. — 990. — 10 июня. — С. 3. — Подпись: Л. М. Чичагов. — (Публ. В. В. Черной).

50. Молитвенник за землю Русскую//Журнал Московской Патриархии. — 1990, № 12. — С. 66–69: портр. — Подпись: Епископ Серафим (Чичагов).

51. О непрестанной молитве//Журнал Московской Патриархии. — 1990, № 9. — С. 58–59. — Подпись: Митрополит Серафим (Чичагов).

52. О себе//Мед. газ. — 1990. — 10 июня. — С. 3: портр. — Без подписи. — (Публ. В. В. Черной).

53. О современном мученичестве//Журнал Московской Патриархии. — 1990, № 10. — С. 38–39. — Подпись: Митрополит Серафим (Чичагов). То же//Москва. — 1991, № 12. — С. 181.

54. Что служит основанием духовности?//Журнал Московской Патриархии. — 1990, № 9. — С. 70–75. — Подпись: Митрополит Серафим (Чичагов).

55. Что служит основанием каждой науки? Фрагм.//Мед. газ. — 1990. — 10 июня. — С. 3. — Подпись: Чичагов Л. М. — (Публ. В. В. Черной).

56. Что служит основанием каждой науки? — М., 1996. — 93 с.

57. Из «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря»//Журнал Московской Патриархии. — 1991, № 12. — С. 43–47. — Подпись: Подготовил диакон Андрей Лоргус. — Публ.

58. Кончина старца Серафима//Моск. церков. вестник. — 1991. — Янв. (№ 2). — С. 16. — Подпись: Священник Леонид Чичагов. 1896.

59. На пути кризиса//Моск. церков. вестник — 1991. — Февр. (№ 3). — С. 7. — Подпись: Епископ Серафим (Чичагов).

60. Слово о бесновании: (В Неделю 23-ю по Пятидесятнице)//Москва. — 1992, № 11-12. — С. 199-203. — Подпись: Епископ Серафим (Чичагов). — (Публ. В. В. Черной).

61. Слово на Рождество Христово//Николо-Угрешский вестник.—1992, № 5.— С. 2.— Подпись: Митрополит Серафим (Чичагов). — (Публ. В. В. Черной).

62. Митрополит Серафим (Чичагов). О святых мощах. (Конспект статьи, публ. с сокр.). — М.: Град Китеж, 1992, № 4 (9).

63. Да будет воля Твоя. Сб. В 2 ч./Сост. В. В. Черная-Чичагова. Ч. I. Ищите Царствия Божия. — 288 с.; Ч. II. Лестница для молитв веры. — 384 с. — М.; СПб., 1993.

Список духовно-музыкальных сочинений митрополита Серафима (Чичагова)*

Литургическая музыка

В нотографии, составленной Е. М. Левашевым, указано 10 сочинений преосвященного Серафима (Чичагова):

Духовно-музыкальные произведения: № 1 «Достойно есть»; № 2 «Святый Боже». М.: Изд. авт., б. г.

«Благослови, душе моя, Господа», «Милость мира», «Тебе поем». М.: П. Юргенсон, б. г.

«Святый Боже», Херувимская. М.: П. Юргенсон, б. г.

Херувимская. М.: П. Юргенсон, 1911.

Херувимская. М., б. г.

Херувимская. М.: П. Юргенсон, 1916.

В «Своде сочинений и напевов Православной Церкви» указано 9 сочинений:

«Благослови, душе моя, Господа» (на литургии): Три хора. М.: П. Юргенсон, после 1912.

«Достойно есть»: Дух.-муз. перелож. М.: Изд. авт., 1912.

* Журнал: «Ныне и пристно», № 2, 2004, с. 39–40.

«Иже Херувимы» («Херувимская песнь»). 4 напева. 1-й — М.: П. Юргенсон, 1911; 2-й — М., б. г.; 3-й (Два хора) — М.: П. Юргенсон, после 1912; 5-й — М.: П. Юргенсон, 1916.

«Милость мира». М.: П. Юргенсон, после 1912.

«Святый Боже». № 2. М.: Изд. авт., после 1912.

«Тебе поем». М.: П. Юргенсон, после 1912.

В отделе нотных изданий Российской государственной библиотеки хранятся 5 духовных песнопений преосвященного Серафима. Приведем описание этих изданий:

«Достойно есть» № 2 и «Святый Боже». М., б. г. (1911).

«Херувимская песнь». М.: Нотопечатня П. Юргенсона, 1911.

«Херувимская песнь» № 2 и «Великая ектения». М.: Нотопечатня П. Юргенсона (1911).

Вокальные сочинения, расположенные в хронологическом порядке их издания.

1911

«Зачем сомнение в любви святой Христовой».

«Ты Бог мой» (дуэт тенора и баса).

«Первомученик архидиакон Стефан» (Посв. Михаилу Алексеевичу Соколову).

1912

«О Мати Божия» (дуэт для сопрано и баритона).

«Когда на небе заря зажжется» (дуэт женских голосов).

«Святая любовь» (квартет).

1914

«Тайна».

«Скорбная повесть».

«Душа изнемогла».

«О солнце, засвети мне огонек» (Посв. Елене Григорьевне Сушковой-Белоусовой).

«Радость там, счастье и прощенье».

1915

«Моя молитва» (дуэт тенора и баса в сопровождении фисгармонии и мужского хора закрытым звуком); второй вариант: «Хочу молиться».

«Сила веры» («Ты мой Бог и Отец»).

Фортепианные сочинения

«Листки из музыкального дневника» для органа-фисгармонии:

1. Скорбь о людях.

2. Мировая скорбь.

3. Душевный мир.

4. Крик души.

5. Мысли о Боге.

«Музыкальный дневник» для фортепиано или фисгармонии

1. Утренняя заря.

2. Мир отнят злыми людьми.
3. Грустный ответ.
4. Одиночество.
5. Несение креста.
6. Элегия (Мой путь еще не окончен).
7. Искушение.
8. Сердечная тревога.
9. Тяжело всю жизнь терпеть обиды – неза-
служенно, за правду, труд и искреннее чувство.
10. Нет правды. Неправда – отравляет
жизнь, мучительна для сердца, точно сдела-
лась потребностью людей, даже обманывают
тех, которых сами любят.
11. Роковой ответ.
12. Скорбь о Родине.
13. Сочувствие.
14. Доброе прошлое – оказывается невоз-
вратимым.
15. Рассказ.
16. Обычное состояние сердца.
17. Лицемерие.
18. Глубоко пали люди! Сил нет более звать
ко спасению; они обезумели.
19. Мольба.
20. Нет успокоения! Не успокаивающая ко-
лыбельная песнь.
21. Сон.

22. Вразумление.
23. Успокойся, дитя Божие.
24. Безнадежное сердце.
25. Досада на судьбу.
26. Душевная борьба.
27. Спор.
28. Вечерняя заря.
29. Зачем сомненье в любви святой Христовой.
30. Мечты о будущем — это обман молодости.
31. Облегчение скорби.
32. Видение будущего.
33. Слава любви Твоей, Христе Боже.

Основные даты жизни священномученика митрополита Серафима (Чичагова)

9 января 1856 г. — родился в г. Санкт-Петербурге.

29 января 1856 г. — крещен в церкви святого благоверного князя Александра Невского при Михайловском артиллерийском училище г. Санкт-Петербурга.

1866 г. — кончина отца Михаила Никифоровича Чичагова.

1869–1874 гг. — обучался в 1-й классической гимназии г. Санкт-Петербурга, затем в Пажеском, Его Императорского Величества корпусе.

28 июля 1870 г. — зачислен в пажи к Высочайшему двору.

25 декабря 1874 г. — окончил курс в старшем специальном классе Пажеского корпуса по 1-му разряду. Произведен в камер-пажи.

1874 г. — зачислен на службу в Гвардейскую артиллерийскую бригаду Преображенского полка.

4 августа 1875 г. — произведен по экзамену в подпоручики и направлен в 7-ю конно-артиллерийскую бригаду.

14 сентября 1875 г. — прикомандирован к 1-й Его Величества батарее Гвардейской конно-артиллерийской бригады.

15 сентября 1875 г. — в связи с упразднением 7-й конно-артиллерийской бригады переведен в 5-ю конно-артиллерийскую батарею.

13 августа 1876 г. — переведен в 1-ю Его Величества батарею Гвардейской конно-артиллерийской бригады прапорщиком.

30 августа 1876 г. — произведен в подпоручики.

23 августа 1877 г. — 20 сентября 1878 г. — участвовал в Русско-турецкой войне.

23 декабря 1877 г. — за мужество и храбрость в сражениях с турками под Горным Дубняком 12 октября и под Телишем 16 октября 1877 г. награжден орденом Святой Анны 4-й степени (с надписью «За храбрость»). За осаду и взятие Плевны пожалован саблей с дарственной надписью от Императора.

16 апреля 1878 г. — произведен в поручики.

7 мая 1878 г. — за переход через Балканы 13–19 декабря 1877 г. награжден орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

7 мая 1878 г. — за сражение под Филиппополем 3, 4 и 5 января 1878 г. награжден орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом.

16 июля 1878 г. — награжден светло-бронзовой медалью в память войны 1877–1878 гг.

1878–1908 гг. — был духовным сыном протоиерея Иоанна Сергиева — святого праведного Иоанна Кронштадтского.

8 апреля 1879 г. — вступил в брак с Наталией Николаевной Дохтуровой; венчались в Спасо-Преображенском, всей артиллерии, соборе г. Санкт-Петербурга.

12 января 1880 г. — родилась дочь Вера.

25 сентября 1880 г. — назначен адъютантом к товарищу (заместителю) Его Императорского Величества генерал-фельдцейхмейстера.

12 апреля 1881 г. — произведен в штабс-капитаны.

21 июня 1881 г. — родилась дочь Наталия.

4 августа 1881 г. — командирован во Францию на маневры французских войск.

30 августа 1881 г. — за отлично-усердную и ревностную службу награжден орденом Святого Станислава 2-й степени.

31 октября 1881 г. — назначен ктиторм Сергиевского, всей артиллерии, собора в Санкт-Петербурге.

30 января 1882 г. — награжден французским офицерским крестом ордена Почетного Легиона и черногорским орденом Данилы I-го IV-й степени.

14 января 1883 г. — родилась дочь Леонида.

6–28 мая 1883 г. — награжден Румынским Железным крестом и темно-бронзовой

медалью на Александровской ленте в память Священного Коронования Их Императорских Величеств 15 мая 1883 г. в Успенском соборе Московского Кремля.

28 мая 1883 г. — награжден Его Величеством князем Болгарским орденом Святого Александра 3-й степени.

30 августа 1884 г. — награжден орденом Святой Анны 2-й степени.

2 сентября 1886 г. — родилась дочь Екатерина.

24 декабря 1888 г. — зачислен в запас Гвардейской конной артиллерии.

15 апреля 1890 г. — приняв решение стать священником по благословению о. Иоанна Кронштадтского, вышел в отставку штабс-капитаном с мундиром.

7 января 1891 г. — произведен в полковники для сравнения (уравнивания) со сверстниками.

1891 г. — переезд в Москву с семьей.

26 февраля 1893 г. — рукоположен в диакона в Московской Синодальной церкви Двенадцати апостолов.

28 февраля 1893 г. — рукоположен в пресвитера и приписан к Кремлевской Синодальной церкви Двенадцати апостолов. Реставрировал и украшал на свои средства церковь во имя апостола Филиппа (верхний приделный храм церкви Двенадцати апостолов в Кремле) и церковь Двенадцати апостолов.

8–9 октября 1893 г. — священник Леонид Чичагов награжден набедренником и бархатной фиолетовой скуфьей за усердную заботу об украшении придельной церкви во имя апостола Филиппа при Синодальной церкви Двенадцати апостолов в Кремле.

1894 г. — кончина матери Марии Николаевны Чичаговой. Похоронена на Смоленском православном кладбище г. Санкт-Петербурга в семейной усыпальнице Чичаговых.

1895 г. — кончина жены Наталии Николаевны. Похоронена на кладбище Серафимо-Дивеевского монастыря.

1895 г. — реставрирует храм святителя Николая в Старом Ваганькове, в котором затем и будет служить.

14 февраля 1896 г. — по распоряжению протопресвитера военного и морского духовенства Александра Желобовского определен к церкви во имя святителя Николая в Старом Ваганькове для окормления артиллерийских частей, заведений и учреждений Московского военного округа.

14 мая 1896 г. — награжден камилавкой.

1896 г. — первое издание «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря».

6–28 мая 1896 г. — присутствовал на Священном Короновании Их Императорских Величеств в Москве.

12 марта 1897 г. — награжден болгарским орденом Святого Александра «За гражданские заслуги» 2-й степени с наперсным крестом.

10 июля 1897 г. — награжден серебряной медалью на Андреевской ленте в память Священного Коронования Их Императорских Величеств 14 мая 1896 г. и греческим орденом Христа Спасителя 2-й степени.

30 апреля 1898 г. — орденом (распоряжением) протопресвитера военного и морского духовенства Александра Желобовского уволен от службы в отставку.

14 августа 1898 г. — постриг в мантию с именем Серафим; иеромонах Серафим приписан к братству Троице-Сергиевой лавры.

1899 г. — назначен настоятелем Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря с возведением в сан архимандрита и назначен благочинным монастырей Владимирской епархии.

Август 1902 г. — участвовал в предварительном освидетельствовании гроба и честных останков приснопамятного старца Серафима Саровского.

1902–1903 гг. — вел запись случаев чудотворений и помощи от преподобного Серафима Саровского.

20 октября 1902 г. — архимандрит Серафим (Чичагов) доставил, установил и возжег неугасимую лампаду, подаренную Государем Императором Николаем II, перед иконой Божией

Матери «Умиление» в Троицком соборе Дивеевского монастыря.

29 ноября 1902 г. — по высочайшему повелению Государя Императора Николая II и определением Святейшего Синода на архимандрита Серафима возложены подготовительные работы по проведению торжеств прославления преподобного Серафима Саровского.

1902 г. — архимандрит Серафим избран Почетным членом Палестинского общества.

11 января 1903 г. — участие в повторном освидетельствовании честных останков старца Серафима и подписание акта повторного освидетельствования.

29 января 1903 г. — деянием Святейшего Синода подтверждается Высочайшее поручение архимандриту Серафиму организации торжеств прославления преподобного Серафима. Составление церемониала торжественного открытия святых мощей преподобного Серафима Саровского.

1903 г. — написание и издание «Жития прп. Серафима Саровского». Второе издание «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря».

17–19 июля (30 июля — 1 августа по н. ст.) 1903 г. — активное участие в торжествах прославления преподобного Серафима Саровского. Вручение архимандриту Серафиму драгоценного дара — митры от Государя.

14 февраля 1904 г. — архимандрит Серафим перемещен на должность настоятеля Воскресенского монастыря в Новом Иерусалиме Московской епархии.

28 апреля 1905 г. — хиротонисан во епископа Сухумского в Успенском соборе Московского Кремля.

6 февраля 1906 г. — перемещен на Орловскую кафедру.

1907 г. — посещение тяжелобольного протоиерея Иоанна (Кронштадтского). Борьба против кощунственной пьесы «Черные вороны».

1907 г. — назначен присутствующим членом Святейшего Синода.

23 мая 1908 г. — награжден орденом Святой Анны 1-й степени за организацию приходской жизни в Орловской епархии.

28 октября 1908 г. — назначен епископом Кишиневским и Хотинским.

16 мая 1912 г. — возведен в сан архиепископа в день празднования столетия присоединения Бессарабии к Российской империи.

20 марта 1914 г. — перемещен на Тверскую кафедру: архиепископ Тверской и Кашинский.

1917 г. — неканоническое удаление с Тверской кафедры.

1917–1918 гг. — член Всероссийского Поместного Собора Русской Православной Церкви.

17 сентября 1918 г. — назначен на Варшавскую и Привислинскую кафедру, не смог выехать в Польшу из-за политической ситуации.

1918—январь 1921 гг. — пребывание в Черниговском скиту Троице-Сергиевой лавры.

1920 г. — Владыка Серафим поселился в Москве и служил в различных храмах.

24 июня 1921 г. — постановлением судебной «тройки» ВЧК осужден к высылке в архангельский концлагерь сроком на 2 года.

21 сентября 1921 г. — первый арест. Таганская тюрьма. 14 января 1922 г. — освобожден из тюрьмы.

25 апреля 1922 г. — арестован и этапирован в распоряжение Архангельского губотдела по 24 июня 1923 г. (на половину срока).

20 марта 1923 г. — выслан в Марийскую область сроком на 1 год.

16 апреля 1924 г. — второй арест. Заключение в Бутырской тюрьме.

14 июля 1924 г. — освобожден из-под стражи под подписку о невыезде из Москвы.

25 августа 1925 г. — по ходатайству Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Тихона дело прекращено. **1926–1928 гг.** — митрополит Серафим на покое в Воскресенском Феодоровском монастыре под г. Шуей.

1927 г. — признание церковной власти и юрисдикции заместителя Патриаршего

Местоблюстителя митрополита Сергия (Старгородского).

1928–1933 гг. — митрополит Ленинградский и Гдовский.

28 декабря 1929 г. — митрополит Серафим возглавляет отпевание священномученика архиепископа Илариона (Троицкого) и организует его погребение на кладбище Ленинградского Новодевичьего монастыря.

24 октября 1933 г. — последнее служение в Спасо-Преображенском соборе в Ленинграде. Митрополит Серафим отправлен на покой. Поселился сначала в подмосковном поселке Малаховка, затем в поселке близ ст. Удельная под Москвой.

30 ноября 1937 г. — последний, третий арест; тяжелобольного митрополита Серафима доставили в Таганскую тюрьму.

7 декабря 1937 г. — по обвинению в причастности к «контрреволюционной монархической организации» митрополит Серафим приговорен к расстрелу.

11 декабря 1937 г. — митрополит Серафим (Чичагов) расстрелян на полигоне НКВД в подмосковном поселке Бутово.

23 февраля 1997 г. — прославлен на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в лике святых священномучеников Российских.

О благотворительном фонде Дворянского рода Чичаговых

Восстановление исторической памяти ныне полузабытых, но в прошлом прославленных родов российского дворянства в наше время приобретает весьма актуальное значение. Сила примера лучших сынов и дочерей российского дворянства, обращение к истокам их патриотизма, историческим традициям хранения в чистоте нравственных ценностей Православия, верности воинскому и гражданскому долгу перед Отечеством несомненно должны послужить нам опорой, помочь Духовному Возрождению и Развитию России. Именно в этом контексте следует рассматривать деятельность учрежденного в 1999 году в Москве Благотворительного Фонда дворянского рода Чичаговых.

Усилия Фонда направляются на материальное обеспечение и практическую реализацию благотворительных программ и отдельных акций.

В их числе:

— организация и осуществление на базе архивных данных и музейных материалов исследований, позволяющих воссоздать историческую правду о роли выдающихся

представителей рода Чичаговых в истории Российского государства, организовать публикацию результатов таких исследований;

— подготовка к публикации и издание исторических, философских, медицинских и богословских трудов святейшего митрополита Серафима (Чичагова), дневников адмирала П. В. Чичагова, исторических трудов Н. П. Чичагова и других представителей чичаговского рода;

— проведение в России благотворительных акций с целью воспитания у подрастающего поколения чувства патриотизма, верности принципам, идеалам и традициям, составляющим понятие Кодекса Чести Гражданина и Защитника своего Отечества;

— проведение ряда мероприятий по увековечиванию памяти видных представителей рода Чичаговых;

— подготовка и осуществление программы восстановления связей потомков рода Чичаговых, проживающих в России и за рубежом, проведение в России встреч представителей рода Чичаговых с целью их приобщения к участию в деятельности Фонда в приемлемой для них форме.

«Всякая попытка объединения людей в добром деянии благословенна перед Богом», — эти слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II вдохновляют всех, кто участвует в деятельности Фонда, и убеждают их в том, что они находятся на верном пути и делают нужное и общепольное дело.

Наш Фонд — это некоммерческая благотворительная организация. Его деятельность осуществляется за счет добровольных взносов и пожертвований частных лиц и заинтересованных организаций (спонсоров).

Желающих поддержать материально деятельность Фонда приглашаем посылать свои денежные пожертвования на наш счет ИНН 7702232132, КПП 770201001, р/сч. № 40703810838100100722 в Вернадском ОСБ РФ № 7970 г. Москвы; БИК 044525225, кор/сч. 30101810400000000225 в Сбербанке России, г. Москва.

Общественный контроль за деятельностью Фонда призван осуществлять Попечительский Совет, состоящий из ряда государственных и общественных деятелей, видных военачальников, деятелей науки и культуры, церковных иерархов и представителей деловых кругов России и некоторых зарубежных стран, где проживают потомки чичаговского рода...

Первым президентом Фонда была настоятельница московского Богородице-Смоленского монастыря игумения Серафима (в миру Варвара Васильевна Черная-Чичагова), а после ее ухода из жизни президентом Фонда стал Владимир Алексеевич Юлин, ветеран дипломатической службы.

Правление Фонда.

Контактный телефон (8-499) 242-24-20.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	6
Семья	8
Военная служба	22
Священник	51
Монашество и участие в прославлении преподобного Серафима Саровского	75
Епископ Сухумский	132
Епископ Орловский и Севский	140
Кишиневская кафедра	163
Архиепископ Тверской и Кашинский. Испытания войной и гражданской смутой	195
Хождение по мукам в лихолетье гонений	226
Годы обновленчества	256
Последние годы жизни и мученическая кончина	281
Реабилитация и канонизация	301
Святые бутовские мученики, молите Бога о нас!	331
Полнота Церкви и будущее России	341

Источники	352
Список трудов свт. Серафима (Чичагова)	367
Список духовно-музыкальных сочинений митрополита Серафима (Чичагова)	379
Основные даты жизни священномученика митрополита Серафима (Чичагова)	384
О благотворительном фонде Дворянского рода Чичаговых	394

ЧАСОВНЯ ВО ИМЯ СВЯТАГО ДУХА
ул. Шверника, строение 17
КНИЖНАЯ ЛАВКА

Издательство

Сибирская Благовонница

ПРЕДЛАГАЕТ ШИРОКИЙ ВЫБОР ПРАВОСЛАВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

БОГОСЛОВСКАЯ, ЖИТИЙНАЯ, МИССИОНЕРСКАЯ,
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ, ДЕТСКАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Большой выбор книг
для начинающих церковную жизнь.

www.blagozvon.ru

Юлин Владимир Алексеевич
СЕРАФИМ ЗНАЧИТ ПЛАМЕННЫЙ

Очерк земной жизни
священномученика митрополита
Серафима (Чичагова)

Научный редактор *В. П. Овсянников*
Редактор *Л. А. Чуткова*
Корректор *Т. А. Фролова-Базарева*
Художественное оформление *К. А. Зубченко*
Верстка *В. А. Фролова*
Техническое сопровождение *Ю. В. Мосягин*

Сибирская Благовонница

Подписано в печать 05.07.2010. Формат 70х100/32
Бумага офсетная. Печ. л. 12.5 Тираж 7 000 экз.
Заказ № 4273.

Адрес издательства:
109012, г. Москва, ул. Никольская, д. 7/9, строение 6,
E-mail: syb-blag@yandex.ru, www.blagozvon.ru.

Отдел оптовых продаж:
109202, г. Москва, шоссе Фрезер, д. 9,
телефон: 8 (499) 171-82-45, телефон/факс: 8(499) 171-98-75.

Отпечатано с электронных носителей издательства:
ОАО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, д. 5.
Телефон: +7(4822) 44-52-03, 44-50-34, телефон/факс +7(4822) 44-42-15.
Home page – www.tverpk.ru. Электронная почта (E-mail): sales@tverpk.ru

Владимир Алексеевич Юлин родился в 1931 г. в Туле. Ветеран российской дипломатической службы. Работал в Лондоне, Нью-Йорке, Женеве, 14 лет находился на ответственных должностях в Секретариате ООН. Участвовал в миротворческих операциях ООН в Камбодже, Южной Африке и Косове. 12 лет занимался научной работой. Имеет ученую степень кандидата экономических наук и звание старшего научного сотрудника. Связан родством с Чичаговыми (женат на правнучке митрополита Серафима). Президент Благотворительного фонда дворянского рода Чичаговых. Автор ряда публикаций об истории дворянского рода Чичаговых и о наиболее прославленных представителях этого рода.

Труд о жизни святителя Серафима (Л. М. Чичагова), с именем которого связана эпоха Русской Православной Церкви. Большое место в нем уделено составленной святителем «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» и его участию в канонизации преподобного Серафима Саровского. *«Все свои таланты, жизненный опыт, необычайную силу духа, — всю мощь своей неповторимой личности Владыка отдавал на служение Богу и людям. Бескомпромиссный иерарх, борец за чистоту Православия, он... бесстрашно выступал на борьбу со Смутой, революционными беспорядками, сектантством и расколами всякого рода. Он считал, что возрождение России возможно только путём возрождения приходской жизни, верил в торжество исконно русских начал... Он призывал людей к любви и единению»... (Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II).*